

АЛЛА
ЛАГУТИНА

МИСС

СТРАНА.

ЧУДОВИЩЕ

И КРАСАВИЦА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
МИСТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

#СЕТЬ

Алла Лагутина

Мисс Страна.

Чудовище и красавица

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Её не отпускают страшные сны. Экзотической красавице, дочери шамана, участнице конкурса «Мисс страна» снятся убийства. Реальные жестокие убийства, причем видит она их глазами жертв. Она своя в мире столичного шоу-бизнеса, подруга и конкурентка завтрашних жертв. Достаточно ли силен ее дар, чтобы опередить того, кто ей снится и кого обычные люди считают серийным маньяком? Сможет ли она избавить мир от темных сущностей и спасти красоту, украденную безумцем? И может ли она доверять тому единственному, кто вызвался ей помочь?

«Если бы она только могла их как-то предупредить! Тех, кого видит во сне...

Но во сне Сандугаш никогда не была собой. Она была жертвами. Ими всеми. И бесполезно, наверняка бесполезно искать в Интернете эту рыжую Анну. В рыжий она выкрасилась в день смерти. Какого цвета волосы у нее были до того – Сандугаш не знает. А главное – о

пропавших взрослых редко пишут. Вот про детей – да. А про взрослых – только если родственники поднимают переполох. Но чтобы искать, надо хотя бы знать, какой это город... Где знаменитый кремль? Кроме Москвы?»

Содержание

Пролог	6
Часть первая	24
Глава 1	24
Глава 2	46
Глава 3	55
Глава 4	86
Глава 5	104
Глава 6	147
Глава 7	172
Глава 8	184
Глава 9	196
Часть вторая	208
Глава 1	208
Глава 2	226
Глава 3	235
Глава 4	247
Глава 5	264
Часть третья	272
Глава 1	272
Глава 2	285
Глава 3	291
Глава 4	300
Глава 5	321

Глава 6	331
Глава 7	359
Глава 8	366

Алла Лагутина Мисс Страна. Чудовище и красавица

Пролог Подиум

Подиум залит светом прожекторов – идешь вперед, и кажется, что вокруг полная темнота. Ты знаешь, что зрительный зал набит битком, несколько сотен людей пришли посмотреть на ту, кого через три четверти часа объявят самой красивой девушкой страны. Три четверти часа – выход пяти финалисток. Вся жизнь девушек – их время, мечты, мысли, сны были посвящены этим грядущим минутам. Каждая участница надеялась на успех. Даже те, кто в глубине души был уверен, что честных конкурсов красоты не существует, что корона либо оплачена богатенькими родителями красавицы, либо отработана в постели с одним из спонсоров. Такие сплетни ходили вокруг «Мисс Страны», и чем ближе становился день финала, тем живее эти трагически несправедливые сценарии обсуж-

дались конкурсантками.

«Видели, у Астаевой родители в зале! На папаше пиджак Brioni, я рассмотрела надпись на пуговичке, когда мимо шла. Знаете, сколько стоит такой пиджак? Минимум пятерку евро. О чем тут можно говорить? У моей вот мамы даже на билет до Москвы денег не хватит, вздумай она на меня посмотреть...»

«Та тихоня из Ярославля – на видмышь мышью, а сама вчера где-то всю ночь шлялась. И ей пофиг, что по правилам нам нельзя покидать пансионат. К утру явилась, от нее шампанским пахло, а взгляд был такой мечтательный – так только после секса бывает. А все заливала – мол, бойфренд у нее в Ярославле остался, пожениться они собираются. А теперь плевать хотела и на бойфренда, и на всех вокруг – пальцем ее поманили, она и пошла!»

«У Сердюк откуда-то появилось кольцо с брюликом. Так, ничего особенного, говенный брюлик – максимум половина карата. Но она так палец вперед выставляет, как будто ей арабский шейх предложение сделал. Спрашивается, откуда такое? У Сердюк, у девочки с пластмассовыми заколками, которая ботинки маркером подкрашивает, чтобы они казались поновее!»

Всё это обсуждалось в курилке (многие девушки в процессе подготовки к конкурсу прирастали к си-

гаретам – никотин хорошо отбивал аппетит), в столовой, на обязательной утренней пробежке, перед сном. Девушки разбивались на группы, но каждая их участница молчаливо ненавидела остальных – нет, это была не дружба, а вынужденные коалиции. Месяц назад, когда все они – двадцать пять самых красивых девчонок страны – въехали в подмосковный пансионат, где их ежедневно и почти круглосуточно учили себя подавать на подиуме, они были наивными цветочками, обычными добрыми девчонками. И вот за считанные дни произошла трансформация – ангельский сонм обратился в копошащийся клубок змей. Обычное дело, ничего особенного. Мир профессиональных красавиц жесток и требует не только железной воли и невероятного трудолюбия, но и навыка в нужный момент пройти по головам, проявить хитрость и, наоборот, красиво выкрутиться, если тебя подставили другие. Иначе не победить.

Не все из этих красоток останутся в мире подиума. Для кого-то конкурс будет просто яркой деталью жизни – они вернутся в родной город, продолжат учебу в институте, выйдут замуж и время от времени станут с гордостью демонстрировать друзьям фотоальбом. Они забудут этот змеиный подтекст и снова превратятся в ангелов. Утратят бульдожью хватку – за ненадобностью. Но пока все они – воины, и каждая взвин-

чена до такого состояния, как будто от короны зависит жизнь ее семьи.

– Давай, Люда! У тебя все получится! – Брюнетка в расшитом стразами белом платье толкает в спину конкурентку, улыбается ей в лицо, а как только та выходит на подиум, шепчет: – Да чтоб ты там свалилась. Ноги кривые, мозги куриные, а всё туда же – на «Мисс Страну». – И совсем уж себе под нос добавляет: – Сучка.

Сандугаш молча наблюдала за происходящим вокруг. Ее здесь считали странной, не от мира сего. Она была приветливой, но подругами так и не обзавелась. Ее красота казалась необычной и «честной» – не той, что видна только на фотопленке, а той, которая сразу бросается в глаза. Но почему-то остальные не прочили ей успеха. А когда ее имя назвали в числе пяти финалисток, даже удивились – ничего себе, вот так серая лошадка!

И вот наконец пришла ее очередь идти вперед. Распорядитель конкурса, Влад, манерный молодой человек с фиолетовым ирокезом, ободряюще потрепал девушку по плечу:

– Давай, моя милая! Не подведи, порви их там всех!

Ничего личного, Влад говорил одни и те же напутственные слова каждой.

И Сандугаш пошла вперед, стараясь не щурить-

ся от ослепительных прожекторов. Отрепетированная улыбка, спокойное лицо – на нем тонна грима, но из зрительного зала оно кажется почти ненакрашенным. Один шаг, другой, третий. Ее появление встретили аплодисментами. На ней были платье стоимостью несколько тысяч долларов и туфли на два размера меньше, из-за которых она чувствовала себя сказочной Русалочкой. Обычное дело – девочки подстраиваются под одежду, а не наоборот. Она шла, и все мысленно примеряли на ее голову корону победительницы – потянет ли?

Забавно, каких-то пару месяцев назад ее жизнь была совершенно иной. Сандугаш и представить тогда не могла, что она будет идти по подиуму среди первых красавиц русских городов. Сидела в своей деревне Выдрино на берегу Байкала, жизнь ее была простой, и мечты – тоже простыми, маленькими. И вдруг новая реальность заменила собой привычную, это произошло так быстро, как будто снежный ком прокатился.

Стоя на краю подиума, улыбаясь камерам, она вспомнила лицо человека, с которого все и началось. Костино лицо.

Микроскопические красные трусики болтаются на щиколотке – китайские, на отложенные копейки купленные, дешевая ткань так царапает кожу, что вот-вот

начнется дерматит; томно выгнутая спина, как у модели с обложки какого-то журнала. Сандугаш накануне два часа в ванной репетировала, пока мать не начала стучать в дверь: «Сандугаш, мне пора малышей купать!» Горький сигаретный дым густым облаком входит в легкие. Черт, все-таки закашлялась!

А на краешке постели сидит Костя, ее самый большой секрет.

Они любовники уже целых семь месяцев и двенадцать дней. И все эти семь месяцев и двенадцать дней Сандугаш была так счастлива, что казалось, будто ее тело наполнено веселящим газом. словно гелиевый шарик, готовый вырваться из рук и, кружась, улететь к высоким облакам.

Как изменила ее любовь!

Была тихая девочка-интроверт, «со странностями», всё жалась по углам, подолгу могла разговаривать только с единственной подругой Ритой.

И вдруг – в глазах огонь, всё время тянет рассмеяться, хочется посмотреть легкомысленное кино и вообще сделать что-нибудь дурацкое – хоть по снегу босиком, хоть танцевать под песенки из советских мультфильмов, хоть нарисовать веки изумрудными тенями.

Первая любовь. Первый мужчина.

Но есть проблема. Косте под пятьдесят, и он друг

отца Сандугаш.

Если бы дело происходило в большом городе, никто бы и внимания не обратил на этот союз. Но в селе на берегу Байкала свои социальные законы – там и за спиной начнут шептаться, и нелестные эпитеты к ее личности подбирать, и напрямую выражать свое ценное мнение. А уж что будет с отцом, страшно подумать. Как и многие отцы, он не заметил, как Сандугаш выросла. Такое часто случается с мужчинами. Может быть, в этом выражается страх смерти и старческой немощи. Вдруг однажды понимаешь, что твоя любимая дочь – не тот ребенок, который хлопал в ладоши, когда ты возвращался вечером с кульком слипшихся карамелек, а вполне себе взрослая женщина, с грудью второго размера и кошачьей истомой в глазах. На прошлый Новый год отец удивил Сандугаш – подарил ей куклу. Обычную куклу в красивом атласном платье, с уложенными в кудельки волосами и длинными ресничками. И теперь вдруг сказать ему: «Папа, я трахаюсь с твоим лучшим другом, давно, мы любим друг друга и собираемся вместе жить...»

То есть это Сандугаш надеялась, что они с Костей вскоре будут делить одно пространство. Она об этом мечтала. Это представлялось ей естественным развитием событий, почти законом природы. Ведь пока они любовники, им постоянно приходится прятаться,

даже не могут погулять вдвоем, зайти в кафе или посидеть на набережной.

Они боялись посторонних глаз. Роман должен быть тайным – так решили оба. Вернее, Сандугаш убедила себя в этом со временем, на самом же деле решение озвучил Костя.

Она приходила, он прямо с порога начинал целовать ее лицо, потом на руках относил в спальню, раздевал бережно, как куклу. После пили чай, болтали о чем-то. Два часа пролетали как минута.

– Я тебя люблю! – вырвалось у Сандугаш.

– А вдруг нет? – Костя легонько щелкнул ее по носу. – В твоём возрасте вообще не стоит любить.

– Что же стоит делать в моём возрасте? – оцети-нилась она.

Сандугаш не любила, когда он намекал на разницу в годах. Это как будто бы создавало пропасть между ними.

– Наслаждаться, конечно, что же ещё? Хочешь, пожарю гренки с сыром?

– Нет аппетита, – вздохнула девушка. – Я вообще-то серьёзно. Я тебя люблю.

– Я понял. Просто о серьёзных вещах лучше не говорить с серьёзной интонацией. Это всё портит... Я тоже тебя люблю.

– Да? – Она подпрыгнула на кровати, словно током

ударенная. – Любишь?

– А как же может быть иначе? – Костя притянул ее к себе и поцеловал в макушку. – Разве можно такую, как ты, не любить? Вот что ты во мне нашла – это вопрос.

– Не говори так!

Костя казался Сандугаш самым прекрасным мужчиной на свете. Красивее, чем Хью Джекман. И чем Бенедикт Камбербетч. На свой возраст Костя не выглядел, у него было тело спортсмена – ни грамма жира, сплошь литые мышцы под золотой от загара кожей. Хотя весь его спорт – физический труд на свежем воздухе. Он работал автомехаником. А прошлым летом старый дом, еще его дедом построенный, подновил и жилую пристройку к нему сделал, практически в одиночку, своими руками.

Сандугаш ждала, когда они в этом доме наконец поселятся вместе. Конечно, она бы предпочла совсем новое жилье, чтобы с чистого листа начать, будто и у Кости нет прошлого. В этом же доме повсюду были незримые следы присутствия других женщин – всех, кого Костя когда-то любил, его бывших жен. И вполне зримые следы присутствия нынешней жены... То есть будущей бывшей. Ничего не поделаешь. Трудно остаться холостяком в пятьдесят, но все-таки мысль о том, что когда-то эти сильные загорелые руки обнимали кого-то другого, была для Сандугаш невыносимой.

Утешало только одно: вера, что она, Сандугаш, для него – первая настоящая любовь. Другие были – просто бабы. Он сам так сказал...

– Когда расскажем отцу? – с деланной небрежностью спросила она.

Сандугаш готовилась к этому разговору три дня, но ей хотелось, чтобы вопрос прозвучал как спонтанный.

Костя как будто бы удивился – густые темные брови поползли вверх.

– Котенок, зачем? Мы же хотели, чтобы это был секрет. Сама знаешь, какие у нас люди.

– Ну и что! Если я тебя люблю и ты меня тоже любишь, какое это имеет значение?

– А что, родители тебя о чем-то спрашивали? Заподозрили что-то? – насторожился он.

– Нет вроде. Им обоим не до того. Мама с близнецами возится и молодость-красоту сохранить старается. А папа... Ты знаешь, какой он. Но я надеюсь, что он не будет против, если я уйду из дома. Я все-таки уже взрослая. Он уже говорил со мной о замужестве.

– Уйдешь из дома?!

– Я бы хотела жить с тобой, – твердо сказала Сандугаш, и лицо ее в тот момент было таким спокойным – никто и не заподозрил бы, что сердце бьется, как у пойманного голубя. Волновалась она больше, чем перед тестами ЕГЭ.

– Но котенок... Тебе не понравится. Я скучный и мрачный. Я хочу быть твоим праздником. Не хочу однажды прочитать в твоих глазах «ты мне надоел, старый дурак».

– Этого не будет никогда! – Сандугаш обхватила руками его шею, и Костя, легко подняв ее, закружился по комнате.

Как же хотелось продлить этот момент на целую вечность! Застыть в нем, как муха в янтаре. Ее отец однажды рассказывал о самадхи – буддийском блаженстве, в которое навсегда погружается каждый, кто достиг просветления. Так вот же оно, блаженство. Близость этого человека, запах его волос, сила его рук.

– Подожди еще отцу говорить, – сказал Костя, разрушая все волшебство мгновения. – Подожди, пока я с Маринкой разведусь. Надо все же как-то по-человечески... Не могу я так с ним – ножом в спину. А то, что я с тобой, это – как нож в спину.

«А меня ножом в спину – можно?» – обиженно подумала Сандугаш. И, смиряясь, вздохнула: отца ее, Бату Номгоновича Доржиева, уважали все. Шаман – как не уважать? И конечно, ранить его чувства Костя боялся больше, чем расстроить Сандугаш. Но если, несмотря на все его уважение к шаману и другу, Костя стал ее любовником – значит, и правда любит.

Сандугаш была самой красивой девушкой в селе Выдрино. Все о ней с детства говорили: «Не нашего полета птица». Такой бы с обложек улыбаться, а не морковку в огороде полоть. Сандугаш, правда, и не полола: огорода у них не было, только грядки с отцовскими лекарственными травами, до которых он никого не допускал. Но все равно видеть такую красоту на выдринской грязной улочке, шагающую в обляпанных резиновых сапогах к автобусной остановке, уже казалось странным, почти кошмарным.

Красота Сандугаш не нуждалась в оправе – ей не нужны были косметика, дорогая одежда, французские шампуни, замысловатые духи. Она и так была драгоценностью, сама по себе. Вечная принцесса и Снегурочка всех детских утренников.

Мама у нее была русская, папа – бурят, и в результате смешения кровей Сандугаш получила красоту, выстроенную на контрастах, а оттого особенно выразительную. Нежный овал лица и резко выступающие скулы, как у Анджелины Джоли в роли Малефисенты. Четко очерченный, пухлый рот и тонкий нос с горбинкой. Белая кожа и длинные восточные брови. Глаза у Сандугаш были узкие, как у отца, но серо-голубые – в маму. Если что-то голубое или синее надеть, хоть шарфик на шею, – серый цвет из глаз совсем исчезал,

растворялся в чистой голубизне. Блестящие, гладкие черные волосы Сандугаш заплетала в простую косу, и даже такая прическа ей была к лицу, а уж если волосы распустить – она становилась похожа на красавиц с иллюстраций к бурятскому эпосу «Гэсэр». Только лучше. Потому что красавицы из эпоса были все же толстые, если смотреть на них с позиции сегодняшней моды. А Сандугаш была тоненькой, так что ее русская бабушка ворчала: «Ручки-ножки – паучьи, что не съест – как не в нее, должно быть, в девке глист сидит, сама как глиста...» Когда Сандугаш было десять, бабушка ее этими своими размышлениями про пауков и глистов доводила до слез. А потом Сандугаш привыкла, мимо ушей стала пропускать. Она радовалась своей худобе, потому что это было модно. Потому что это было красиво.

Да, Сандугаш знала, что она красивая. Но у нее не было амбиций, связанных с красотой. У нее вообще, кажется, никаких амбиций не было. С самого детства на тривиальный вопрос: «О чем ты мечтаешь?» – она без колебаний отвечала: «Быть счастливой!»

Сандугаш старалась жить так, чтобы каждая минута существования утверждала в ней внутреннее счастье. Некоторые считали ее немного заторможенной, но Сандугаш всего лишь была гурманом – ей нравилось смаковать каждый момент. Иногда она выходи-

ла во двор, подставляла лицо мороси и так стояла с улыбкой. Приятно, как будто само небо тебя ладошками гладит. Она все делала медленно, старалась не упускать деталей. Медленно читала, медленно ела, медленно и долго гуляла по берегу Байкала.

Озеро как живое существо, как древний бог. На него можно смотреть часами, и оно никогда не бывает одинаковым. У Байкала сотни лиц. А летом хорошо разбежаться и с визгом броситься в его ледяные прозрачные глубины. Зимой Сандугаш иногда ложилась на лед и смотрела в его толщу. Словно что-то разглядеть надеялась – каких-нибудь призраков. Ей казалось романтичным, что там, внизу, есть жизнь, закованная в лед.

Рита – единственная подруга и единственный конфидендент. Полная противоположность Сандугаш. Противоположности часто притягиваются – закон природы. Сандугаш – молчаливая, серьезная, тихая. Рита – огонь, взрыв и катастрофа. И внешность у нее огненная: глаза-угли, копна смоляных, кое-как причесанных волос, цыганская смуглость, пышные формы. А энергетика такая чистая и сильная, что внешний облик теряет всякий смысл. Такие, как Рита, могут быть любимыми – великаншами, карлицами, анорексичками, толстухами, дивами или уродами. Никто и внимания не

обратит, через пять минут про их наружность все забудут.

А еще Рита была прямая и честная: что на уме, то и на языке. За это ее многие не любили – такая не будет миндальничать, выскажет все как есть. Сандугаш к ее мнению прислушивалась, часто советовалась о чем-то.

Костя подруге не нравился категорически.

– Он тебя обманывает!

– Ну почему ты так решила, Рита? Вы даже толком не знакомы, как ты можешь такое говорить!

– Да мне достаточно один раз в его лицо посмотреть, Сандугаш. У него глаза лжеца. Такой взгляд ни с чем не перепутаешь.

– Ему нужно время, чтобы развестись с Мариной. И чтобы, когда отец все узнает, мне было куда уйти.

– Все они всегда говорят, что им нужно время, что жену не любят или что она больная. А о том, что сначала нужно, чтобы Юлечка ихняя в школу пошла, ну, и школу окончила, он еще не говорил? Даже странно. Обычно такие детьми прикрываются... Впрочем, нет, такие, как он, на детей плюют. Ему не плевать только на собственное удобство. С Маринкой удобно, ею он может помыкать как хочет. А с тобой это не пройдет. Если вы поженитесь, ему придется иметь дело еще и с твоим отцом. Зачем это Косте?

– Потому что он меня любит.

– Это временное явление. И Костя, с его многоразовым брачным опытом, знает, что любовь – не навсегда. Даже семья не навсегда. Только он у себя любимого навсегда. Сейчас наверняка напряженно думает, как от тебя отделаться, чтобы никого не обидеть. Сладенького отведаль, не мог удержаться, но платить не хочется.

– Ты просто злая.

– Есть такое. – Рита погладила подругу по предплечью. – Не обижайся, зай. Ты же знаешь, я просто хочу, чтобы ты была по-настоящему счастливой. И считаю, что на хер тебе не нужны ни этот Костя, ни это село, ни этот местечковый мирок.

– А что мне нужно? Принц Монако и Голливуд, как Грейс Келли? – грустно улыбнулась Сандугаш.

– Хотя бы, – ничуть не смутилась Рита. – Посмотри на себя в зеркало! Ты необычная. Не такая, как все. Такая внешность встречается один раз на миллион. Да на ней надо деньги делать! Имя себе зарабатывать! Тебе нужно как минимум в Москву ехать! А еще лучше – в Париж или в Нью-Йорк!

– Как будто ты что-то понимаешь в этих Парижах... Рит, наивная ты. Просто хорошо ко мне относишься, вот тебе и кажется, что я суперзвезда. Нет, не спорю, я знаю о том, что красива... Но где я, а где девчонки,

которые для обложек позируют. Смешно же!

– И ничего смешного! – Рита полезла в сумку – старую, облезлую сумку с клеенчатыми ручками, проплешины на которых она подкрашивала черным фломастером. – Смотри, что я для тебя распечатала.

Сандугаш развернула врученный ей скомканный листок. Это было объявление. «Приглашаем девушек на кастинг самого престижного конкурса красоты “Мисс Страна”».

– Что это?

– Ты должна поехать туда!

– Рит, спятила? Это же в Москве!

– Ну и что? У тебя же есть какие-то деньги отложенные. У меня тоже двести долларов, откладывала на лето, думала в Турцию сгонять. Я тебе одолжу, а потом ты мне вернешь. Читала, какой там главный приз? Миллион рублей!

– Безумие какое-то...

– И ничего не безумие. Покупаешь билет на самолет, в Москве снимаешь комнатку. Я все узнала! Главное – первый кастинг пройти. Дальше вас заселят в пансионат, потом сам конкурс – и все! Вернешься обратно с миллионом и громким именем. А потом... – Рита мечтательно закатила густо подведенные глаза. – Потом мы с тобой в Европу поедем. Ты звездой станешь, а я буду твоим менеджером. А то тебя обма-

нут. А я не дам.

– Господи, Ритка, какая же ты дурында у меня! – Сандугаш притянула подругу к себе и взъерошила ее и без того лохматые волосы. – И как дитя. Там же все куплено, на конкурсах этих. Все это знают! И какая из меня модель? Это совсем не моя жизнь. Я бы хотела остаться здесь, хотела бы свой дом... Поступлю в педагогический, в школу работать пойду. С Костей распишемся...

– Дура. – Рита смачно сплюнула под ноги. – Просто дура. И за что я только тебя, дуру такую, люблю?

Если бы Ритка знала, почему Сандугаш так боится больших городов, что от одной мысли о поездке в Москву ее охватывает ватная дурнота!

Если бы Сандугаш знала, что совсем скоро лишь мысли о призовом миллионе удержат ее от того, чтобы набить карманы камнями и броситься в Байкал...

Если бы не Костя...

Любимый.

Ради него она готова была пройти все, что угодно.

Броситься в Байкал было бы легче, чем выйти в яркий свет прожекторов...

Но Сандугаш это сделала. Вышла в свет, в рев, в грохот. И улыбалась. Улыбалась!

Часть первая

Соловей

Глава 1

Сандугаш было пятнадцать лет, когда она впервые увидела во сне убийство.

Когда впервые во сне убили – не ее.

К тому, что время от времени ей приходится переживать в снах собственную смерть, она привыкла, насколько вообще к такому можно привыкнуть.

Убийство незнакомой девочки стало для нее новым, неизведанным прежде ужасом.

Девочке было лет одиннадцать, не больше. Сандугаш отчетливо видела ее розовые резиновые сапожки, джинсы со стразиками, розовую куртку с опушкой из искусственного меха, покрасневшие руки без перчаток, пальцы с обкусанными ноготками, выкрашенными ярко-розовым лаком... Видела девочку словно бы глазами самой девочки. Отражение в зеркале: круглое румяное лицо, русая челка, волосы быстро пачкаются, и почему такие толстые щеки?

Острое чувство недовольства своей внешностью,

которое для девочки было еще в новинку...

Потом – на прогулку, и все забыто, радость от бега, от игры со сверстниками: их лица были расплывчаты, правил игры Сандугаш во сне не поняла, но чувствовала легкость и радость. А затем – усталость и холод, когда девочка в розовой куртке шла вдоль дороги, возвращаясь от подруги. И еще чувствовала, как надвинулись тьма и жуть, когда девочка согласилась сесть в машину. Незнакомая пара, мужчина и женщина, предложили ее подвезти.

Бабушка говорила этой девочке: не садись в машину к незнакомым мужчинам. Но тут за рулем была женщина, а мужчина – на сиденье пассажира. Раз женщина, то не страшно, можно.

Девочка замерзла, устала, проголодалась и хотела домой... Сандугаш чувствовала все это за нее. Переживала свой собственный ужас. Даже пыталась там, во сне, покричать девочке: «Нет, не делай этого, не садись в машину, нельзя!» – но девочка ее не слышала...

И потом, когда мужчина и женщина завезли девочку в лес, когда женщина, смеясь, набросила петлю из ремешка на шею девочке, а мужчина хотел сделать с ней плохое, когда девочка отбивалась ногами в розовых резиновых сапожках, пока не потемнело в глазах, пока самым главным не стала жажда воздуха, хо-

тя бы маленького глоточка, и совершенно все равно, что этот дядька стягивает с нее джинсы... Сандугаш чувствовала все.

Она проснулась, хрипя от ужаса и удушья.

Резко села на кровати.

Потянулась за стаканом с водой. Она всегда ставила его на ночном столике – уже привыкла так просыпаться и знала, что ободранному хрипом горлу понадобится глоток воды.

Но прежде всегда жертвой была она сама. Впервые случилось так, что в ее сне насильовали и душили кого-то другого. Что она видела жертву и сама была этой жертвой, видела преступников – и они были реальными, здешними, из этого мира, из ее времени... Именно их реальность и современная одежда напугали Сандугаш больше всего.

Ведь кошмары, которые снились ей прежде, всегда приходили с легким флером иномирности, с ощущением, что все происходит хоть и с ней, но не здесь и не сейчас.

И еще одно отличие было в этом новом кошмаре. Цвет глаз преступников. У женщины они были карие, у мужчины – темно-серые. Ни один из них не был Белоглазым. Ни один не был тем, кто преследовал Сандугаш во сне с раннего детства.

В тот день Сандугаш задержалась в школе после уроков. В библиотеке долго ждала, когда освободится место у старенького компьютера, который был подключен к Интернету. Когда пришла ее очередь, сначала искала информацию для сочинения по теме «Бурятский героический эпос “Гэсэр”» – пока не убедилась, что никто не интересуется результатами ее поисков, никто не стоит за спиной. Тогда вбила в поисковик Яндекс: «девочка розовая куртка изнасилование убийство в лесу». То, что выдал поисковик, не имело отношения к той девочке, которую она видела во сне, и Сандугаш осмелилась понадеяться, что сон был такой же непостижимой фантазией, как и Белоглазый... Но подумав, она набрала: «пропала девочка розовая куртка джинсы со стразами розовые сапожки». И сразу нашла ее. Девочку из сна. Узнала на фотографии.

Оказывается, она была хорошенькой, эта девочка, Катя Симачева одиннадцати лет. Сама себя в зеркале она видела щекастой дурнушкой. А если со стороны смотреть – очень даже симпатичная. Катя пропала, когда возвращалась от подруги в родное село. Ее искали. Ее еще не нашли...

Может, и не найдут, если убийцы хорошо ее спрятали.

Сандугаш стерла историю поиска, встала из-за компьютера, подошла к окну.

Шел мокрый снег. Темнело. В стекле отражалось ее собственное лицо. Красивое. Очень красивое.

Сандугаш была самой красивой девочкой в двух параллельных классах. А может быть, и во всей школе. Ей даже не приходилось соперничать с другими девочками, и они никогда не пытались ее травить от зависти. А парни не решались к ней приставать, как к остальным. Она была вне всех этих школьных игр. И иногда даже жалела об этом. Потому что причиной было не какое-то особенное уважение сверстников к ней лично... Причиной был страх перед ее отцом.

Сандугаш была дочерью шамана.

Поэтому она видела страшные сны.

Поэтому она видела сегодня настоящее, уже свершившееся убийство, жертву которого еще просто не нашли, а убийц, возможно, никогда не найдут...

А ведь она могла бы их опознать. И даже помочь составить фоторобот! Если бы можно было пойти в полицию и рассказать, как все случилось... Ведь она видела, точно видела Катю Симачеву, с которой никогда и знакома-то не была, потому что та жила слишком далеко, чтобы их пути хоть где-то, хоть при каких-то обстоятельствах могли пересечься. Она видела Катю. И запомнила лица ее убийц. Вряд ли ей удастся найти место в лесу, где все это произошло, но если во всех подробностях вспомнить сон... Сандугаш зажму-

рилась. Вызвала в памяти тот момент, когда машина свернула с шоссе. Нет, бесполезно.

Что же делать? Нельзя молчать! Она видела убийц!

Сандугаш подхватила сумку с тетрадями, метнулась в раздевалку, торопливо скинула туфли-сменку, натянула резиновые сапоги (в их местах все с сентября по май ходили в резиновых сапогах), рывком надела пуховик и побежала домой. То есть сначала на остановку автобуса, где долго топталась и злилась, что автобус не идет, никак не идет, потом еще двадцать минут автобус полз по раскисшей дороге до Выдрино, потом она мчалась от остановки до родного дома...

Дом у родителей Сандугаш был хороший. Новый кирпичный на месте старого деревянного они отстроили одними из первых в селе. Нельзя сказать, чтобы Доржиевы были состоятельными, нет, не так, как владелец магазинчика Симаков, или сын бывшего председателя колхоза Цибикив, или старики Номоевы, чей сын уехал в Улан-Удэ и стал бизнесменом. Но все же Бата Номгонович Доржиев своим древним потомственным искусством зарабатывал достаточно, чтобы неплохо обеспечивать себя, жену и единственную дочку. Неплохо по выдринским меркам, но это лучше, чем у большинства.

Переезжать в многоквартирные дома отец отказывался – ему нужен был свой дом, с отдельной комнатой, где можно принимать тех, кто пришел на поклон к шаману. И он дождался времени, когда удалось наконец построить себе жилище, такое, какое нужно. Средства у него на это были, а чего не хватало, то дали односельчане. Даже просить не пришлось. Сами принесли. Потому что – шаман.

Шаманы в Бурятии были всегда. И будут всегда. Советская власть в этом плане ничего не изменила: священников и лам ссылали в лагеря, где они и пропадали навеки, а шаманов не трогали. Боялись. Да и спрятаться шаману было легче – его искусство и его служение не требуют открытого признания, как у тех, кто славит Христа или Будду. Достаточно было солгать новой власти – да, дескать, перевоспитался, осознал, больше не буду, – устроиться на любую, самую простую, низкооплачиваемую работу, и всё, можно дальше жить, как прежде. И с духами говорить, и врачевать. Односельчане сами прикроют от чужаков, если что.

Когда революция случилась, в Выдрино был не шаман, а шаманка. Не старая еще. Она даже согласилась обучаться грамоте с другими женщинами. Понимала: новая власть сильная и надолго, надо притвориться, пригнуться, спрятаться... Работать пошла на

звероферму. Но на самом деле за нее всегда работали другие, а она, как прежде, оставалась шаманкой, всеми чтимой. Потом, когда состарилась, из своей большой семьи, из множества внучатых племянников, выбрала самого способного и выучила.

Он всю жизнь проработал сторожем, но был шаманом, и к нему на поклон даже коммунисты местные ходили, те, кто в силу древних духов верил больше, чем в грядущее торжество мировой революции.

Тот шаман женился: шаманки замуж идут редко, а шаманы почти всегда женятся. И дети у него были, а когда состарился, правнука своего обучил – Бату Доржиева, отца Сандугаш.

Сандугаш в отцовскую приемную комнату заходить было запрещено. Но конечно, как любой любопытный ребенок, она туда заглядывала украдкой... Там стояли простой стол и грубые табуреты, на стене висели бубен и отцовская шаманская шуба, сшитая из кабаньей кожи и кабаньего жесткого меха. Кабан был духом-хранителем шамана: хороший зверь, сильный, свирепый, надежный защитник. В темноте большого шкафа хранились готовые мази и настои. Не все шаманы искусные травники, но Бата Доржиев травяной наукой легко овладел. Запасы трав хранились в кладовой, а жир, медвежий и сурковый, – в подполе. В комнате, кроме бубна, шубы и мебели, больше ничего

не было. И совсем никаких украшений.

Когда-то Сандугаш увидела по телевизору интервью с шаманкой и подивилась, как роскошно убрана у той комната, где она принимала посетителей, в том числе журналистов: и на полу шкура, и по стенам шкуры, и ложе под меховым одеялом, и пуфики из узорчатой кожи, и рога оленьи на стенах, и сама шаманка вся разряженная... У отца Сандугаш спросить не осмелилась – спросила у мамы: «Почему наш папа так красиво не одевается? Почему к нам не пришли журналисты, а к ней пришли?»

Мама объяснила, что та женщина – не настоящая шаманка. Настоящие шаманы никогда не бахвалятся своим даром и своей силой, не дают никаких интервью, не объединяются в «Союзы шаманов Бурятии». Шаман – всегда одиночка, со своим бубном, со своим духом, и знают о нем только те, кому положено, то есть люди, для которых он говорит с духами и за которых у духов просит.

Маму Сандугаш звали Надеждой, красота ее была бело-розовой, нежной, сияющей. Волосы – облако золотистых кудрей, глаза – большие и светлые, на щеках – чуть асимметричные ямочки, для современных понятий о красоте полновата, но так папе больше нравилось. Тихая, ласковая, она нигде никогда не работала, с удовольствием хлопотала по дому и хо-

лила свою красоту: никаких покупных кремов, только пахнувшие медвежьим жиром и травами мази да горькие целебные отвары, которые ее муж сам готовил. Горе за всю жизнь у нее одно было: когда много лет не удавалось родить мужу желанного сыночка. После рождения Сандугаш мама никак не могла забеременеть. В конце концов и эту проблему Бата Номгонович решил с помощью духов: на трое суток увел жену в лес... Вернулась Надежда бледная и словно бы в ступоре, сразу легла, проспала целые сутки, а когда проснулась – отказалась говорить Сандугаш, что в лесу случилось. Но Сандугаш уже привыкла к тому, что ей не рассказывают про отцовские шаманские дела. Хотя все равно спрашивала – а вдруг повезет? Изредка ведь получалось что-нибудь выведать... Однако о том, что в лесу было, мама решительно не желала говорить, а потом оказалось, что она беременна и ее нельзя волновать. Родилась двойня, оба мальчики. Назвали в честь дедушек: Петр и Номгон. Сейчас им было полтора года, и мама полностью погрузилась в заботы о них. Уставала. Отец позволил бабушке, своей теще, приходить и помогать, хотя прежде в доме не терпел присутствия даже ближайших родственников.

Сандугаш любила свою русскую бабушку Нину Сергеевну: с ней весело, можно и сериал обсудить, и модный журнал вместе полистать, повздыхать над фото-

графиями, и вообще бабушка вела себя, как правильная мама – и расспросит, и похвалит, и поругает. А мама была... Сандугаш не сразу даже смогла сформулировать для себя, что не так было с мамой, ведь это ее мама, ее изначальная данность. Но все же, подрастая, глядя на матерей подруг, она поняла, что ее мама – не такая, как они. Слишком погружена – и даже не в себя, а в супружество, в мужа, в свою к нему любовь, в служение. Она делала все, чтобы Сандугаш росла хорошей, достойной дочерью, вкусно ее кормила, чисто и нарядно одевала, рано начала приучать к домашнему хозяйству. Но все это она делала, словно бы душу не вкладывая, потому что не для Сандугаш старалась, а для Баты, чтобы он был доволен.

Сегодня бабушка опять гостила – Сандугаш, едва вошла, услышала ее звонкий голос и попискивания близнецов, откликавшихся на него. С кухни вкусно пахло запеченным мясом и тестом, значит, мама готовит, а бабушка с мальчишками сидит. В обычный день Сандугаш, едва скинув сапоги, побежала бы наверх, к бабушке, к братьям, которых обожала. Малышей затискать, пощекотать, обцеловать смуглые сладкие щечки. Бабушку обнять, вдохнуть запах ее духов, наговориться всласть, отвечая на миллион ее вопросов... Сандугаш даже показалось, что сквозь кухонные запахи она чувствует сладкопряный аромат

«Estee» – эти духи бабушка когда-то давно за огромные деньги купила в Москве вместе с косметическим набором, в котором имелись коралловая помада, пудра, тени, румяна и тушь для ресниц. Коробка от уже давно использованного набора все еще хранилась у нее, и иностранные слова «Estee Lauder» для маленькой Сандугаш смотрелись заклинанием из далекой красивой жизни... На флакончики «Estee» бабушка копила, покупала их снова и снова. Она, хоть и работала до пенсии всего лишь кассиршей в сельском магазине, благодаря зятю не бедствовала. Даже могла накопить на духи, за которыми теперь в Москву ездить не надо было: все можно купить с доставкой по почте... Понятие дефицита исчезло, но во весь рост встало понятие дороговизны. Цена на флакончик любимых духов для простой пенсионерки из поселка Выдрино непомерная. Только Нина Сергеевна Антипова простой пенсионеркой не была: она была тещей шамана. Сам Бата, кстати, терпеть эти духи не мог и вообще не одобрял парфюмерию. Он любил только натуральные запахи, и у мамы парфюмерии не водилось, от ее волос пахло травами. Бабушка, как и все уважавшая шамана, тоже не душилась, когда шла в гости к зятю, но «Estee» пропитали ее волосы и одежду, так что от бабушки все равно ими пахло – уютный любимый аромат, от которого обычно у Сандугаш ра-

достно щемило в груди, а сейчас вдруг захотелось заплакать.

Сандугаш не пошла к бабушке. Не пошла и к маме. Она сделала то, что позволяла себе очень редко: пошла к отцу.

К счастью, он был не в своей приемной, а в общей комнате, сидел на диване в спортивном костюме, читал журнал «Вокруг света», и тот, кто не знал, что он шаман, ни за что бы не догадался об этом – так обычно Бата сейчас выглядел. Только глаза – пронзительный взгляд словно насквозь протыкает и крючьями тянет из души все скрытое. Даже если и не собираешься от него ничего скрывать. Просто он по-другому смотреть не может. Глянул на Сандугаш – и отложил журнал.

– Садись. Рассказывай.

Сандугаш села, куда отец указал – на диван, возле его ног, – и принялась рассказывать, разглядывая узоры на отцовских шерстяных носках.

– Папа... Я опять видела страшный сон. Но не Белоглазого. Других. Девочку видела, как она в зеркало на себя смотрит, с подружками играет, потом идет по дороге и садится в машину к чужим. Там были мужчина и женщина, они ее завезли в лес. Мужчина насильничал, а женщина держала, и ремешок ей на шею

набросила, и задушила. Папа, эта девочка – настоящая, она не из других времен, она из сейчас! Ее ищут, не нашли еще. Я в Интернете посмотрела, нашла все, имя нашла, фото... Катя Симачева, одиннадцать лет. И убийцы – я же их видела! Может быть, можно как-нибудь?.. Я бы дала описание, а в полиции есть специальные художники, которые по рассказу могут нарисовать портрет...

Наконец она подняла взгляд от носков к лицу отца. Взгляд его больше не был проницаемым – он стал непроницаемым, словно за толстым темным стеклом укрылся. Сандугаш знала: сейчас отец скажет «нет». И неизвестно, объяснит, почему «нет», или не станет, и ей придется с этим «нет» смириться.

– Значит, теперь ты видишь то, что происходит не с тобой? – уточнил отец.

– Да. Теперь вижу. Один раз, сегодня ночью, увидела. – Сандугаш была слишком взволнована тем, что нашла девочку из сна, и даже не задумалась: а ведь и правда, ее дар изменился, раньше она видела во сне только себя, свои муки, свою смерть!

Раньше во сне убийцей всегда был Белоглазый, а жертвой – она.

– Сандугаш, специальные художники есть в иностранной полиции. А в нашей милиции... полиции... разве что в больших городах. Да и не станет никто

тебя слушать и со слов твоих рисовать. Ты не свидетель. Сама подумай: тебе сон приснился. Даже если ты видела то, что на самом деле творилось, доказать это нельзя. И даже если ты поговоришь с человеком, который поймет, что у дочери шамана может быть такой вот непослушный дар, позволяющий ей видеть что-то про других людей, у этого человека будет начальник, который не верит, и этот человек побоится идти к начальнику с отчетом. А у них же там всё бумажки да отчеты, отчеты да бумажки. Им проще тебя отправить прочь.

– Но я видела убийц! Я могла бы помочь их найти! Они убили девочку! Они же снова...

– Да. Скорее всего, они убьют снова. Стоит один раз безнаказанно убить – и зверь внутри опять запросит крови. Но полицейским легче на кого-нибудь повесить это убийство. Или они начнут искать улики, следы, свидетелей. Но никто не станет рисковать карьерой и работать с ясновидящим.

– В Америке работают.

– Редко. Рискуя карьерой. И то в Америке. Еще хорошо, что сейчас человека трудно отправить в больницу для сумасшедших, а то раньше за ясновидение и предвидение вполне могли упрятать.

– Тебя же не упрятали...

– Я полиции помогать не лезу. Я шаман среди своих

людей. Свои люди знают, чужие – нет. И это правильно. Та девочка не из наших людей.

– Все равно жалко...

– Всех жалко. Но всем не поможешь. Есть свои люди, есть чужие, это надо всегда помнить.

– А если бы она была из своих, ты позволил бы мне в полицию пойти?

– Если бы она была из своих, я бы сам тебе помог и тело найти, и убийц. Только к нашим людям они не сунутся. Я хороший шаман, и Кабан хорошо охраняет моих людей. Тех, кто из Выдрина, из Прокоповки, из Сегла – из всех деревень, где наши люди живут. Любкой чужой почует его клыки и испугается. Даже не веря, не понимая, почует. Нашу девочку, если бы она в машину к ним села, они бы не тронули. Передумали бы. Сами бы не знали почему, но передумали. Потому что в Выдрино всегда жили шаманы. Местные шаманов уберегли. Наш род уберегли. А мы их бережем. Наследника себе выберу, воспитаю – он тоже беречь будет, если сможет сильного духа вызвать... Дух в наше время нужен сильный. Не птичка-соловей. Кабан нужен. Росомаха. Медведь. Собака. Рысь. Даже волк, если приручить. А соловей – слабый дух. Хотя дар у тебя большой. Жалко. Но не буду тебя учить. Дух слабый. Не защитник. А жизнь женскую свою потеряешь. Мужчины могут быть шаманами и жить человеческой

жизнью. Женщины не могут. Женщины полностью отдаются – или духу, или мужу и детям. Иначе нельзя. Ты моя дочь, мне тебя жалко. Хочу, чтобы ты отдавалась мужу и детям, Сандугаш. А соловей твой со временем утихнет.

– Пока он поет все громче, – прошептала Сандугаш.

– Пока ты еще девочка. Станешь женщиной – утихнет. Дитя родишь – замолчит, перестанет тебя посещать.

Спорить с отцом, вспоминая тех немногих шаманок, которые смогли и замуж выйти, и дар сохранить, Сандугаш не стала. Впрочем, в одном он точно был прав: о шаманках, родивших ребенка и сохранивших дар, никто и не слыхивал. Сандугаш только вздохнула, отгоняя слабый призрак Кати Симачевой, чьих убийц она видела так же ясно, как своего собственного...

Белоглазый. Отец обещал, что он тоже перестанет тревожить сны Сандугаш, когда она станет женщиной и родит дитя. И хотя девочка привыкла во всем отцу верить, она не надеялась когда-нибудь избавиться от Белоглазого. Он был всегда. Невозможно представить, чтобы он – и вдруг исчез.

Белоглазый снился Сандугаш в кошмарах с самого раннего детства. С тех пор, как она начала осо-

знавать и запоминать свои сны, в них присутствовал он, мужчина с белыми волосами и белыми глазами – так Сандугаш описывала своего ночного мучителя родителям. Потом для краткости прозвала его Белоглазым.

Русских в поселке Выдрино было много, но ни одного такого ярко выраженного блондина с пепельно-белыми волосами и светлыми до прозрачности глазами. Нигде она такого человека не встречала. Только во сне.

То, что Белоглазого можно назвать красивым, Сандугаш осознала, когда подросла и у нее сформировалось понятие о красоте: лицо у него было тонкое, черты чеканные, он был похож на тех актеров, которые в старых фильмах, обожаемых бабушкой Ниной, играли белогвардейцев... Но ни на кого конкретно. Просто если уж его в кино снимать – обязательно в роли белогвардейца.

То, что мужчина был молод, Сандугаш поняла, повзрослев достаточно, чтобы двадцатипятилетний для нее был уже не просто «взрослый дядя», а, пожалуй, «парень». Молодой красивый парень со светлыми глазами, странно подстриженными светлыми волосами и тонкой ниточкой усов над верхней губой снился Сандугаш и наполнял ее сны кошмарами, ощущением ужаса, преследования, предвкушением боли и

смерти. Психологов у них в поселке не водилось, но отец расспрашивал ее о снах дотошно, получше любого мозгоправа, и выяснил только то, что ни в кино, ни в книжках, нигде в реальной жизни Сандугаш не встречала человека, которого боялась. Как только отец это понял, он перестал ее расспрашивать. И запретил сны рассказывать.

«Перестань о нем думать. Этим ты его кормишь. Увидишь его во сне – убегай, как всегда. И все. Чем меньше думаешь днем – тем лучше».

Сандугаш старалась думать о ночном преследователе пореже, но не удавалось. Она боялась его даже днем. Боялась наступления ночи. Боялась, что он ей приснится.

К счастью, он приходил не каждую ночь. У Сандугаш бывали и просто сны, без кошмаров, без преследования, без белоглазого человека. Обычные детские сны, в которых она летала или переживала что-то повседневное... Невозможно было предсказать, когда ей явится кошмар. И в конце концов она к этому просто привыкла. Как привыкают к постоянной боли.

Когда ей исполнилось двенадцать лет и у нее начались ежемесячные кровотечения, сны изменились. Они стали тяжелее, мрачнее. Теперь черты Белоглазого она видела ясно и четко, а просыпаясь, долго не могла изгнать его образ, словно отпечатавшийся

на внутренней стороне век. Сандугаш разглядела его одежду: что-то странное, несовременное, серо-голубое. Иногда он являлся, покрытый мехом, светло-серым, волчьим. Порой и сам оборачивался волком с белыми глазами... Он бежал за ней вдоль берега Байкала. Она увлекала его в лес. Он бежал за ней, и она знала, что когда-нибудь он ее в конце концов достигнет. Схватит. Запустит в нее когти, и зубы, и нож. Повалит ее на землю, срежет с нее одежду, скрутит ей руки за спиной, сильно и больно разведет в стороны бедра и врежется, ворвется в ее тело, сначала – там, снизу, потом возьмет в руки нож и будет полосовать ее кожу, пока ему не надоест, и тогда он запустит пальцы в ее волосы и запрокинет ей голову назад, и она уже не сможет дышать – захлебнется!

Сандугаш просыпалась с хриплым криком. И долго жадно ловила ртом воздух, наслаждаясь тем, что может дышать.

Она была уже достаточно большая и понимала, что во сне Белоглазый ее насиловал. Другие девочки ей рассказывали, что видят неприличные сны, от которых получают удовольствие. Ее сон был неприличным, но удовольствия она не получала.

В четырнадцать лет Сандугаш впервые насладилась сном, в котором присутствовал Белоглазый. Но не в тот момент, когда он овладевал ею, врезался,

вбивался в ее тело – нет, это было больно и страшно. Удовольствие – неопишное, непостижимое – пришло, когда он перерезал ей горло ножом, но она впервые не задохнулась, не захлебнулась собственной кровью, а каким-то образом смогла вырваться, вылететь через собственный распахнутый рот, крохотной птахой вспорхнуть к вершинам самых высоких деревьев и увидеть далеко внизу свое тело, тонкое, белое, окровавленное, разметавшиеся черные волосы – и Белоглазого, бессильно рычащего, воющего, рыдающего... Она летела и пела, и это было счастьем.

Проснувшись, Сандугаш еще какое-то время лежала, не открывая глаз и стараясь удержать в себе то чувство, которое подарил ей сон. Этот новый полет был приятнее, чем прежние детские сны. Новый полет был сладостным рывком к истинной свободе, который она могла прочувствовать, а словами описать не сумела бы.

Отец говорил, что ее дух – Соловей.

Говорил, что она могла бы стать шаманкой.

Что дар у нее большой, раз пробудился так рано.

И дух ее дожидался и пришел к ней сразу в миг рождения, ведь отец даже имя ей выбрал такое...

«Сандугаш» означает «соловей». Не на их языке, на чужом. Но имя само просилось, щебетало, пелозаливалось и не оставляло отца в покое, пока он не

решил: девочку будут звать именно так. Про себя он называл ее соловьем на бурятском языке: «алтан гургалдай». Но ни разу не произнес этого вслух.

Сандугаш во сне видела себя шаманкой, вызывавшей духа маленькой серой птички. Ясновидящего духа, предвидящего духа, приносящего дождь, солнце, плодородие своим пением, исцеляющего духа, всем хорошего, за исключением одного: не могла маленькая серая птичка быть защитником. Ни себе, ни своей шаманке, ни людям, для которых шаманка просила дождя, солнца, плодородия, которых исцеляла и которых пыталась защитить от белоглазого волка...

Глава 2

– Рост слишком маленький. Вы очень красивая девушка, но метр шестьдесят пять – это мало. Вы потеряетесь на подиуме, вас не заметят. Мне очень жаль.

– А как же Кейт Мосс? – Стоявшая перед Марианной прехорошенькая девушка изо всех сил старалась сохранять на лице спокойствие, хотя было очевидно, что она готова расплакаться.

Слишком молода, слишком эмоциональна. Не боец. Не личность. Одна из многих, кого как магнит притягивает красивая жизнь модели. А что они знают о той жизни? О ее соблазнах, о пахоте без надежды на результат, о десятках кастингов в день, сбитых в кровь ногах, вечном разочаровании и клейме «слишком старая», которое все чаще будут ставить на тебя, едва тебе исполнится двадцать три.

– Кейт Мосс – исключение, – промурлыкала Марианна, откидываясь на спинку своего шикарного офисного кресла.

Некоторые владельцы модельных агентств получали извращенное моральное удовлетворение от того, что «ставили на место» таких вот девушек, пришедших за синей птицей, но не соответствовавших строгим внешним параметрам, которые должны быть у

охотницы за оной. Модельный мир жесток, неженкам здесь не место. Красавица, которой на улице вслед оборачиваются, может здесь услышать о себе всякие нелестные и обидные вещи, вроде «У тебя кривоватые ноги, нужен аппарат Илизарова!» или «С такими пороссячьими глазками о съемках можешь забыть, максимум каталоги или подиум». Сама Марианна работала моделью почти двадцать пять лет до того, как создала собственный бизнес. Сначала основала небольшое агентство, потом серию вошедших в моду конкурсов красоты; самым раскрученным был «Мисс Страна». Марианна знала все о модельном мире. У нее была «чуйка» – беглого взгляда на очередную девочку хватало для того, чтобы с точностью экстрасенса предсказать ее профессиональное будущее. У этой есть все шансы стать звездой, вон та может рассчитывать максимум на третьи роли в заштатных показах, а из той получится хорошая рабочая лошадка – бесконечные серии проходных съемок, показов, деньги будут, но никто никогда не вспомнит ее имени. Марианна умела продавать красоту. И сама она была невозможно хороша собой. В конце нулевых в моду вошел странный, «инопланетный» тип красоты – успешными моделями становились девушки, которые словно были не от мира сего. Особенным шиком считались даже некоторые черты вырождения,

как у средневековых аристократок (естественно, при подходящем росте и длинных ногах). Марианна же была похожа на итальянскую кинозвезду семидесятых – оливковая безупречная кожа, черные огромные глаза, прямой нос с едва различимой горбинкой, сочные губы (никаких уколов, все свое), роскошные формы. В девяностые в моде были как раз такие яркие типажы – не девушки-эскизы, а девушки-индивидуальности.

– Посмотрите мое портфолио! – настаивала пришедшая девушка. – Камера меня очень любит!

– Тогда вам лучше попытаться счастья в агентстве, которое специализируется на съемках, – терпеливо объяснила Марианна, даже не открыв толстую папку, которую страдальца положила перед ней на стол. – У меня своя специфика. В основном я сейчас занимаюсь показами и конкурсами.

– Но...

– Девушка, милая, не тратьте зря свое время. И мое. Всего хорошего.

Подождав, пока за разочарованной и готовой разрыдаться красавицей захлопнется дверь, Марианна встала с кресла и подошла к окну. Ее офис располагался на Остоженке, в сердце города. Улица с самыми дорогими ценами на аренду. Она могла себе это позволить. Жизнь удалась.

Пришел курьер, принес ее обед.

Марианна давно не готовила сама – ни в ее двухсотметровой квартире на Ломоносовском, ни в офисе даже кухни не было. Хорошо, что в последние годы расплодились фирмы, которые доставляли на дом здоровое питание. Марианна уже полгода питалась как космонавт – из каких-то баночек, бутылок и тубиков. Ничего лишнего, только то, что полезно для ее здоровья и красоты. На обед были смузи из кокосовых сливок, толченого льняного семени и маточного молочка и листья шпината с бальзамическим соусом. Хотелось, конечно, иногда хорошую отбивную с картошкой фри, но Марианне было за сорок, отбивная – непозволительная роскошь. И так с каждым годом все больше денег и времени уходило на то, чтобы оставаться красивой, а вокруг нее к тому же вертелись сотни молоденьких девушек, одна лучше другой – трудно было держаться, чтобы на их фоне не смотреться старой каргой. То десятидневный голод в швейцарской клинике, то термолифтинг в нью-йоркском институте пластической хирургии. Один ее дневной крем стоил столько, сколько некоторые московские семьи тратили в месяц на еду.

Марианна не была невротичкой, помешанной на сохранении молодости. Никакого «свет мой зеркальце, скажи». Она просто как никто другой понимала,

что красота – это ресурс. Как нефть. Как недвижимость. А ресурс по мере возможностей надо сохранять, не проедать его, не обменивать на сигареты или страдания по каким-нибудь козлам, от которых в итоге все равно ничего хорошего не дождешься. Жестокая женщина в жестоком мире.

Зазвонил телефон, ее личный. У Марианны было четыре мобильных – два номера указаны на визитной карточке агентства, один – для партнеров, еще один – для семьи (которой у нее, кстати, и не было, если не брать в расчет оставшихся в Астрахани родителей и младших братьев, но она с ними редко общалась) и крупных клиентов, на чьи звонки она готова была ответить хоть в половине пятого утра. Сейчас звонил как раз один из таких. Некий Вертинский, банкир, полуолигарх, он финансировал четыре из шести ее конкурсов, а помимо финансовых дивидендов был любителем «человеческого золота» – красивых девушек.

Вертинский мог заполучить любую девушку из агентства Марианны. Она не имела права ему отказать. Это было сложно, требовало мастерства магистра игры, потому что все-таки у нее престижное модельное агентство, а не замаскированный публичный дом. Некоторые агентства и не скрывают, что съемки и кастинги – всего лишь прикрытие, а основные деньги зарабатываются ими на продаже тел. Так даже бы-

ло бы проще, но амбициозной Марианне никогда не хотелось становиться просто «мадам». Она постоянно работала с несколькими сотнями моделей. Среди них были и те, кто не отказывался от возможности при случае закрутить роман (или хотя бы переспать) с миллионером, но были и совсем юные, неопытные девчонки, которые желали только одного: работать, делать карьеру, не нуждались в продвижении через постель и могли всего добиться благодаря внешности и характеру. Иногда случалось, что выбор Вертинского (или кого-нибудь из важных партнеров калибром помельче) падал на одну из таких девчонок. И Марианне приходилось проявлять чудеса изворотливости, придумывать какие-то сценарии и схемы, работать жилеткой и личным психологом, убеждать каждую девочку в том, что предложенный выбор – единственно верный в ее ситуации. Никаких угрызений совести Марианна при этом не испытывала. Не то чтобы она была злодейкой или беспринципным дельцом, как в фильме «Адвокат дьявола», просто, когда столько лет крутишься в мире моды, этические границы размываются, как акварельный рисунок, попавший под дождь.

Вертинский, мягко говоря, не был хорош собой. Невысокий, коренастый, с пивным животиком. Ему было под шестьдесят, выглядел он на свои, приукра-

сидеть себя не пытался, считая, что его статус и без того лучшее украшение.

– Что у тебя нового, моя звезда? – начал он изда- лека.

– Да всё по-старому, – весело ответила Марианна. – Кручусь как белка в колесе. Скоро «Мисс Страна», че- рез несколько недель закрываю первый отборочный тур, дел невпроворот.

– О-о, свежие девушки! – обрадовался Вертин- ский. – Уже надоели старые лица. Ты же форвард- нешь мне фото всех кандидаток?

– Ну разумеется! Самых лучших пришлю!

– Ну уж нет. Давай вообще всех, сам разберусь.

– И охота тебе рыться в навозе, – усмехнулась Ма- рианна. – В этом году все как с цепи сорвались. Вроде и рекламы особо не давала, а уже три тысячи заявок.

– Звезда моя, рыться в навозе я умею профессио- нально, – басовито рассмеялся Вертинский. – Давай всех. Мне как раз предстоит длинный перелет. Нена- вижу спать в самолетах, уже что только ни делал. В последний раз на моем борту установили кровать по- почти два метра – ну как дома! И мелаксен с собой беру. Ну не выходит, и всё тут.

– Это старость, Леопольд. Ладно, пришлю. А куда летишь?

– В Аргентину. Да я всего на четыре дня, перегово-

ры.

– Не бережешь себя совсем, как обычно. Четыре дня – это тяжело.

– А что поделаться, жизнь такая. Так я сегодня вечером получу письмо?

– Конечно! Только там будут не все. Каждый день я получаю несколько десятков новых заявок.

– Ничего страшного – новые тоже сразу мне. Не хочу оставаться на обочине, люблю быть в центре событий!

Не успела она распрощаться с Вертинским, как в комнату заглянула секретарь Оля, красивая, но чуть полноватая девушка из неудавшихся моделей. Они познакомились шесть лет назад – тогда желанием блистать на подиуме Оля довела себя до анорексического состояния и попала в число участниц «Мисс Страны». Даже вышла в финал. Весь месяц, пока девушки репетировали в пансионате, Марианна внимательно наблюдала за каждой из них. Она сразу обратила внимание на Ольгу – на ее необыкновенную работоспособность и стойкость: ни разу не проспала утреннюю репетицию, не сорвалась и не пожаловалась, а когда в самый последний момент распорядитель слег с тяжелым гриппом, взяла на себя половину его обязанностей. Совмещала участие в конкурсе с миллионом административных дел. Может быть, с та-

кой силой духа она могла бы и крепкой моделью стать. Но это означало бы постоянные невроты и недоедание – Оля была из тех, кто полнеет от салатного листа, на конкурсе она себя неоднократно доводила до голодных обмороков. И Марианна убедила ее, что намного большего девушка добьется по ту сторону фотокамеры. Оля стала ее личным ассистентом, и с каждым годом Марианна передавала ей все больше дел, и даже появились мысли при очередном расширении бизнеса сделать девушку своим партнером. За все шесть лет Оля ни разу не накосячила и не сорвалась – у нее всегда было позитивное, ровное настроение, и в самых стрессовых ситуациях она оставалась спокойной и расслабленной, как хиппи, не теряя при этом деловой хватки.

– Марианна Николаевна, там еще шесть девушек ждут.

– Шесть! Им сегодня как медом тут намазано... Ладно, зови.

Глава 3

Убитые приходили к Сандугаш не так уж часто. Иногда целый месяц она не видела никаких кошмаров. А случилось – две ночи подряд. И всегда она была на позиции жертвы. И всегда видела убийство глазами другого человека. И всегда просыпалась, задыхаясь, жадно глотая воздух, хрипя, порой даже крича, но крик во сне не бывает криком, крик во сне – это тоненький жалобный писк, хотя иногда он требует такого напряжения, что голос садится.

Только в тот, первый, раз Сандугаш увидела девочку из их района. В остальные ночи ей являлись люди из незнакомых мест, зачастую из больших городов. А ведь больших городов Сандугаш боялась! В Улан-Удэ она в шесть лет поехала с бабушкой, и хорошо, что с бабушкой впервые попала в большой город, а не с классом, как многие... Ей казалось – в городе так шумно, что она глохнет, так душно, что она задыхается, а ночью совсем страшно было, словно все сновидения всех уснувших спрессовались в темную тучу, накрывшую город, повисшую на его проводах и антеннах, и тяжесть этой тучи ощущала только она, Сандугаш. Но пришлось еще раз поехать, и еще раз, и она привыкла. Поэтому, когда в Москву отправились, уже с клас-

сом, была готова... Ей казалось, что готова. В Москве она сразу слегла и все трое суток, пока класс организовано водили по достопримечательностям Первопрестольной, пролежала в номере с головной болью и подозрением на внезапно открывшуюся астму.

Когда все ездили в Петербург, Сандугаш отказалась. Впрочем, у нее тогда как раз мама должна была родить, и отказ был мотивирован. Одноклассники восхищались: «Круто! Красиво! Дворцы! Мосты!» – а она радовалась, что избавлена от этого испытания.

Отец говорил – с возрастом ей легче будет притерпеться к многолюдью. Но Сандугаш не хотелось проверить, достаточно ли она повзрослела, чтобы выдержать городскую жизнь. И пока одноклассники строили планы на будущее, обсуждая, кто куда уедет – в Улан-Удэ, в Москву, а то и вовсе в Лондон, – она смотрела мимо них и мечтала о своем, или повторяла материал к уроку, или просто скучала. Потому что большие города – это не для нее.

Но люди из ее снов жили и в больших городах.

Люди из ее снов жили такой жизнью, которую она разве что по телевизору видела.

Во сне Сандугаш оказывалась внутри этой жизни. Внутри этих людей. Она была этими людьми, пережила вместе с каждым из них его смерть.

Она уже не могла их забыть. И хорошо, если бы ее

как-то обогатил чужой жизненный опыт или дал что-нибудь полезное, так нет! Она получала от них всего лишь несколько лоскутков жизни, чаще всего бессмысленных, и все муки умирания.

Это было несправедливо. И очень страшно.

Наконец-то зажил новый прокол в левой брови. Как-то неудачно штангу поставили: кожа долго воспалялась, нарывала. Даже предлагали вынуть. Но она была против. Она хотела, чтобы в правой брови были три колечка, а в левой – штанга. У нее уже было колечко в ноздре, в каждом ухе – по шесть сережек, только губу не проколола и язык, ее парень говорил – это ужасно неудобно, сам он год относил пирсинг в языке и снял. Мама, когда у нее было время на дочку и она замечала очередной прокол, новое металлическое украшение на лице, пыталась играть «понимающую». Говорила: «Это же теперь даже не модно! Это выдает твою внутреннюю неуверенность в себе!» Она не обращала внимания на маму, слова мамы были мертвыми, чувства мамы были мертвыми. А все эти колечки и штанги, проколы, весь этот металл – они были реальностью, словно бы за каждую цеплялась невидимая нить, пришивавшая ее к этому миру, и чуть меньше хотелось выпрыгнуть из ок-

на.

Окно. Оно ее манило с самого детства. Они жили на четырнадцатом этаже. И если выпрыгнешь – не выживешь точно.

У нее всегда было окно. Поэтому она не хотела переезжать от родителей. Окно ее поддерживало. Самим своим существованием. Тем, что она всегда могла туда прыгнуть.

Не то чтобы ей и в самом деле хотелось умереть, нет. Ей хотелось знать, что она может прекратить жизнь в любой момент, по своей воле.

Но то, как на самом деле ей хочется жить, она поняла, когда сползла по стене между гаражами, захлебываясь собственной кровью, а ее Димка, ее любимый Димка, ее парень, ее единственный, тот самый, с которым они с тринадцати лет парочка, с которым пробовали вместе все: алкоголь, секс, траву, экстрим, все на свете – вместе... Димка – с бледным, забрызганным кровью лицом, с окровавленными руками – сначала пытался зажать ей рану сорванной с головы банданой, потому что когда-то видел в кино, что так надо делать, потом вытащил мобильник, уронил, поднял – кажется, он хотел вызвать «скорую». Но вдруг передумал. Заплакал, схватил окровавленный комок банданы и прижал ей ко рту и носу. И она, только что

захлебывавшаяся кровью, начала задыхаться и, несмотря на рану, задыхалась долго, мучительно, по кусочку, по крупице отдавая жизнь...

Димка ударил ее выкидным ножом под ребра. За то, что она переспала с Рыжим. Хотя они договорились, что у них все будет по-честному, если кто-то с кем-то на стороне. Потому что они свободны и не принадлежат друг другу, но любят друг друга, и это настоящая любовь, когда не сжимаешь объятия и отпускаешь на свободу. Раньше они с Димкой, смеясь, обсуждали свои «ходки на сторону», и иногда рассказы о том, как это было с другими, возбуждали, и они начинали целоваться, сдирали с себя одежду, бросались друг на друга, яростно, жадно...

Но к Рыжему, как оказалось, Димка по-настоящему ревновал. Он завидовал Рыжему, потому что Рыжий учился на гитаре, в музыкалку ходил, и родители ему хорошую электрогитару купили, и его уже взяли в какую-то группу, а Рыжий даже не ценил, но хвастался, ведь все парни хвастливы, особенно насчет того, что для других важно и предмет для зависти... Димка научился играть всего года два как, и его мечта о музыкальной карьере останется мечтой, он бренькал на отцовской гитаре, и пел он паршиво, и слуха у него

не было, и голоса, а Рыжий не пел, только играл, но хорошо, и гитара не паршивая.

Когда Димка узнал, что она переспала с Рыжим, он почти расплакался и ударил ее по лицу, а она дала ему сдачи, и еще, и еще, и думала, что потом драка перейдет в объятия, и, может, они прямо тут, между гаражами, такое уже бывало... Но Димка выхватил нож и ударил ее под ребра.

И, кажется, он жалел о том, что сделал, и, кажется, он хотел вызвать «скорую», но передумал, испугался, наверное, что она все же умрет, а его посадят, и зажал ей рот и нос окровавленной банданой, и она умирала долго, так долго, так долго...

...так долго, что Сандугаш, проснувшись, мучительно откашливалась, ей казалось, это ее горло напрягалось в попытках сделать хоть глоток воздуха. Потом жадно пила воду. И до утра не могла заснуть.

Об этом убийстве Сандугаш нашла информацию в Интернете только через четыре дня. Она гуглила «девушка убита между гаражами пирсинг на лице» – и в конце концов наткнулась на новость о том, что в Новосибирске между гаражами нашли труп заколотой ножом Малеевой Ирины Станиславовны девятнадцати лет. Покойная имела много подозрительных знакомств. Подозреваемых не было. Следствие велось.

Значит, Димке удалось-таки все повернуть так, чтобы его не заподозрили. Странно. Вроде бы мужа или парня подозревают в первую очередь. А его – нет...

И Сандугаш ничего не могла сделать для погибшей Ирины Станиславовны. Хотя даже знала имя ее убийцы.

Он пошел за грибами. В этом году грибов было мало, да и зайти далеко в лес он не мог, болели ноги. Но он очень любил ходить за грибами. Любил осенний лес, в «багрец и золото одетый», и раннее вставание, и тропинку в тумане, и как солнце растапливает туман, и запах, дивный запах опавших листьев, влажных стволов деревьев, земли – и грибов. И поиск: какое счастье, когда из-под листьев выглядывает аккуратная шляпка, блестящая или бархатистая! И тяжелеет, тяжелеет пластиковое ведерко в руке.

Конечно, одиноко ему было – всю жизнь за грибами он ходил с кем-то. Сначала с бабушкой, когда летом отдыхал у нее в деревне. Потом с мамой, когда она на пенсию вышла и почти полгода жила в бабушкином деревенском доме. Потом с женой. Ляля поначалу не слишком жаловала «грибную ловлю», но вскоре оценила всю красоту тра-

диции. Ляля всегда брала с собой еду и пледик – для грибного пикничка. С ней поход за грибами превращался в маленький праздник. Она вообще умела превращать в праздник самые обыденные явления. Хотя грибы – это не обыденно, это одна из прекраснейших вех года. Жаль, детей не дал им Бог, да и друзей у него не осталось, слишком близки они были с Лялей, слишком большое место занимала она в его жизни. Ее не стало – и мир опустел. Да, поистине – «опустела без тебя земля...». Но жизнь продолжается, его-то жизнь продолжается, и уж сколько ему будет отпущено лет, весен, зим и осеней, сколько в багрец и золото одетых лесов, сколько грибной охоты? Никто не знает, но сколько бы ни было – все ему принадлежит. И он постарается не быть несчастным хотя бы в лесу. Здесь оживают его воспоминания, и бабушка, и мама, и Ляля, они живы, где-то рядом, может, вот за тем деревом... Впрочем, это уж точно не Ляля. Какие-то ребята. Тоже грибники, наверное. Молоденькие совсем. Трое. Нет, четверо. Правда, без ведерок и без корзинок, куда ж они грибы-то складывать собрались? Может, просто гуляют по лесу. Или походники, лагерь разбили где-то невдалеке. Но не слишком тут удобные места для походного лагеря.

Он не испугался. С чего ему пугаться четверых подростков? Он дружелюбно им улыбнулся, ведь общее у них было сейчас все это – лес, багрец и золото, острый осенний воздух, грибы...

– Вадька, этот – твой, – нарочито басовито сказал самый крупный и крепкий из ребят.

Твой? Гриб? Гриб увидели?

Тот, которого назвали Вадькой, побледнел, странно скривил рот, быстро подошел к нему и ударил. Не размахиваясь, но как-то невероятно быстро и невероятно сильно, в челюсть, так, что голова откинулась назад, в глазах почернело от боли, и что-то громко хрустнуло, и рот наполнился кровью.

Он упал навзничь, а Вадька ударил его ногой в живот, раз, два, три, выбивая из него жизнь, потом по почкам, потом рукой – в горло... И сомкнулись над ним золотые кроны, и обрушились чернотой и тишиной.

...Это был первый раз, когда Сандугаш увидела себя во сне мужчиной. Пожилым мужчиной, которого на смерть забили в лесу совершенно незнакомые парни.

Почему они это сделали? Тренировались, что ли, на живых мишенях?

Зло представляло Сандугаш во всем многообразии

ликов.

Потом она еще видела себя мужчиной несколько раз.

Молоденьким парнишкой, которого избили, связали и сожгли заживо, потому что он был из другого района и неправильной национальности, а мучителям хотелось посмотреть, как горит живой человек.

Мальчиком, которого одноклассники столкнули под электричку.

Молодым мужчиной, которого любовница отравила из ревности. Он даже не понял, что она подлила ему в коньяк, когда его скрутило от боли, начал задыхаться, а она включила погромче музыку и все время, пока он хрипел и бился на полу в конвульсиях, не переставала его обличать и проклинать.

Другим мальчиком, которого задушил, надругавшись, маньяк.

Стариком, которого внук убил в квартире, имитируя отравление газом, а старик все понимал и покорно принял смерть, надеясь только, что внука не заподозрят в убийстве.

Но чаще Сандугаш видела себя во сне женщиной. Девочки, девушки, молодые женщины, зрелые, пожилые... Женщины, женщины, женщины, они постоянно становились жертвами Зла.

Она где-то слышала, что мужчины погибают чаще.

Но, разобравшись со статистикой, поняла, что мужчины чаще погибают в авариях, в драках, по собственной неосторожности, а еще есть войны, которые мужчины ведут против мужчин (не думая, что при этом подминают под гусеницы танка и женщин, и детей, и зверей).

А вот жертвами Зла мужчины становились реже. Не того бесенка, который сидел в них самих, а настоящего Зла.

Почему-то это Зло предпочитало все же женщин. Иногда – мальчиков. Но чаще – женщин. Разного возраста. Городских и деревенских. Красивых и невзрачных. Женщин.

Она выкрасила волосы в рыжий цвет. Очень удачно получилось: такой глубокий рыжий, прямо как лисья шкурка. Натуральный. Брови она обесцветила и покрасила коричневой краской. Так что выглядела совсем натуральной рыжей, с ее-то белой кожей. И никаких веснушек! Она шла по улице и любовалась своим отражением в витринах. В сквере встала на фоне каштана и принялась себя фотографировать, старательно расширяя глаза и втягивая щеки: так лицо казалось более изящным. Хоть одно селфи из сотни, да получится... Ветер взметнул ее рыжие волосы, они плеснули в возду-

хе, как знамя, и она успела это заснять. Вот! Классная фотка! Села на лавочку и принялась обрабатывать снимок, чтобы отправить в Инстаграм. Она так увлеклась, что не заметила, как рядом с ней присел мужчина. А когда заметила – вздрогнула: незнакомец так пристально, так жадно на нее смотрел! Но он обезоруживающе ей улыбнулся. Он выглядел милым и безобидным: невысокого роста, пузатенький, с розовыми щеками и золотистыми кудряшками, как будто взрослый пупс. И через плечо у него был перекинут ремень от сумки с камерой. Судя по размерам, дорогая штука. Может, даже профессиональная.

– Вы очень красивая девушка. Но вы и сами знаете, что вы очень красивая девушка, да? Скажите честно, вы модель?

– Нет, я не модель, – улыбнулась она в ответ.

– Значит, мне очень повезло!

– Почему? Вы не любите моделей?

– Напротив. Я их очень люблю. Я же фотограф, – он указал на сумку с камерой. – Я профессиональный фотограф и отлично умею отличить просто красивую девушку от той, у которой есть потенциал модели. И мне очень повезло, что я встретил такую девушку, а ее еще не заполучило себе ни одно агентство. Значит, я могу сам за руку отвести

вас в агентство, с которым сотрудничаю. Прямо как в каком-нибудь голливудском фильме. Фотограф встречает модель в сквере возле фонтана.

– А что за агентство?

– «Модел-Раша», может быть, слышали?

Еще бы она не слышала! Конечно, слышала, агентство входило в десятку самых-самых... И она даже мечтать не могла о том, чтобы стать их моделью!

И все же что-то поскребывало. Как в голливудском фильме... Так ведь не бывает!

– Мне уже двадцать лет вообще-то, – сказала она, убавив себе два года. – Не старовата для модели?

– А мы никому не скажем. Вы не выглядите на двадцать лет. Хотя это еще далеко не старость... С такой фактурой вы их заинтересуете. Не как манекенщица, они должны быть совсем плоские, костлявые, а именно как модель. Сниматься для каталогов, в рекламе, да просто для красивых фото, которые потом продают в журналы в качестве иллюстраций. У вас великолепная фактура. Волосы, кожа... Можно я вас сфотографирую?

– Конечно, – кокетливо улыбнулась она.

В сущности, ее это даже не слишком удивило – она давно ждала подобную встречу, лет с четыр-

надцати. И этот взрослый пупс говорил именно то, что в ее фантазиях должен был говорить представитель модельного агентства... или именитый кинорежиссер, зазывающий ее в свой фильм... В общем, кто-нибудь, кто, наконец, оценит ее красоту, изящную фигурку с округлостями везде, где надо. Она знала, что полновата для манекенщицы. Но оказывается, модели и не обязательно быть еще и манекенщицей, чтобы позировать для красивых фото!

Как здорово, что она покрасилась в рыжий и не поленилась перекрасить брови. Она много раз меняла цвет волос, и последняя перемена оказалась самой удачной.

Фотограф приладил увесистый объектив, направил на нее, и она, отразившись в темной линзе, улыбнулась самой себе. Фотоаппарат защелкал. Она повернулась, чтобы получился самый удачный ракурс, пошире распахнула глаза, слегка втянула щеки...

– Конечно, лучше бы с правильным светом. И с отражателем. Он позволяет придать коже такое мраморное свечение... При дневном свете так не получится. К тому же правильный свет скульптурно подчеркивает все линии лица, делает черты точеными. А при дневном – чуть-чуть плывет... да-

же ваше личико... Мне бы хотелось сделать профессиональную фотосессию. Чтобы показать директору агентства товар, что называется, лицом.

– Я для вас товар?

– Конечно. Не думаете же вы, что я в вас влюбился? – хохотнул фотограф. – Конечно, я получу премию, если приведу в агентство новую звезду. Но главное – я смогу сделать такие работы... У меня давно не было по-настоящему яркой девушки. Кстати, я же не представился: меня зовут Андрей. А вас?

– Анна.

– Анна, а давайте, я сделаю вам профессиональное портфолио? Совершенно бесплатно. И бесплатно отнесу его в «Модел-Раша». Вы же не думаете, что я маньяк, правда? Маньяки не подходят к жертвам среди бела дня. Нас с вами тут видело столько свидетелей...

– Да я и не думала, что вы маньяк.

– Вот и хорошо. Пойдемте со мной прямо сейчас? Легкий макияж я и сам вам сделаю, уже обучен. Я бы, конечно, предложил вам прийти в другой раз и с подругой в качестве моральной поддержки и защиты от маньяков, но сегодня вечером я уезжаю в Москву. Я же приезжал фотографировать этот ваш знаменитый кремль и золо-

тую осень. Командировка на три дня, сегодня третий. Но я не хочу вас терять. И тянуть тоже не хочу. Вдруг в ваш гостеприимный городок заедет, например, Ник из «Диа Модел». Встретит вас – и все...

Она рассмеялась, откидывая назад волосы, представляя, как красиво они струятся вдоль спины, сверкая на солнце.

Если бы он знал, как мало шансов, что ее заметит этот самый Ник. И с каждым годом все меньше.

Она раньше считала, что шансов мало уже на то, что фотограф из крутого модельного агентства вообще приедет к ним в город. Наряжалась, красилась и сама ездила в Москву. Ходила по улицам и ждала, ждала, что ее кто-нибудь заметит... Не заметили.

Она не могла упустить свой первый шанс, зная, что он, скорее всего, станет единственным. Упустить удачу только из-за того, что мужики в наше время все запуганные – боятся, что только прикоснешься к женщине, а она уже в полицию побежит с заявлением об изнасиловании. В Москве, судя по прессе, все именно так.

– Андрей, мне не нужна подруга для моральной поддержки. У меня вообще нет подруг. Девушки не любят мое общество.

– Слишком красивая?

– Типа того. И вы не похожи на маньяка. А я не трусиха.

– Отлично. Еще и с характером.

– Это плохо?

– Это хорошо. Пугливые и ранимые в модельном бизнесе не выживают. Не побоитесь сесть в машину к незнакомому мужчине и прокатиться с ним в фотостудию?

– А мы уже знакомы.

– И правда.

Машина у него оказалась не то чтобы очень шикарная: серенькая «Шкода Октавия». Но чистая, и внутри все так аккуратно. На заднем сиденье – мини-холодильник. Андрей достал бутылку «Evian».

– Воды хотите?

– Спасибо.

– Спасибо, да? Или спасибо, нет? – рассмеялся Андрей.

– Спасибо, да.

Он достал вторую бутылку и, предупредительно сняв крышечку, протянул ей вместе с откуда-то добытой запакованной соломинкой. Сам выпил залпом из горлышка и тронул машину с места.

– Пристегнитесь.

Она, послушно затянув ремень безопасности,

медленно потягивала холодную, чуть солоноватую, с горчинкой, довольно противную на вкус воду, с удовольствием наблюдая, как проплывают мимо окон знакомые улицы. У нее закружилась голова. Наверное, от счастья. Или от жары. Или от того, что машина ехала... слишком быстро? Или не слишком? Голова кружилась просто невыносимо, она выронила бутылку, вода плеснула на голые ноги, а голова вдруг качнулась вперед, словно слетая с шеи...

...Когда Сандугаш проснулась, у нее все еще кружилась голова и во рту ощущался солоновато-горький вкус той воды, которой фотограф Андрей угостил крашенную в рыжий цвет девушку Анну в незнакомом русском городе.

Почему она их увидела?

Если она видит других людей – если она во сне видит глазами других людей, – это всегда жертвы убийства.

А на этот раз – убийства же не было?

Сандугаш потянулась к стакану, боясь, что вода на вкус окажется такой же гадкой, как во сне.

Нет, обошлось. Обычная вода. Вкусная. Очень вкусная. Как же ей хотелось пить!

Она видит то, что успевает увидеть жертва. Значит,

Анна уже не проснется. Андрей – или не Андрей и, скорее всего, никакой не фотограф – все же оказался маньяком. Или чем-то вроде того. Он подмешал рыжей какую-то гадость в воду, потому и вкус был противный. А если бы она отказалась пить, он бы что-то еще придумал. Наверняка у него все уже отработано...

Хотя, конечно, среди бела дня увезти девушку из людного сквера, где их все видели... Почему он не боится? Что он с ней сделал? Лучше не знать.

Но все же – что?

Может, если заснуть, приснится продолжение?

Если бы она только могла их как-то предупредить! Тех, кого видит во сне...

Но во сне Сандугаш никогда не была собой. Она была жертвами. Ими всеми.

И бесполезно, наверняка бесполезно искать в Интернете эту рыжую Анну. В рыжий она выкрасилась в день смерти. Какого цвета волосы у нее были до того – Сандугаш не знает. А главное – о пропавших взрослых редко пишут. Вот про детей – да. А про взрослых – только если родственники поднимают переполох. Но чтобы искать, надо хотя бы знать, какой это город... Где знаменитый кремль? Кроме Москвы?

Впрочем, какая разница? Зачем искать? Анна мертва. Андрей убил ее. Если бы не убил, она бы не при-

снилась Сандугаш.

Ведь Сандугаш видит только смерть. Только смерть...

Девушка расплакалась, закусив край одеяла, чтобы никто не услышал.

Погрузившись в изучение предпочтений Зла, Сандугаш чуть не утонула в черноте. Интернет открывал перед ней истории маньяков и извращенцев всех мастей: душителю, потрошителей, расчленителей. Один коллекционировал волосы жертв, другой шил платье из женской кожи. Маньяки, действующие в паре. Маньяки-любовники. Маньяки-супруги. И их жертвы – женщины. Иногда мальчики, но, как правило, женщины...

Вот только маньяки – еще не самое ужасное. Маньяки – отбросы человечества, выбраковка, как больной скот. Было кое-что пострашнее.

То, что творили мужчины с женщинами во время войн.

То, что творили мужчины с женщинами во время погромов.

Мужчины убивали других мужчин, но женщин раздевали, истязали, гоняли голыми по городу, насиловали, избивали, мучили до смерти, даже совсем еще девочек, даже очень пожилых, годящихся своим му-

читателям в бабушки... В разных странах, в разные времена мужчины объединялись в толпу и убивали других мужчин, а потом терзали их женщин.

Почему? Почему женщину нельзя просто убить? Почему обязательно такие страдания?

Сандугаш почти перестала есть, старалась не спать и сидела в школьной библиотеке до вечера, истово выискивая в Интернете отчеты о деяниях Зла.

Первой забеспокоилась бабушка, в итоге Сандугаш пришлось съездить к врачу. Прошла флюорографию, сдала анализы. Все было в порядке. Врач предположил, что она худеет, потому что так модно. Рассказал о вреде анорексии. Сандугаш вежливо его слушала; в ушах у нее шумело от недосыпа.

Потом мама начала каждое утро спрашивать, что бы ей хотелось съесть, что приготовить на обед, на ужин.

Но решил проблему, как всегда, отец. Когда Сандугаш в очередной раз вернулась из школы под вечер, после длительного сидения в библиотеке, он позвал ее к себе, в свою комнату, где принимал посетителей.

– Встань вот здесь, – указал он на середину комнаты.

Сандугаш встала.

– Закрой глаза, не шевелись, не говори ничего. Молчи.

Она закрыла глаза. Перечитать отцу ей не приходило в голову.

По звуку поняла, что он снимает со стены бубен. Потом отец начал ходить вокруг Сандугаш, слабо постукивая в бубен пальцами и тихо напевая что-то неразборчивое. Много кругов сделал.

– Встань на колени. И не двигайся.

Сандугаш, не открывая глаза, опустилась на колени.

И бубен вдруг зазвенел, загремел, зарычал у нее над головой, громко, оглушающе, так, что ей показалось – этот звук заполняет череп, взрывает его изнутри, невозможно терпеть, сейчас лопнут барабанные перепонки, напряжение в глазах, кажется, кровь из носу хлынула и, горячая, потекла по губам, по подбородку, закапала на пол...

Сандугаш вскинула руки к лицу.

– Не смей! Опусты руки. Не шевелись!

Бубен продолжал рычать и грохотать грозовыми громами, и Сандугаш стояла на коленях, не двигаясь, пока не почувствовала, что в горле у нее бьется птичка, живая птичка, которую непременно надо выпустить на волю. Сандугаш открыла рот... И потеряла сознание.

Пришла в себя она, лежа на полу. Отец сидел на

табурете и смотрел на нее. Бубен уже висел на стене.

Сандугаш застонала и приподнялась, опираясь на руки. Пол вокруг нее был закапан чем-то черным, и на руках у нее было это черное. Сандугаш сначала подумала – кровь, просто она пролежала без чувств так долго, что кровь потемнела, свернулась. Но кровь такой черной не бывает. Это черное было – как нефть.

– Папа...

– Я сделал, что мог. Выдавил из тебя то, что ты добровольно впустила. Оно бы выжгло тебя, обессилило. Может быть, даже убило.

– Я не понимаю.

– Ты каждый день сидела в библиотеке и читала про убийства. Каждый день. Ты пропускала через себя знания про зло. Ты соперевживала жертвам. Ты ненавидела убийц. И тем самым ты впустила в себя вот это, черное. И оно начало есть твою силу.

Свитер и брюки Сандугаш были испачканы в черном. И ладони.

– Я не понимаю. Я просто читала... Многие интересуются. С ними со всеми – так?

– Нет. С единицами. С теми, в ком есть сила, но нет умения защититься. Информация содержит в себе... Как бы это тебе объяснить? Силу содержит. В любой книге, в любой статье, в любом источнике знания есть сила, потому что знание – это сила. Знание – в пря-

мом смысле сила, Сандугаш. Надо уметь обращаться с этой силой и уметь ее дозировать. Особенно тем, в ком есть собственная сила. Или энергия. Как тебе больше нравится. Что-то, чем другая сила, злая, темная, может полакомиться. Тебя она почти сожрала.

– А почему ты так долго ничего не предпринимал? – вяло спросила Сандугаш.

– Моя ошибка. Я смотрел и ждал. Думал, не придет ли на помощь тебе один из духов-зверей нашего рода, не встанет ли на защиту. Но новый дух так и не появился. Только тот, слабый...

– Соловей, – прошептала Сандугаш.

Отец кивнул.

– Больше не читай про зло. Не надо. Ты слишком слаба. И эти знания тебе не нужны. Ты ничего не можешь изменить.

– Я бы хотела.

– Я знаю. Но ты слишком слаба.

– Если бы ты научил меня защищаться...

– Нет. Сильным шаманом тебе не быть. А просто шаманкой, целительницей, я не хочу, чтобы ты была. Это не жизнь для бабы – без мужа, без детей... Не жизнь. А полушаманкой, обманщицей, женщина из рода Доржиевых не будет. Живи свою женскую жизнь, Сандугаш. Ты красавица. Наберешься силы – буду знакомить тебя с достойными мужчинами. Дочь Баты

Доржиева любой захочет в жены взять. А я же их насквозь вижу. Будет у тебя муж сильный, добрый, станет защищать, любить, дети у вас появятся. Все будет, как у нас с твоей мамой, даже лучше. Обещаю.

Отец ладонью коснулся головы Сандугаш. Он так редко проявлял нежность, что от этой скупой ласки она сначала замерла, а потом разрыдалась.

Но стоя под горячим душем, смывая с лица и рук липкую черную жижу, она подумала, что, пожалуй, не хочет такого счастья, как у отца с мамой. Она хочет чего-то другого. Чего-то более... настоящего?

Даня Семенычев, одноклассник Сандугаш, жил в поселке Артемышево. Родители у него были из обеспеченных, по местным меркам, а он – единственным и обожаемым сыном. Так что ему покупалось все, что захочется, но, конечно, в пределах, которые родители переступить не могли... Однако хороший цифровой фотоаппарат Дане купили. Он очень любил фотографировать и мечтал стать профессиональным фотографом, все время посылал свои работы на разные конкурсы. В общем, Сандугаш даже не особенно удивилась, когда Даня подошел на перемене и рассказал ей, что попал в десятку лидеров в двух турах конкурса: натюрморт и пейзаж. Теперь третий тур предстоит: портрет. Сандугаш слушала из вежливости, не хо-

телось обижать резкостью этого в общем-то хорошего парнишку. В конце концов ей стало скучно, и она решила уточнить:

– Это все очень здорово, но зачем ты мне рассказываешь? Я фотографировать не люблю.

– Я хочу, чтобы ты мне позировала, – сказал Даня и покраснел.

Сандугаш вздрогнула. Вспомнила ту рыжую девушку, которую заманил якобы фотограф... Но Даня-то – знакомый, свой. Вряд ли он сделает что-то плохое дочке шамана. Хотя... кто их, глупых мальчишек, знает? Вспомнилась стриженная девочка с колечками в брови и ее случайный убийца... Он ведь не хотел, вроде бы.

Видя ее замешательство и предчувствуя отказ, Даня заметно скис и, поправ мучительную юношескую гордость, сказал уже откровенно просительно:

– Пожалуйста, Сандугаш! Ну, пожалуйста, мне больше некого позвать! У тебя это... фактура, в общем.

– А куда ты меня собрался звать? У тебя дома студия оборудована? – с подозрением спросила Сандугаш.

Даня рассмеялся от облегчения, обрадованный тем, что она хотя бы не отказала.

– Нет, я пока только мечтаю нормальный освети-

тель и отражатель купить. Если конкурс выиграю – смогу... Я все на улице снимаю. Нахожу ракурс и снимаю. Даже соты для натюрморта на улице снимал. Хочу тебя снять на лавочке. Возле дома Сократовых, знаешь, такая лавочка-развалюшка, на ней только ты и усидишь, под другим подломится. Они ее не меняют, потому что бабушка ихняя очень любила на этой лавочке отдыхать, мемориальная скамья прямо. Вот сядешь на фоне забора деревенского, на старой лавке, и будешь смотреть перед собой с тоской во взгляде.

– Может, тебе какую-нибудь бабушку попросить? Будет органичнее.

– Нет, у меня замысел. Должна быть девушка. Красивая. Ты самая красивая. И еще у тебя лицо, ну, нерусское. Сидишь на старой лавочке, а вся такая красивая, и как бы нет будущего, потому что в глуши, хоть и с такой красотой... Понимаешь идею?

– Понимаю, – вздохнула Сандугаш.

Нет будущего.

Надо же...

Нет будущего...

Сандугаш все же позировала Дане. Но получилось плохо.

Вышли глазеть Сократовы, и другие односельчане, кто на работе не был, подтянулись. Стояли, лузгали

семечки, вполголоса обсуждали. Ничего гадкого не говорили, но от взглядов Сандугаш было не по себе. Да и Дане тоже.

Даня изображал киношного фотографа, излишне много дергался, прыгал и больше думал о том, как самому с камерой наперевес встать в красивую позу, чем о том, что у него в кадре творится.

Сандугаш стеснялась, зажималась, и вместо тоски во взоре получились злость и затравленность. Ничего романтического.

Не удивительно, что Даня в этом туре конкурса в десятку не вышел...

Фотографии он ей отдал на диске. Несмотря на напряженную позу и странное выражение лица, Сандугаш получилась красивой. Едва ли не красивее, чем в жизни! Кожа ее, казалось, светилась, волосы шелковисто переливались, глаза были прозрачными.

– Тебя камера любит. Обычно люди получают не такими красивыми, как в жизни. А ты – такая же. Ты могла бы моделью стать, если бы захотела. Хотя, наверное, уже поздно. Тебе же сколько, семнадцать?

– Через месяц.

– Ну, поздно. Модели, они лет в четырнадцать начинают в наше время. В девятнадцать у них старость.

– Да я и не хочу быть моделью.

– А кем ты хочешь быть?

«Я хочу ловить и карать убийц», – подумала Сандугаш.

– Не знаю, – произнесла она вслух. – Наверное, замуж выйду. Как мама.

– Ты ж учишься хорошо... Могла бы в институт поступить.

– Не хочу. В город не хочу.

– Зря.

Сандугаш пожала плечами. Она все равно не смогла бы объяснить Дане, почему большой город не подходит ей для жизни. Да и не хотелось ей ни в какой институт, снова учиться. А хотелось...

Она даже не знала чего.

Чего-то необыкновенного.

Любви ей хотелось. Причем такой, чтобы все ради этой любви отдать.

Чтобы, как в фильме «Сумерки. Сага. Новолуние», бежать через людную площадь, через фонтан, рассекая воду, к любимому и обнять его, закрыть, заслонить – всею собой. Пожертвовать ради любви всем! И чтобы в самом финале с полным правом сказать своему любимому: «Никто никогда не любил так, как я!» А он бы ответил: «За одним только исключением...» – имея в виду себя и свою безграничную любовь к ней, Сандугаш.

Она еще и не влюблялась ни разу, по крайней мере в реальных людей. Киношные персонажи не в счет. В детстве она была влюблена в Карлайла Каллена из «Сумерек» и в Сириуса Блэка из «Гарри Поттера» – Сандугаш и в детстве была странной, выбирала не тех персонажей, которые нравились другим девочкам. Юные Эдвард Каллен или Гарри Поттер ее не интересовали, а в зрелых, трагических Карлайле и Сириусе она видела свой идеал... Еще ей нравился Майкрофт Холмс из сериала «Шерлок». Все девчонки сходили с ума от Шерлока, а Сандугаш нравился его старший брат, таинственный и одинокий. «Он же лысый!» – изумилась Ритка, когда Сандугаш ей призналась. Но какая разница, лысый или нет? Главное – он такой... загадочный. Интересный.

Жаль, их всех не существовало в реальном мире, и от осознания этого становилось особенно тоскливо.

Сандугаш еще никогда не влюблялась в реальных людей, но уже готова была ради настоящей любви пойти на любое страдание, на любой риск. Она чувствовала в себе огромные нереализованные запасы любви, будущей любви, словно внутри у нее было засеянное поле, и семена уже набухли, выпустили бледные корешки, а стоит появиться солнцу – ее возлюбленному, которого Сандугаш еще не знала, – семена выстрелят зелеными ростками, распустятся яркими,

пышными, благоуханными цветами!

Любить, любить, любить... Только этого Сандугаш и хотелось.

И еще – карать убийц. Использовать свой дар. Но, похоже, в этом ей было отказано.

Зато любовь рано или поздно должна была прийти. В этом Сандугаш не сомневалась. И не потому, что все когда-то влюбляются. Просто внутри у нее было целое море любви, оно волновалось, словно в такт шагам человека, которого она еще не видела, не знала, но уже предчувствовала.

Влюбленного взгляда Дани Семенычева она так и не заметила.

Глава 4

Наташа сыто потянулась и ногой отпихнула одеяло. Полюбовалась своими точеными ножками с идеальным вишневым педикюром и тонким золотым браслетом вокруг левой щиколотки. Потом нащупала на прикроватной тумбочке зеркало. Это была ее традиция, ее секрет и маленький порок – проснувшись, первым делом она рассматривала свое лицо, словно желая в очередной раз убедиться в безусловной истине: она по-прежнему самая красивая девушка на свете.

Подмигнув своему отражению, Наташа рассмеялась.

Вскочила с кровати, залпом выпила заранее приготовленный обязательный стакан воды с имбирем и медом, потом включила музыку и сделала три круга «сурья намаскар» – «приветствия солнцу». Она не занималась спортом, тело и так оставалось идеальным, но утренняя йога была для нее чем-то вроде витаминного укола. Хотя на этом стакане воды и десятке бесхитростных упражнений, пожалуй, и заканчивался весь ее здоровый образ жизни.

Бессонные ночи, море шампанского, сигареты, вереница мужчин – все это изматывает и отпечатком остается на лице. Хорошо, что Наташе всего восем-

надцать лет – блаженный возраст, прощающий приключения.

До очень недавнего времени Наташину жизнь нельзя было назвать легкой. Она родилась в маленьком городке на юге России, в семье алкоголиков в третьем поколении. У нее были старшая сестра с психиатрическим диагнозом и младший брат с задержкой развития. Оба выглядели как дети подземелья. То же можно было сказать и о Наташиных родителях – типичные маргиналы, давно пропившие человеческий облик. Даже странно, что она уродилась такой – здоровой и красивой. И что ей хватило ума рано понять, что единственный шанс выжить – как можно скорее свалить из родительского дома, где никому не было до нее дела.

Отец с младенчества ее поколачивал, Наташа старалась никогда не попадаться ему на глаза, а если не получалось – хотя бы не смотреть в лицо. Как и многие пьющие, он жил в своем мире, вел диалоги с внутренними голосами, и никогда нельзя было предсказать его настроение в следующий момент. Вроде бы сидит за столом и улыбается, а потом вдруг может подскочить, бросить в стену стакан и с ревом наброситься на кого-нибудь из домашних.

Мать же была больше похожа на тень, а не на живого человека. Ей было все равно – ее давно не инте-

ресовало вообще ничего, кроме недлительного удовольствия, которое давала дешевая водка. Возможно, в глубине души она понимала, что жизнь ее пошла под откос, из пике ей не вырुлить, так что остается два выхода: сойти с ума или пребывать в забытьи. Детей она не била, но и внимания на них не обращала. Росли сами по себе, как придется. Часто их забывали покормить.

Наташа прекрасно помнила, как в шесть лет она просила милостыню у прохожих. Иногда ее подкармливали соседи, из жалости. Летом было проще – можно было рвать во дворе ревеня, обдирать городские яблони, ходить в лес за малиной, приставать к рыбакам на берегу Дона, чтобы те угостили копченой рыбкой. Училась Наташа плохо, даже один раз оставалась на второй год. И часто слышала от классной руководительницы угрозы отправить ее в коррекционный интернат.

Все изменилось, когда ей исполнилось тринадцать лет. В то лето, как по мановению волшебной палочки, Наташа вдруг из угловатого подростка превратилась в девушку, чья внешность притягивала взгляд. Она и сама этого не заметила. Не обратила внимания. Тогда она еще не задумывалась о том, что некоторые люди красивы, а некоторые – нет. Оценивала всех детским взглядом, смотрела внутрь. Дети ведь по-друго-

му красоту воспринимают.

У Наташи появилась грудь, ее скулы заострились, а ноги, казалось, стали еще длиннее, хотя и так все детство ее дразнили «саранчой».

Это прозвище останется с ней на всю жизнь. Даже когда она переедет в Москву и станет появляться на страничках журналов мод, все равно окружающие будут называть ее Наташасаранча. Но уже по другой причине.

...Тот мужчина подошел к ней на пляже, куда Наташа с подружками ходила каждую субботу.

Девчонки устраивались на старых выцветших полотенцах, ели мороженое, бросали в воду камушки, плавали, болтали.

Незнакомый мужчина показался Наташе старым, хотя ему было слегка за сорок. Спустя много лет она почти ничего о нем не помнила. В памяти осталось только, что на нем были красные плавки – так необычно и вызывающе. Сразу было понятно, что мужчина в их краях чужак: он по-другому говорил, на нем были странные грубые сандалии, и курил он через мундштук, как капитан из кино.

– Девочка!.. Нет, не ты, а вон та, в синем купальнике! – позвал он Наташу. – Можно тебя на минуточку?

Наташа удивилась, но подошла. Незнакомец не стал ходить вокруг да около – сразу сделал ей пред-

ложение. Деловое. Если она вечером придет к нему в гостиницу, разденется, позволит себя погладить, поцелует его вот тут и вон там, он даст ей деньги. Много денег.

– С ума сошли? – сначала оторопела она. – Разве можно мне такое предлагать? Я еще ребенок!

– Ничего себе ребенок! – рассмеялся он. – Сколько тебе? Пятнадцать?

– Тринадцать, – буркнула Наташа.

– Ого! – присвистнул он. – Выглядишь старше.

Наташа приосанилась, ибо в тринадцать лет кажется, что выглядеть старше – круто.

– Что ж... Дело твое. Ничего страшного я с тобой делать не буду. Ну, ты понимаешь. Просто поцелуешь меня, и все. Если придешь, дам тебе столько денег, что на половину машины хватит.

– Машины? – округлила глаза Наташа. – И вы меня не обманете?

– Конечно, нет. Главное, ты не говори никому. Ни подружкам, ни тем более родителям.

– Подруги спросят, что вы от меня хотели.

– А скажи им, что ты на родственницу мою похожа. Обознался. Я живу в гостинице «Старый Дон». Двенадцатый номер. Буду ждать тебя с восьми вечера. А в восемь тридцать уйду. Смотри сама.

То ли скука, то ли детский авантюризм, то ли же-

ление получить личные деньги сделали свое дело – вечером Наташа отправилась по указанному адресу. Она не готовилась специально, даже волосы не расчесала. Пошла в том же сарафане, в котором ходила на пляж, и в стоптанных резиновых вьетнамках. Она еще не умела (и не считала нужным) оправлять свою красоту. И не знала о том, насколько она красива.

Наташа долго препиралась с администратором, не хотевшим ее пускать. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что не стоит говорить правду. «У меня родственник тут живет. Просто навестить пришла. Он сам меня позвал», – бубнила она. Наконец ей повезло – зазвонил телефон на стойке регистрации, администратор отвлеклась, и девочка юркнула в коридор, к лестнице. Взлетела на второй этаж и постучала в дверь двенадцатого номера. Если она и волновалась, то совсем чуть-чуть. Скорее ей было любопытно.

– Ты все-таки пришла! – Он отступил в сторону, пропуская Наташу в номер. – Хоть и опоздала.

– Меня в гостиницу пускать не хотели.

– Ну еще бы! – рассмеялся он. – Ты себя в зеркало видела? Вся чумазая какая-то, ноги грязные.

Наташа поджала пыльные пальцы ног.

– Не нравится – могу вообще уйти!

– Но-но, какие мы обидчивые. Никуда не надо уходить. Будешь шампанское?

– Я никогда еще не пила. Хотя у меня родители алкаши.

– Тогда не надо... Я тебе сок лучше налью. Ты голодная?.. Что я спрашиваю, конечно, голодная. Давай, не стесняйся. Сейчас в номер ужин закажем. Ты ведь не спешишь? Мамка паниковать не будет?

– Да ей пофиг.

Честно говоря, ужин вечно голодную Наташу интересовал больше, чем этот странный мужчина. И какой это был ужин – превзошедший все ее ожидания! Нежнейший жареный цыпленок – хотелось целиком его проглотить, вместе с сахарными косточками. Картофельное пюре на жирных сливках с ломтиками лука в карамели.

Пирожные. Наташа так объелась, что ей даже спать захотелось, и все остальное запомнилось как в тумане.

Она позволила мужчине отвести себя в душ, снять сарафан и трусики. Так чудно – он сам ее помыл, как маленькую. Намыливал ее тело, тщательно и аккуратно, будто бы она фарфоровая была. При этом его лицо изменилось – он перестал улыбаться, покраснел, его рот приоткрылся, и вообще он стал похож на ее соседа по лестничной клетке, старого инфарктника.

«Сейчас еще окочурится, и денег обещанных не получу!» – мелькнуло у нее в голове.

О том, что она делает что-то неприличное и запретное, Наташа даже не задумывалась. Естественно, в тринадцать лет у нее не было иллюзий о том, что мужчинам нужно от женщин: Наташу воспитывал двор, она рано узнала об отношениях между полами. Мужчина на руках отнес ее в постель. Он не обманул – ничего, кроме поцелуев не было. Надо сказать, довольно противных поцелуев – от мужчины пахло жареным луком, у него был слюнявый мягкий рот, руки его возбужденно дрожали. А когда он сказал: «Ну а теперь ты меня поцелуй, как на пляже обещала!» – Наташа заволновалась, что ее вообще может наизнанку вывернуть. Но как-то сдержалась.

Она совсем не старалась, не делала вид, что ей приятно. А ему было всё равно.

И с деньгами он не обманул – от силы час мучений, и вот уже он протягивает ей пачку купюр и хлопает по плечу: «А теперь иди, девочка! И помни, что об этом никому нельзя говорить!»

Наташа и не собиралась. Дурочка она, что ли?

О деньгах она тоже никому не рассказала, надежно припрятала. Не дома, конечно, – бессмысленно что-то прятать в доме алкоголиков. Устроила тайник на пустынном берегу реки. Тратила потихонечку – в основном на еду. Сама ела и брата младшего подкармливала.

Тогда Наташа со своей будущей судьбой и определилась. А до того думала, что окончит девять классов и пойдет учиться на парикмахера. Но теперь перед ней открывались иные перспективы. Зачем копошиться в чужой перхоти и получать за это копейки, если деньги можно заработать вот так легко? Потерпела час-другой – и вот они.

Наташа стала проституткой в четырнадцать лет.

Сначала работала в родном городе – предлагала себя осторожно, потихонечку. Только приезжим, чтобы избежать сплетен. Она была очень красива, ей не составляло труда себя продать. Красота и свежесть – что еще нужно? Но все равно не прошло и года, как все стало всем известно.

И тогда Наташа впервые увидела эмоции на лице матери. До того ей казалось, что мать вообще не умеет чувствовать, отвыкла, и что лицо ее навсегда превратилось в застывшую маску. Но тут словно бес в нее вселился – мать орала, дала ей пощечину, рыдала, грозилась сдать в интернат.

Наташа молча собрала вещи и покинула родительский дом – для того, чтобы никогда не вернуться.

На прощание швырнула матери в лицо немного денег: «Если ты такая совестливая, покорми хотя бы своих детей, не пропивай всё!»

И ушла.

Сначала перебралась в ближайший большой город. А в семнадцать лет уехала в Москву.

Наташе везло – с ней ни разу не случилось ничего страшного. Она была одиночкой, работала на свой страх и риск, и все равно – как будто ангел, странный порочный ангел ее охранял. Ни одного опасного клиента, ни одного «мальчишника», да что там – ее даже ни разу не арестовывали.

В Москве она сначала работала одна, но это оказалось трудно – слишком дорогой город. В гостиницах все места заняты, квартиру приличную не снять, а в Кукуево клиенты поедут только за копейки. И она устроилась в один из так называемых массажных салонов.

Это была четырехкомнатная квартира на Садовом кольце, там постоянно работали десять девушек и администратор – бывшая проститутка со шрамом во все лицо. Девушки получали тридцать процентов, остальное доставалось салону. Но это все равно было выгодно – цены высокие, клиентов много.

В салоне была девушка из Наташиного города, звали ее Анжела. Они сразу подружились, несмотря на разницу в возрасте: Анжеле уже исполнилось двадцать семь, но ограниченность жизненного опыта делала ее инфантильной. Конкурентками они не бы-

ли – совершенно разные типажи. Те клиенты, которым нравилась Анжела, не смотрели в сторону Наташи, и наоборот. Наташа – высокая, смуглая, худенькая, с каштановыми волосами до талии. Анжела – крошечного роста, коротко стриженная блондинка с формами. Вздернутый нос, веснушки, широко распахнутые синие глаза, по-детски восторженная улыбка, и такое выражение лица, словно к ней грязь не липнет. Обе девушки оказались самыми популярными в салоне, отбоя от клиентов не было.

Анжела и познакомила Наташу с банкиром, Леопольдом Вертинским. Случилось это совсем недавно, несколько месяцев назад.

– Один мой старый клиент устраивает вечеринку, нужно много девушек. Пойдешь?

– Что за клиент? Я его видела? – лениво поинтересовалась Наташа, в тот момент и не подозревавшая, что речь идет о человеке, который изменит ее судьбу.

– Нет, он из старых. Когда я еще на другой салон работала. Вообще случайно к нам забрел, важная шишка. Такие не ходят к проституткам, такие могут выписать себе звезду эстрады или вообще кого угодно.

– Да ну! – рассмеялась Наташа. – Кого угодно?

– А что ты думаешь! Я слышала, даже у голливудских есть тариф. Нет, там все мягче, конечно, не так очевидно. Типа бескорыстный секс и бескорыстный

подарок. Но факт остается фактом.

– И что за вечеринка? Зачем ему я, если там будешь ты? Он что, секс-гигант?

– Ха, я не знаю! – рассмеялась Анжела. – У меня с ним ничего и не было. Так, потискал немного, а потом трындели всю ночь. Веселый дядька. Но он сказал, что я не в его вкусе, а выбрал он меня за глаза веселые. Он любит таких, как ты, высоких, чтобы на моделях были похожи.

– А я что, похожа на модель? – приосанилась Наташа.

– Ой, Саранча, как будто бы сама не знаешь! Короче, на той вечеринке будет человек двадцать девчонок. Ему так нравится. Он уж там сам кого-нибудь выберет в постель, если вообще захочет.

– И другие мужики тоже будут?

– Не-а. Да что ты так смотришь на меня, дура подозрительная? – Анжела щелкнула ее по носу. – Я же сразу сказала, что клиент странный. Посидим, омаров поедим, икры черной. Он на широкую ногу живет. Каждой девушке тысячу долларов обещали. А той, с которой спать будет, еще нальет. Ничего не теряем, сплошные удовольствия! Идешь?

– Ну еще бы! – оживилась Наташа. – Деньги мне не лишние.

– Только ты каблуки надень! Ему чем выше, тем

лучше. И юбку покороче, он от ног худых тащится!

Для вечеринки был специально арендован загородный дом. Наташа все удивлялась – столько пафоса, столько роскоши, и все для того, чтобы удовлетворить одного-единственного мужчину! Официанты в смокингах, охрана, подсвеченный бассейн. Шампанское «Вдова Клико», икра, огромные креветки.

Почти все девушки, кроме Анжелы, были похожи на топ-моделей. Наташа даже ступала в первый момент – не привыкла к соседству такой ослепительной красоты. Обычно она оказывалась самой яркой и красивой в компании, а тут – все как на подбор. Конкурс красоты мирового масштаба, а не вечеринка. И одеты девушки были как богатые светские дамы: дизайнерские шелковые платья, накидки из соболя, бриллианты.

И все-таки тот, ради кого все это было устроено, выбрал ее, Наташу. Сразу на нее глаз положил, как только вошел в комнату. Весь вечер провел возле нее, почти не обращая внимания на других девушек, тайком испепелявших Наташу завистливыми взглядами. Одна Анжела радовалась за подругу – за спиной Вертинского показывала ей устремленные вверх большие пальцы.

Вертинский был не в Наташином вкусе. Небольшого роста, пухлый, с залысинами. Но от него хорошо

пахло сандалом и ветивером, у него было отменное чувство юмора и приятный низкий голос. Ну и деньги. Незримое очарование больших денег. Это подкупало.

Ту ночь они провели вместе. Секс, кстати, был неплохим.

Разговаривали до утра – Наташа даже рассказала ему о том пляжном незнакомце, который когда-то невольно затянул ее в профессию. Она рассказывала историю как анекдот, но Вертинскому отчего-то не было смешно – он сокрушенно причмокивал и качал головой.

– Бедная девочка. Этого не должно было с тобой случиться.

– Да брось ты. Я не жалею. Если бы не тот случай, я бы никогда не оказалась в Москве. И вот с тобой бы точно не встретилась.

– Кто знает... С такими ногами, как у тебя, может, и оказалась бы. А то и не тут, а где-то получше.

– Разве мне может быть где-то и с кем-то лучше? – промурлыкала Наташа, которая, как профессиональная проститутка, точно знала, что и в какой момент сказать мужчине, чтобы тот расцвел и пришел к ней еще раз.

– Ты никогда не пробовала стать моделью? – Вертинский без улыбки рассматривал ее лицо.

– Нет... Модели зарабатывают копейки. Я девушка

одинокая, мне всегда деньги нужны. Не могу позволить себе такой роскоши – рисковать.

– Не все модели зарабатывают копейки. Знаешь, сколько дают победительнице конкурса «Мисс Страна»?

– Миллион долларов? – рассмеялась девушка.

– Ну, почти. И правда, миллион. Но все-таки рублей. Плюс несколько жирных контрактов. Если девушка будет умницей, то контракты продлят, она заработает имя и будет лет пять, а то и десять как сыр в масле кататься.

– Ну и что? При чем тут я-то?

– А при том! – торжественно воскликнул Вертинский. – Догадайся, кто главный спонсор «Мисс Страны»?

Наташа недоверчиво вытаращила на него.

– Совершенно верно. – Мужчина снял воображаемую шляпу, манерно, как мушкетер из советского кино. Он и правда чем-то напоминал Портоса. Большой и добрый.

– Ты предлагаешь мне принять участие? И думаешь, что я выиграю?

– Какая цепкая девочка, – то ли возмущился, то ли восхитился он. – Пока предлагаю принять участие. А там посмотрим. Но я правда считаю, что у тебя есть все шансы на победу. Ты очень красивая и необычная.

Только вот...

– Что?

– Скажи мне, только честно. Потому что если соврешь, у тебя будут большие проблемы. Твое лицо сильно засвечено на сайтах вроде «досуг.ру», где рекламируют себя... м-м-м... легкомысленные девчонки?

– Ну как... – нахмурилась Наташа, – не то чтобы. Есть, конечно, пара фотографий. Но я там в белом парике. И много фотошопа. Не узнать.

– Это хорошо. Значит, так, завтра пришлешь мне две свои свежие фотографии. Портрет и в полный рост, желательно в купальнике. Я их сдам в офис «Мисс Страны». А потом скажу, когда надо прийти на очный кастинг. Разумеется, это формальность – можешь считать, что ты и так в финале...

– Ничего себе... Даже не верится.

– И зря. Надо всегда верить в невозможное. А теперь пойдем-ка обратно в постель. Я уже, кажется, соскучился.

Всю ночь Наташа провела с Вертинским.

И следующую ночь – тоже.

На четвертый день Вертинский послал своего охранника в квартиру-бордель, чтобы тот забрал Наташины вещи.

Для нее сняли небольшую квартиру-студию на Но-

винском бульваре, выдали кредитную карточку с не то чтобы солидной, но вполне приятной суммой: на смузи в модном баре и маникюр в «Жак Дессанже» хватит. Привезли новый гардероб – элегантная дорогая одежда, в которой Наташа действительно стала похожа на модель.

Вертинский приезжал почти каждый вечер, как будто она была его женой. Наташа привыкла к нему и радовалась, не играя. Он был очень обаятельным и умным. Вскоре она перестала замечать и его лишний вес, и морщины. Даже готовить начала – получалось у нее неловко, но Вертинского это трогало. Так прошло несколько недель. И Наташа поверила, что ее любят. Ее, девочку, которую никто никогда не любил! Раньше ее страстно желали, ею любовались, с ней хотели провести пару сладких часов, ночь или даже целую неделю, для нее выбирали продуманные хорошие подарки, ей говорили комплименты. Но не любили. Никто и никогда. Она выросла молодой волчицей, боявшейся близости, путавшей чье-то желание близости с агрессией.

А теперь вдруг Наташа оттаяла. Даже выражение ее лица изменилось – исчезли из него жесткость, ожидание беды, недоверчивость. Женщину любовь расслабляет и украшает.

Вертинский часто говорил с ней о предстоящем

конкурсе. О том, как пойдет Наташе усыпанная бриллиантами корона.

Она и в это поверила – в то, что победит.

Черная полоса в ее жизни закончена, отныне ее ждут только светлые дни. Сначала – корона «Мисс Страны», потом, скорее всего, замужество с Вертинским. Почему бы и нет?

Наташа догадывалась, что она у Леопольда не одна. Ну и что? Ревнивой она вовсе не была. Вертинский же мужчина, а все мужчины, как известно, животные, так их и следует воспринимать, не обольщаться на их счет, а то жизнь однажды больно по носу щелкнет. Да, ему постоянно приходили эсэмэски от каких-то Татьян, Лилиан и Лерочек. Он смотрел на экран с улыбкой, что-то писал в ответ. Но ведь каждый вечер он приезжал именно к ней, к Наташе. Именно с ней он проводил ночи, именно в ее ухо влажно шептал нежности. Именно ей был готов подарить корону «Мисс Страны».

Впервые в жизни Наташа была по-настоящему счастлива.

Глава 5

Сандугаш окончила школу без троек, но и без медалей. Даже при подготовке к ЕГЭ особенно не надрылась. Она вообще к учебе была равнодушна. А та весна выдалась какая-то странная – словно в воздух впрыснули наркотик, от которого мир казался невозможно, ошеломляюще прекрасным. В пении соловьев Сандугаш чудилось нечто такое, чего прежде она не слышала, будто они с ней говорили, передавая какой-то зашифрованный код, который она могла бы разгадать, да не получалось. Река, земля, все цветы и деревья благоухали с такой неистовой силой, что Сандугаш впадала почти в опьянение от этих ароматов. Хотелось быть одной, уйти к Байкалу или в лес, хотелось бежать, бежать, бежать, а потом кружиться на одном месте, глядя в небо, и упасть в траву, раскинуть руки, и жадно пить пьянящий воздух, и обнять себя – тесно-тесно, и стиснуть бедра, ощущая, как что-то пульсирует в глубине тела. Хотелось, чтобы кто-то любимый, значительный, важный стиснул ее в объятиях, до боли, до хруста. Хотелось, чтобы наконец появился кто-то, на кого она могла бы излить всю накопившуюся в ней любовь – и отдать созревшее, жаждущее ласки тело.

Однажды Сандугаш приснился сон, в котором они с Белоглазым занимались любовью. И впервые в этом было не насилие, не боль, не страх, а наслаждение. Она понимала, что Белоглазый опасен, но любила его, так любила... Зарывалась пальцами в светлые волосы, притягивала его голову ближе к себе, прижималась губами к его тонким губам, впивалась поцелуем, и с поцелуем словно переливала в него свою любовь, свою душу!

Сон был прекрасен.

Но в реальности Сандугаш была мучительно одинока.

Бабушка жила в одном из «новых домов», которые вообще-то уже были старыми. Свою двухкомнатную квартиру она не очень любила и все еще жалела о снесенном родительском доме. Но Сандугаш нравилось у нее бывать. Тесновато, но как уютно! Много ковриков, сувениров, привезенных дедушкой из командировок. Проигрыватель и полка с пластинками.

Сандугаш обожала старые песни. И Анну Герман. Так теперь не пели уже, просто не умели – видимо, не рождалось больше таких певиц. Да и песен таких не писали, чтобы сердце из груди рвалось в ответ на нежное, чистое, как удар колокола: «Мы эхо! Мы эхо! Мы вечное эхо друг друга!»

Вот только такой должна быть любовь, только та-

кой...

К тому же дверь в дверь с бабушкой жили Волгины, чья старшая дочка, Рита, училась в одном классе с Сандугаш. Они не то чтобы дружили, но приятельствовали. Когда становилось скучно, с Ритой можно было пойти погулять или съездить в кино. Она была отличная девчонка, не такая тупая и помешанная на парнях, как другие. И не такая одержимая учебой, как школьные отличницы, только и бредившие поступлением в институт. Зато яркая, интересная, веселая. Сандугаш только чуть-чуть впустила ее в свой мирок – и оказалось, что от Риты идут свет и тепло, захотелось всю душу распахнуть ей навстречу. Сандугаш даже жалела обо всех тех годах, которые они потеряли, пока были просто приятельницами, а не подружками.

Рита больше всего любила шить. Обожала передачу «Модный приговор» и подобные иностранные, про чудесное перевоплощение с помощью одежды и прически, поэтому была в курсе всех модных веяний. С модными вещами в Выдрине и соседних селах было напряженно, все одевались на вещевом рынке, а там сплошные кривоватые творения китайских фабрик. Да и где деньги взять на настоящие модные вещи? Рита страдала от того, что не может выглядеть стильно, поэтому сама научилась шить и превращала

унылые китайские шмотки с рынка в настоящие произведения искусства. Когда она появлялась в обновках, Сандугаш знала: это наверняка ее собственное творение, надо похвалить. И хвалила кружевные мини-юбки, слишком яркие блузки, вечерние платья, в которых подруге некуда было пойти, и она ходила в кино или просто погулять...

– Рита, какая же ты красивая! – восхищалась Сандугаш.

Рита и правда была... ошеломляющая. И Сандугаш не могла не любоваться ею.

Рита вертелась, принимала вызывающие «модельные» позы, демонстрируя очередную обновку, и щелкала:

– Юбочка переделана из старой юбки и обшита тюлем! Полосочку кружева я купила в остатках, поэтому дешево, а сюда как раз хватило! Здорово, а? Посмотри, вот эта модель, я пыталась ее скопировать... – Она протянула журнал.

Сандугаш посмотрела – и правда, удалось скопировать!

– Рита, ты талантище. Вот тебе точно надо ехать куда-то учиться. Будешь модели придумывать и шить. Сколько людей ты сможешь сделать красивыми и счастливыми!

– Ой, да кому я нужна? Лучше стану хорошим пси-

хологом и буду помогать людям. Сейчас такая жизнь, что трудно не сойти с ума со всеми кризисами, войнами и безденежьем.

– Психологом? – удивилась Сандугаш.

– Да. Это хорошая работа. В городах жизнь нервная, психологов нужно ужасно много. А дизайнеров и так посмотри сколько. Мир сходит с ума, а я не хочу принимать в этом участие и не буду ни с кем конкурировать.

– Я тоже, – вздыхала Сандугаш. – Но все-таки мне кажется, что красивой одеждой тоже можно сделать человека счастливым.

– Говорю тебе, дизайнеров одежды пруд пруди, а психологи всем нужны. Ты телевизор почти не смотришь, только сериалы эти свои про любовь с вампирами и оборотнями, а я-то смотрю и знаю, что в жизни творится. Вампиров и оборотней как-то совсем не попадается. Дизайнеров до фига. А в городах стресс и у каждого психолог. И у каждого психолога полно пациентов. Они сейчас нужнее, чем ухо-горло-нос.

К экзаменам готовиться Сандугаш уходила к бабушке – близнецы мешали. И Рита, у которой были трое младших братьев-сестер, тоже повадилась к ней, в пустую тихую квартирку.

Рита, в отличие от Сандугаш, получила серебряную медаль и уехала в Улан-Удэ поступать в Гумани-

тарный университет. В августе вернулась: недобрала баллов. Решила, что будет год готовиться, а на будущий поступит. Устроиться на работу ей не удалось, но ее мама была женщиной активной и смогла найти для Риты заказы на шитье. И вот Рита полдня корпела над учебниками, а полдня строчила на машинке. Иногда даже ночью шить приходилось. Прикованная к машинке, она стала для Сандугаш лучшим слушателем, когда той понадобился конфидент. А уже через несколько месяцев Рита была для Сандугаш лучшей и ближайшей подругой. Первой за жизнь настоящей подругой. Потому что она все выслушивала, не осуждала и вообще относилась с пониманием, а если давала советы, то только практического свойства.

– Не хочет предохраняться? А ты хочешь залететь от женатого мужика и чтобы потом из тебя ребенка выковыривали? Не хочешь? Тогда сама презервативы купи и ему скажи: не наденешь резинку – ничего не получишь... Ох, ладно, я куплю тебе презервативы. Мне плевать, что обо мне подумают, а тебя жалко.

Вот какой замечательной подругой была Рита. За презервативами она ездила в соседний город, но все равно ж все всех знают. Рита была девственницей, а теперь все думали, что она с кем-то... Но ей было все равно.

– Сандугаш, я не дочка шамана, обо мне сплетни-

чать не интересно. Ну, будет моему парню сюрприз, что я целочка. А ты – не от мира сего, тебе на аборт нельзя. А что я думаю про Костю твоего, я тебе потом скажу. Когда ты его чуть меньше любишь будешь.

Сандугаш вздыхала. Забирала презервативы. Она испытывала одновременно жгучую благодарность к Рите за то, что та спасла ее от необходимости презервативы покупать, и жуткий стыд, и неприязнь – Рита осуждает Костю, ее любимого Костю! Но ведь понятно, со стороны-то все выглядит не очень красиво, никто же не знает, как оно изнутри, какая у них с Костей любовь.

Для Сандугаш – первая. И сразу настоящая. Для Кости – первая настоящая. Он сам так сказал. Что раньше было – все не то. Он искал настоящую любовь. И вот он ее встретил. То, что Костя – ровесник ее отцу, не важно. Так случилось, что он родился слишком рано. Или Сандугаш слишком поздно. Но главное – они все же встретились.

Нет, если быть совсем уж честной, встретила Сандугаш с Костей давно. Она его, собственно говоря, всю жизнь знала. Дядя Костя с ее отцом учился в одном классе, и они остались приятелями. Дружили вчетвером: Бата Доржиев, шаман, Константин Еремеев, автомеханик, Юрий Суслов, учитель физкультуры,

и Михаил Лобченков, бывший матрос, а ныне – сторож в продмаге. Иногда Бата Доржиев встречался со своими школьными «пацанами» совсем как обычный человек – рыбу ловили, шашлыки жарили. Правда, он не пил, да и другие в его обществе напиваться стеснялись. Но в остальном нормальные мужские посиделки – ржали, как кони, анекдоты рассказывали, байки всякие.

Константин и Юрий успели в Афганистане отслужить.

Юрий не любил об этом вспоминать, сколько пацаны в школе его ни выспрашивали про татуировки и про шрам на плече – впереди маленькая белая звездочка, сзади большая красная вмятина, – он отказывался говорить. Хотя мог бы наболтать всякого и в глазах у парней стать героем. Круто же! В Выдрине был обелиск памяти восьмерых погибших в Великую Отечественную, но в Афгане только двое служили, а больше ничего интересного для мальчишек не было. Но Юрий молчал.

Константин, наоборот, рассказать умел и любил. Он читающий был, в отличие от большинства местных. Правда, читал преимущественно детективы, но хотя бы слова сложить умел. Все планировал сам книжку написать, про свои афганские приключения, но руки не доходили. А рассказывал замечательно! Про душ-

манов, у которых имелась особая кожаная портупея, а в ней отдельный кармашек для двух последних пуль: одну – коню, другую – себе. Так традиция афганская велит. Поскольку коней у душманов не было, предпоследнюю пулю полагалось отдать врагу, а последнюю – себе.

Как душманы головы отрезали и складывали из них пирамиды, прямо как на той картине в учебнике... Да, да, «Апофеоз войны». Он как увидел в первый раз, чуть не обделался от ужаса. Но обделаться – это ничего, это бывает. Тело иногда предает, лишь бы дух был сильным. Иногда и победитель после боя выясняет, что в процессе обделался. Ну и что? Главное – дрался, как зверь, себя не помня и не чувствуя, что с телом творится.

Рассказывал про перестрелки в горах и показывал, как быстро надо вскакивать и нырять в укрытие. Показывал, как их обучали вскочить с колен одним прыжком, даже если руки сзади связаны. У него до сих пор это получалось. Прыжок – и он на ногах. Прыжок, взмах ногой – и враг повержен!

Сандугаш всегда им любовалась. Красивый он был. Мягкие, светло-русые с золотом волосы, веселые карие глаза с золотистыми искорками, и кожа загорала тоже как-то золотисто, а не просто темнела, как у других. Юношескую поджарость, почти изящество, литое,

мускулистое тело он сохранил и после сорока.

Сандугаш обожала дядю Костю, восхищалась им, как живым героем из боевика, но не была влюблена. Он был с детства знакомый, почти обыденный, а от любви она ждала чего-то необыкновенного. И уж точно тот, в кого она влюбится, будет не из здешних, не из знакомых. Он приедет издалека. Почему-то лучше всего Сандугаш представляла себе руки будущего возлюбленного: сильные, но тонкие, с изящными пальцами, руки пианиста, руки без мозолей, без загара.

У Кости были руки рабочего. Мозолистые, с въевшейся, невымывающейся чернотой.

Но это не имело никакого значения, когда Сандугаш осознала, что любит его.

Случилось все как-то очень банально: она выходила из магазина с тяжелыми сумками, он собирался в магазин войти, но передумал. Перехватил ее сумки:

– Давай помогу донести.

– Да я сама, дядь Кость...

– Девушкам тяжести таскать вредно. Особенно красивым девушкам.

Он не в первый раз сказал, что она красивая. Да Сандугаш и так знала, но взгляд, которым он сейчас смотрел на нее... Это был совсем не прежний ве-

сельный и доброжелательный дяди-Костин взгляд. Это был жадный, восхищенный, жаждущий взгляд мужчины. Никто так на нее не смотрел! Только Белоглазый во сне. Но там все было иное, страшное, а здесь – солнечное и радостное.

– Что-то ты бледная, Сандугаш. Слишком много училась, да? Давай-ка я сумки твоим родителям заброшу и повезу тебя кататься на лодке. В детстве ты любила, а я давно тебя не катал. У меня сегодня свободный день. Покажу тебе такую красивейшую заводь с кувшинками! Тьма синих стрекоз. Как в сказке.

Сандугаш радостно согласилась. Отца дома не было. А мама хоть и удивилась, что Константин взялся развлекать ее дочь, но особого внимания на это не обратила. Не подумала даже о том, что в Выдрино он первым бабником слывет, что от трех бывших жен у него семеро детей, а от четвертой, теперешней жены, Марины, трехлетняя девочка. Что если бы в Выдрино существовало понятие «репутация», у Константина Еремеева она была бы в высшей степени скверной.

Сандугаш в голубом сарафане и косынке от солнца сидела на корме, а Константин греб. Он скинул рубашку. Она смотрела, как напрягаются и опадают мускулы на его руках и груди. Это было красиво. Все в тот день было красиво. И заводь с кувшинками и стрекозами. И

то, как он выдернул одну кувшинку и снял с Сандугаш косынку, чтобы вплести ей в волосы цветок. И то, как он смотрел на Сандугаш, чуть прищурившись, и глаза у него казались непроглядно темными, а ресницы, выгоревшие на солнце, слегка золотились.

В тот, первый, день он ее даже не поцеловал. Только провел пальцем по плечу, словно поправляя сползшую лямку сарафана. И это прикосновение было как ожог.

Ночь Сандугаш провела почти без сна. Думала. Осознавала. И к утру поняла, что влюблена в него. Что всегда была влюблена в него, просто не понимала... Она потому так сильно чувствовала переполняющую ее нерастраченную любовь, что эта любовь была уже обращена к совершенно определенному человеку, у любви был избранник, просто Сандугаш его не видела! А солнце осветило его – и вдруг стало все ясно.

Ясно, но сложно. Приятель отца. Женатый.

«Может, на самом деле он-то ничего ко мне и не чувствует?»

Она решила проверить. Промаявшись день, вечером пошла к автомастерской. Так, словно гуляет. Словно ничем не занята. Только надела самое лучшее свое платье – белое, с кружевами, которое ей для выпускного купили. В нем Сандугаш чувствовала себя

женщиной из другого мира, из телесериала со страстями, из роскошного особняка, где мужчины в смокингах пьют шампанское, преступления совершаются из-за миллиардного наследства и у всех страшные тайны... Пострашнее, чем быть влюбленной в друга отца, к тому же женатого.

Костя показался в семь. Подошел к ней со счастливой улыбкой, так, словно знал, что она придет, но при этом ее приход все равно стал для него драгоценным подарком.

– Сандугаш... Какая же ты...

– Костя... Я тут просто... – Она не знала, что сказать.

– Пойдем отсюда, а? Людно тут. Я знаю, где мы спокойно можем посидеть и поговорить.

Сандугаш немного боялась, что Костя прямо сейчас поведет ее куда-то, где будет кровать и ей придется сделать то, что все любящие женщины делают для мужчин. Но он отвел ее к лодочной пристани, посадил в лодку, долго греб вдоль берега Байкала, пока не нашел удобное место, чтобы причалить. Костя спрыгнул в воду, Сандугаш хотела последовать за ним, но он буркнул: «Сиди!» – и с ней вместе вытащил лодку на камни. Потом они шли, взявшись за руки, по берегу вверх, пока Костя не вывел Сандугаш на поляну: будто комнатка, на полу мягкий ковер с мелкими цветоч-

ками, деревья и кусты – стенами, а потолок – бледно-голубое небо. Говорили о чем-то неважном, необязательном, Сандугаш потом и вспомнить не могла, о чем именно, зато помнила, как заново открывалось ей все в Косте: его голос, движения, запах. И ощущение своего тела как нового: коленок, локтей, тяжести волос на спине.

– Твой отец никогда мне не простит...

– Чего не простит?

– Того, что я влюбился в тебя. Но я не мог не влюбиться. Ты здесь как инопланетянка. Все бабы, а ты... чудесное явление.

– А Марина?

– Она баба. Я мужик, мне нужна баба. Но я только сейчас понимаю, что это такое, когда настоящее... Другие в семнадцать, а я в сорок девять... В семнадцатилетнюю, – с горечью сказал Костя.

– Мне почти восемнадцать.

– Да не в этом дело. Ты мне в дочери годишься. Не порядок это.

– А мне все равно. Мне кажется, я всегда знала, но только сейчас поняла... что люблю тебя.

– И мне кажется, что я всегда знал, что ты меня любишь. И что ты – для меня. Иди сюда...

Сандугаш подумала, что вот сейчас все и случится. Она знала, в первый раз бывает очень больно, но

надо перетерпеть. И готовилась перетерпеть. Костя снял ее белое платье, маленькие белые трусики, но не лег на нее, а принялся ее гладить. Просто водил по ее телу, по рукам, по ногам жесткими, шершавыми, горячими руками. И солнце грело Сандугаш, а когда она закрыла глаза, ей показалось – они ласкают ее вдвоем, Костя и солнце. Он накрыл рукой темный мысок между ее ногами, чуть надавил ладонью – она ахнула от остроты пронзившего ее наслаждения.

– Вот и роса у тебя появилась, женская, – с удовольствием сказал Костя и начал мягко, ритмично нажимать, так, что Сандугаш выгнулась дугой, руку закусил, чтобы не закричать.

Потом он лег на нее. И она почувствовала сквозь ткань его брюк жесткий, напряженный корень... «Мужской корень» – так называли в их местах то, для чего другие слова были медицинские или грубые. Но медицинские и грубые не подходили совсем. А «корень» – чудесное, правильное слово, Сандугаш только сейчас поняла. Корень. Корень жизни. Костя прорастет в Сандугаш своим корнем...

Он долго целовал ее губы, шею, маленькую грудь. Он распалил ее, а потом вскочил, отбежал за деревья и с шумом обрушился в воду. Пока он плавал, Сандугаш пришла в себя и оделась.

Возвращались молча.

Помогая Сандугаш выбраться из лодки, Костя сказал:

– Если готова по-настоящему, завтра вечером приходи. Пойдем на квартиру к другу. Он уехал на заработки, а мамаша его в больницу легла. Пусто там, у меня ключи есть. Но подумай сначала.

– Не о чем мне думать.

– Есть о чем. Подумай. Не хочу, чтобы ты потом говорила, что я неопытностью твоей и молодой дурацкой воспользовался.

– Я не скажу. Что ты, Костя?.. Я не скажу.

– Хорошо. Тогда завтра.

– А сегодня?

– Так понравилось? Так хочется? – рассмеялся он.

Сандугаш покраснела.

– Хочу быть с тобой. По-настоящему. Хочу любить тебя. И не хочу ждать до завтра.

Квартира друга находилась в одном из «новых домов», за дом до бабушкиного. В квартире было пыльно, пахло кошками и корвалолом. Источник первого запаха вышел, мурлыча, в прихожую, потерял о ноги Кости.

– Сейчас уберу за ним и накормлю. А ты пока... Ну, осваивайся.

Он ушел в одну комнату двушки, а Сандугаш пошла в другую. Стояла у окна, смотрела вниз, во двор.

Ей было страшно и весело, и она была невыносимо, отчаянно счастлива. Пусть это все не было красиво, пусть не так, как у Эдварда с Беллой, и никаких свечей на полу, и никакого купания в водопаде, и вообще ничего такого, что бывает в кино... Но это было настоящее, и чувство новизны захватило ее полностью, ей даже казалось – все в ее теле стало новым теперь, когда она дала свободу своей любви, осознала и признала ее.

Костя осторожно тронул Сандугаш за плечо. Она повернулась к нему с улыбкой. И они целовались, целовались, целовались и продолжали целоваться, когда упали на кровать, которую Костя уже застелил свежим бельем. От поцелуев он отвлекся на то, чтобы выгнать в коридор кота, проявлявшего избыточное любопытство. А потом он разделся и стоял перед ней на коленях, целуя и тепло дыша в самое уязвимое местечко, и затем в постели обцеловал каждую выступающую косточку, приговаривая: «Тоненькая, какая же ты тоненькая, девчоночка!» И Сандугаш уже дожидаться не могла – когда же, когда же будет то, чего она так боялась и ждала?.. И это случилось, и это было больно, и это было радостно и немножко стыдно. Но очень важно и нужно: так она почувствовала себя по-настоящему принадлежащей Косте. Его женщиной.

Обидно только было, что он не пошел ее прово-

жать.

– У тебя губы припухли. Видно же, что целовалась.

Пусть отец пока думает, что с мальчишкой каким-то.

– Ты так его боишься?

– Я боюсь его обидеть.

О том, не боится ли он обидеть жену, Сандугаш спрашивать не стала.

Толстую глупую Марину Петровскую с крашенными в желтый цвет волосами Сандугаш помнила еще старшекласницей, смешливой любительницей школьных дискотек, законченной троечницей. Она казалась настолько случайной женщиной в жизни Кости! Женаты они... Ну и что? Это не имеет значения. Он три раза разводился. Все остальные тоже были случайными. А настоящее... оно чувствуется.

Настоящее – это то, что у Кости с Сандугаш.

Их любовь была как пожар. Падение друг в друга, как в пропасть. Полное забвение всего на свете, кроме любви. Свидания почти каждый вечер.

Сандугаш врала, что идет к Рите. Да, они подружились за последнее время, и мать только радовалась, что у дочери наконец появилась подруга.

Врал ли Костя жене, Сандугаш не знала и знать не хотела.

Они с порога начинали целоваться. Потом Костя

все же отвлекался: покормить кота. Кошек он любил. И как бы ни был охвачен страстью, не мог забыть поменять коту воду и насыпать свежую порцию корма. Сандугаш это умиляло. Костя, сильный, смелый, красивый Костя был еще и нежен, жалел кота! Сухой корм ему покупал за свои деньги, потому что хозяйка, конечно же, ничего не оставила, когда ее увозили на «скорой».

Но как потом он рвал одежду с себя и с Сандугаш, как впивался поцелуями в ее тело, в первое, что попадет под губы – в шею, в плечо, в грудь... Ей по-прежнему было немножко больно, когда он входил в нее, но Сандугаш полюбила эту боль. А иногда он ласкал ее, как тогда в лесу, и она даже кричала от наслаждения.

Вот только ночи они не проводили вместе.

– Ты должна возвращаться домой.

– Я хочу сказать отцу. Перестать прятаться. Пусть он знает. Я уже взрослая. И у нас все очень серьезно.

– Да. Но я хочу сначала развестись с Маринкой. Чтобы тебе было, куда уйти. Ко мне. Потому что может возникнуть такая ситуация, что тебе надо будет уйти.

Сандугаш соглашалась и дома молчала.

Она не хотела думать о том, куда уйдут Марина с дочкой, чтобы у Кости появилось место, где он примет Сандугаш. Но думать все же приходилось. Костя жил

в доме, построенном еще его прадедом. Родители рано умерли, но дом всегда содержался в порядке, своевременно подновлялся и сейчас был крепкий, удобный. Сандугаш вполне представляла себе, как счастливы они могут быть в этом доме. Вдвоем, а потом с детьми...

Костя никак не мог позволить себе оставить родительский дом жене и вить новое гнездо на новом месте. Значит, он отправит Марину к ее родителям? Но у Петровских и так полон дом детей. Религиозные они были, рожали, сколько бог давал. Одиннадцать человек нарожали. Говорили, что бывало время, когда их дети с голодухи обдирали обои и жевали, ведь на обоях клей из муки... Младшие Петровские ходили в жутких обносках. А старшие все девки, и всех родители очень старались выдать замуж. Марину выдали, как только она, как говорили, «залетела» от Кости. Ей тогда восемнадцать только исполнилось. Не настолько уж она старше Сандугаш, но выглядит, как тетка. А что, если она не уйдет, просто потому что уходить ей некуда? Но не может же она не уйти, если Костя с ней дальше жить не захочет!

Неприятные это были размышления. В конце концов, Сандугаш их отгоняла и принималась мечтать о том, как они с Костей будут вместе жить. Ничего сказочного, ничего из кино, но настоящая любовь да-

же обыденность превращает в непрерывное счастье. Она в это верила.

Мысленно Сандугаш многократно репетировала разговор с отцом. По совету Риты, много интересного почерпнувшей из учебников по психологии, Сандугаш ставила перед собой стул и представляла, что это ее отец.

– Кричи на него! Выскажи ему все, что думаешь! Самыми плохими словами! Давай же! – подзуживала Рита.

Но у Сандугаш не было плохих слов для отца.

– Я люблю Костю. Только с ним я могу быть счастливой. Я уже взрослая, имею право выбирать свой путь.

Рита посоветовала ей сделать татуировку.

– Когда меняешь что-то в своем теле, ты меняешься сама как личность. Татуировка – это больше, чем рисунок. Это новая черта облика. Можно сначала изменить тело, а потом духовно подтянуться к этому изменению.

Тату-салон был в соседнем городке. Держал его бывший заключенный – купил себе машинку и снял в поликлинике одну из смотровых, узенькую комнатку с кушеткой. Он гордился, что у него все стерильно, а для каждого посетителя на кушетку стелется свежая простыня. Татуировки он делал не слишком сложные

и только в один цвет. Сандугаш долго думала, что она себе выбьет. Хотела сначала надпись, как у Анджелины Джоли: «A prayer for the wild at heart kept in cages». В журнале она прочла, что это переводится как «Молюсь за диких сердцем, заключенных в клетке». Ей очень понравилось. Но длинная надпись – долго, дорого и больно.

– Символ свободы. Что-нибудь крылатое. Бабочку? – предложил татуировщик.

– Бррр. Не люблю я их. Особенно жирных белых ночных мотыльков...

– А стрекозу?

Сандугаш задумалась. Синие стрекозы вились над кувшинками в тот первый день, когда Костя понял, что любит ее, а она любит Костю...

– Птицу? Ласточку? – продолжал спрашивать татуировщик.

Птицу...

Птицу!

Соловья!

Соловей из ее сна, он всегда делал Сандугаш счастливой. Так пусть он останется с ней насовсем.

– Соловья. Летящего.

– Я не знаю, как они выглядят. Принеси картинку.

Сандугаш, мучаясь угрызениями совести, вырвала картинку из библиотечной книги «Птицы Бурятии»

и принесла татуировщику. Он сделал набросок. Очень приблизительно получилось. Маленькая птичка. Даже непонятно, что соловей.

Но она будет знать, что это соловей. Ей этого хватит.

Место для татуировки Сандугаш выбрала на левом боку, на ребрах. Это место редко кто видит. Только любовник. Или во время купания. Родители заметят не скоро. А Костя... Костя поймет. Должен понять. Он понимает ее во всем!

Но Костя не понял.

– Зачем ты испортила себе кожу, Сандугаш? У тебя такая кожа! Зачем ты?..

– Мне было нужно. Это символ свободы. Он поможет мне измениться внутренне так, как я изменилась внешне.

– Ох. Символ свободы... Говорят, теперь татуировки можно вывести?

– Можно. Но я не буду.

Татуировка болела, потом чесалась. Но наконец все неприятные проявления прекратились, и соловей стал частью тела Сандугаш. Как будто большое, странной формы родимое пятно.

А однажды Костя, обцеловывая ее всю, поцеловал и соловья. И это было словно бы окончательное принятие... Когда он это сделал, Сандугаш поняла, что

готова к разговору с отцом.

– Не говори с ним, пока у меня не будет возможности куда-то тебя забрать.

– Не буду. Но я готова. Это для меня важно.

Валентина Петровна, мать Костиного друга, вернулась в свою квартиру и к своему коту, но чувствовала себя плохо, поэтому Костя регулярно покупал ей продукты и лекарства, иногда помогал с уборкой. Валентина Петровна считала себя обязанной Косте, так что любовное гнездышко переносить не пришлось. Они так и встречались в этой квартире. Валентина Петровна, конечно, полюбопытствовала, кого Костя к себе водит, и изумилась, увидев красивую дочку шамана, но болтать об этом не стала. То ли из хорошего отношения к Косте, то ли из страха перед шаманом. Костины измены, кажется, для всех вокруг были в порядке вещей. Он умел очаровывать женщин всех возрастов, и все они прощали ему избыточную любвеобильность.

Сандугаш и Костя были любовниками уже семь месяцев, когда им представилась возможность наконец-то пожить вместе, не разлучаясь даже на ночь. Марина уехала на месяц в Улан-Удэ, к младшей сестре, которая год назад вышла замуж, а сейчас родила ребенка. Роды были трудные, ей требовались уход и

помощь по хозяйству. Дочку Марина оставила у своих родителей. Дом был свободен. И Костя больше не находил причин, почему бы Сандугаш не рассказать отцу правду об их отношениях.

По Костиному лицу она видела, что ему очень не хочется... Он бы предпочел, чтобы все и дальше оставалось так же: они бы встречались вечерами в той самой квартирке, где все началось, и расходились по домам. Но Сандугаш хотела, чтобы ее любовь получила признание. Хотела вывести любовь из тени на солнце. Хотела почувствовать себя женой. Засыпать и просыпаться рядом с ним. Ей это казалось важным.

Для признания она выбрала семейный ужин. Дождалась, пока мама покормит близнецов и наконец сможет уделить внимание дочери.

– Я хочу сказать кое-что важное, – начала Сандугаш. – Я люблю одного человека. И мы хотим быть вместе. Он тоже меня любит. Мы поженимся, как только он разведется. Но я хочу, чтобы вы уже сейчас знали, что мы любим друг друга. И я могла бы пожить у него. И уходить к нему безо всякого вранья, чтобы вы знали...

Она запуталась в словах, не знала, что дальше говорить, подняла глаза на отца, на мать.

Отец смотрел в чашку с чаем. Мать смотрела на отца.

– Я правда люблю его. Это очень серьезно.

– И кто же он? – ровно спросил отец.

– Это Костя. Ну... дядя Костя. Я знаю, что у нас огромная разница в возрасте, но мы действительно любим друг друга! Я взрослый человек. Я имею право на свободу.

Отец молча встал из-за стола, хотел выйти из кухни, но Сандугаш опередила его, выпорхнула перед ним, как перепелка, защищающая птенцов от охотника:

– Не смей! Не смей ничего с ним сделать! Я не прощу! Я умру, если с ним что-то случится! Утоплюсь!

– Я не буду с ним ничего делать. Он сам все делает. И с собой, и с тобой. Тебя мне жалко, ты глупая девочка. Но раз ты такой взрослый человек и имеешь право на свободу, наслаждайся свободой. Уходи к нему, если хочешь. Я тебе одно запрещаю: аборт делать. В нашем роду этого не было и не должно быть. А после того, что я сделал, чтобы родились твои братья... Убийство ребенка будет иметь страшные последствия. Один из них, – отец кивнул в сторону близнецов, увлеченно мутузивших друг друга, – точно умрет, если ты сделаешь аборт. Так что ребенка, если что, принесишь мне. А сама – как хочешь. Если даже утопишься – это твой выбор.

– Мы предохраняемся, – пристыженно прошептала Сандугаш.

Отец кивнул, обошел ее и поднялся по лестнице наверх. Включил телевизор.

Мать, подхватив близнецов, кинулась следом.

Сандугаш осталась стоять посреди кухни. Она ждала другого – ссоры, проклятий... В общем, бурного проявления эмоций, чего у них в семье прежде не случалось, но сейчас должно было случиться, ведь раньше не было такого серьезного повода! Но отец... Получается, просто отпустил ее? К Косте? И она может уйти прямо сейчас?

Почему-то прямо сейчас у Сандугаш не было сил уйти. Она поднялась в свою комнату, легла и тут же заснула. Ей приснился Белоглазый. Он снова был волком. Сомкнул челюсти на ее запястье, держал крепко, но не больно, не прокусил даже кожу. При этом вырваться было невозможно, и Сандугаш шла за ним через голый весенний лес, зная, что в конце прогулки Белоглазый ее убьет.

Проснувшись, Сандугаш вдруг поняла, что с тех пор, как они с Костей стали любовниками, она перестала видеть свои страшные и странные сны. Она больше не видела Белоглазого. Не видела убийств. Сны ее были или про Костю, или... или она даже вспомнить их не могла.

Что ж, значит, отец прав: она стала женщиной, и все кончилось.

– Да и не жалко! – сказала вслух Сандугаш.

На самом деле было жалко. Мучительно, до боли, до слез жалко, что она больше никогда не почувствует присутствие Соловья... Сандугаш вздохнула и погладила татуировку на ребрах. Она сделала свой выбор. И теперь должна идти дальше.

На следующий день Сандугаш ушла к Косте.

Хотя раньше она не жила в деревенском доме с сортиром на улице, с душем в пристройке и ей не приходилось готовить на плите, которую топили дровами, все эти трудности казались даже и не трудностями, а яркими штрихами реальности, новой реальности, в которой они с Костей были вместе и счастливы. Как же они были счастливы! Несмотря на то, что все соседи относились к ним с осуждением. Несмотря на то, что мать Марины прибегала к дверям и выкрикивала отвратительные бранные слова. Это тоже были штрихи реальности, и от всех неприятностей только ощущаемее становилось, как сильно Сандугаш любит Костю, насколько полностью и всеобъемлюще она готова отдать ему себя, все ради него вытерпеть...

Но за день до возвращения Марины он привел домой дочку, Юлечку.

Стараясь не встречаться с Сандугаш взглядом, сказал:

– Марина завтра вернется. Нам с ней надо расстаться по-человечески. Она плохого мне ничего не сделала. Просто не люблю я ее.

– Мне пока надо уйти?

– Да. Прости... Ты же простишь меня? Ты придешь ко мне снова? Туда? К Валентине Петровне?

– Приду, – сказала Сандугаш, чувствуя, что не может сдержать слезы обиды. – Но ты уж решай как-то побыстрее.

– Обещаю, малыш. Я решу все как можно быстрее. Костя торопливо поцеловал Сандугаш.

Юлечка смотрела на них заворуженно. А потом улыбнулась и сказала:

– Тетя красивая. Как в сказке.

Сандугаш дернулась из объятий Кости, схватила рюкзак со своими вещами и выбежала. Догонять ее Костя не стал.

Домой Сандугаш вернуться смогла не сразу. Сначала перебралась к бабушке. Та причитала, конечно, ругала Костю, пыталась «по душам» поговорить, но и в этом разговоре продолжала Костю оскорблять, а Сандугаш жалеть, как будто она дитя несмышленное, глупенькая Красная Шапочка, и ее Серый Волк в лес заманил и плохое с ней сделал. Сандугаш затыкала уши и тупо смотрела в чашку с чаем. Бабушка умолкла и с горестным видом подсовывала внучке пирожки.

Пирожки она пекла чудесные, особенно любила Сандугаш те, которые с луком и печенью, и те, которые с рыбой и рисом. Объедение, а не пирожки. Но есть не хотелось. Ничего не хотелось. Ей было плохо. После того как она жила с Костей, засыпала с ним каждый вечер, провожала его на работу, встречала с работы, когда они были как муж и жена, потерять все это было мучительно. Ей казалось, она поняла, что такое ломка. Ее даже знобило от тоски.

На первое же намеченное свидание летела, словно спасение ее жизни зависело от того, как скоро она увидит Костю и получит от него доказательство, что вся их любовь – не ее выдумка. Его ласковый взгляд, чуть насмешливая улыбка, будто он сам своих чувств стеснялся, его прикосновения, стук его сердца – все это говорило о любви, а Сандугаш так нуждалась сейчас в том, чтобы он признал их любовь как реальность! После всего, что ей говорили бабушка, Ритка, отец. Ей необходимо было заглянуть в его глаза, прижаться к его груди и снова ощутить себя воздушным шариком, летающим от счастья...

Но так, как раньше, почему-то уже не получилось. Да, Костя по-прежнему, едва они входили в комнату, принимался раздевать ее и покрывать поцелуями, и секс был такой же страстный, но что-то изменилось. Костя и всегда-то был не слишком разговорчив, а те-

перь его молчание висело между ними тяжело, плотно, непрошибаемо.

– Что с тобой?

– А что со мной?

– Ты какой-то не такой...

– Просто устал, малыш. Ты меня оживила, но сейчас усталость навалилась снова. Мне же не восемнадцать лет. К сожалению.

Она бросалась целовать его, он отвечал с пылом, вполне даже юношеским. Но все же что-то исчезло. Какая-то теплота, которая установилась между ними. Восторженность, с которой Костя смотрел на Сандугаш. Теперь он просто смотрел... Сандугаш говорила себе, что это ничего, это нормально, проходит первый период влюбленности, чувства становятся ровнее, но и крепче тоже. Однако не радовала ее эта ровность чувств.

Собравшись с духом, Сандугаш вернулась жить к родителям. Ходила на свидания из родного дома. Но однажды вечером, когда она уже совсем было собралась бежать к Косте, отец ее задержал:

– Подожди. Мне с тобой поговорить надо.

Сандугаш не могла ослушаться. Покорно пошла за отцом на улицу. Там он сел на крыльцо и ей указал на место рядом с собой: сядь. Она села. Почему-то

сразу нервничать начала, хотя улыбка отца казалась безмятежной. Но у нее с детства был встроенный радар беды. Вот и сейчас – холодок в солнечном сплетении, сжавшееся горло.

Вечер был теплым – небо высокое и еще светлое, птицы поют. Безмятежность.

– Меня тут спрашивали о тебе, Сандугаш, – заговорил отец. – Ты ведь слышала такую фамилию – Коновалов?

– Так это тот чиновник, которого ты лечил, – удивилась она. – Тот, который нам продукты прислал. Откуда он меня-то знать может?

– А вот знает, – улыбнулся отец. – Видел тебя. Удивился, что у нас такая красавица живет. Заинтересовался очень.

– Отец! – Сандугаш даже на лавке подпрыгнула. – Что ты говоришь такое, ему же сто лет в обед!

– Глупая, да не для себя! Сын у него есть. Двадцать шесть ему. Хороший парень, избалованный только. Вот смотри. – Он извлек из внутреннего кармана старого пиджака фотокарточку и протянул Сандугаш.

С портрета улыбался крепкий широкоплечий блондин с наглыми глазами. Отлично сидящие джинсы, на заднем плане – блестящая «Тойота». От него веяло мещанской сытостью и предсказуемым безмятежным будущим. Видимо, он считался завидным женихом и

давно к тому привык – это сразу считывалось по выражению его лица. Избалован, зациклен на себе.

– Петр Коновалов, – представил его отец с таким пафосом, как будто бы этот Петр находился рядом во плоти. – Учился в Москве, в МГУ. Потом вернулся, будет работать по линии отца. И правильно, тут у мальчишки все схвачено. Квартира большая в Иркутске, плюс дом трехэтажный в наших краях. Вот сейчас решил, что жениться хочет. И отец его считает, что ты отлично подошла бы.

– Пап, ну смешно. Он меня мельком видел и уже так считает?

– У таких, как Коновалов, взгляд наметан. Чиновник иногда может быть даже более проницательным, чем шаман... В общем, договорились мы, что во вторник ты вместе с Петром поужинаешь. Он тебя в ресторан хороший приглашает. Посмотришь на него – а вдруг? Это очень хорошая партия, я надеюсь, приглянется тебе пацан.

– Паааап! – Сандугаш даже душно стало. – Не хочу я! Прости, не пойду. Извинись перед Коноваловым. Скажи, что сердце мое занято или что-нибудь в этом роде.

– Сандугаш, – в голосе отца появились металлические нотки, – я не прошу тебя ни о чем неприличном. Просто ужин. Неуважительно отказываться. Он ниче-

го плохого тебе не предложил... А вдруг Петр тебе понравится? Ты уже взрослая совсем. Никак к этому не привыкну, но это так.

– Папа... Но у меня же Костя. И у нас все серьезно.

Отец на несколько мгновений превратился в каменное изваяние. Резко выдохнул.

– Насколько я знаю, ты у него пожила, а потом он вернулся к прежней жизни. Жена и дочка снова при нем, а ты на свидания к нему бегаешь.

– Это временно. Он разведется, и мы поженимся.

– Что ж. Передай ему, что если его намерения серьезные, пусть приходит ко мне поговорить об этом. И не бойся, я ничего ему не сделаю. Просто передай, что я жду от него подтверждения серьезности его намерений в отношении тебя, Сандугаш. Иначе я буду считать себя оскорбленным, а его – негодяем и лжецом, совратившим мою дочь. Это можешь не передавать, если хочешь. Это – чтобы ты понимала.

– Я... передам. Ты хочешь, чтобы я... чтобы я за этого Коновалова замуж вышла?

– Он вполне подходит. Обидеть тебя он не осмелится. И да, я хочу, чтобы ты вышла замуж. Ты созрела. Стала женщиной. Мечешься, ищешь любви, хочешь вить гнездо. Но ты не там любовь ищешь и плохое место для гнезда наметила. Птицы умнее людей, на пепелище гнездо не вьют.

– Папа, Костя не виноват, что я так поздно родилась, что мы так поздно с ним встретились! Да, у него были другие женщины, но это не было любовью, папа, я хочу, чтобы ты тоже понимал. Это и для него первое серьезное чувство.

– Ты передай ему, что я его жду. Для серьезного разговора. Раз у него к тебе серьезное чувство.

– Хорошо, папа.

– Всё, иди.

Сандугаш казалось, теперь все будет хорошо. Отец готов принять Костю. Обещал ничего плохого не делать, если Костя подтвердит серьезность своих намерений. А его намерения были серьезны, они же собирались пожениться, как только он разведется! Возможно, снисходительное отношение отца и его готовность к диалогу подтолкнут Костю побыстрее развестись с Мариной. Костя же хочет помириться с отцом, и чтобы четверо старых друзей снова встречались на берегу Байкала, как будто ничего и не случилось! Для этого Косте достаточно заверить ее отца в серьезности своих намерений.

Однако Костя не обрадовался. Напротив – сначала разозлился, потом сник.

– Да что с тобой? Я не понимаю, ты разве на самом деле не хочешь жениться на мне? Отец же готов пого-

ворить с тобой. Он волнуется о моем будущем, нашел мне какого-то жениха богатого...

– Вот и соглашайся идти за этого богатого.

– Да как ты можешь?! Костя, Костенька, мы же с тобой... Я без тебя не могу! Мы же любим друг друга, мы собирались вместе на всю оставшуюся жизнь, разве не так?

– На всю оставшуюся жизнь, может, и получится. Но это будет недолго. И не так, как мне бы хотелось. И в любом случае – тебя в это я мешать не буду.

– О чем ты говоришь? Я не понимаю...

Константин наконец решился посмотреть ей в глаза. Обнял, притянул к себе.

– Сандугаш, девочка. Я болен. Узнал совсем недавно. Никогда не болел, к врачам не ходил... Ну, и вдруг появилась проблемка. Пришлось сходить. И оказалось – все серьезно. Серьезнее некуда. У меня рак. Рак простаты. Как будто кто-то решил посмеяться и наказать за то, что блудил много... И именно сейчас. Когда у меня – ты...

Костя судорожно втянул воздух и подавил всхлип.

– Рак лечат! – выпалила Сандугаш. – С раком живут много лет!

Ей жизненно необходимо было заслониться хоть чем-то от этого страшного удара, хоть каким-то словом отбить его...

– Котенок, у меня вторая стадия. Но какая-то паршивая вторая стадия. Прогрессирует быстро. Если не лечиться, я проживу полгода, плюс-минус. Месяца два придется на умирание. Я буду орать от боли и гадить под себя. Перестану быть собой. И не хочу, чтобы ты это видела. Ты не будешь при мне сиделкой. Ты запомнишь меня мужиком, который мог тебя на руки подхватить и нести, и зацеловать в хлам. Мужиком, сильным, здоровым, а не орущим от боли, потерявшим человеческий облик. Поэтому мы расстанемся. Сейчас. Пока еще все так... так красиво.

– Нет. Нет, нет, – бормотала Сандугаш, отгоняя от себя ужасные слова, кошмарные видения. – Нет...

– К сожалению, да.

– Нет. Я не уйду. Буду с тобой до конца.

– Нет. Я тебе запрещаю. Сиделкой при мне ты не будешь. Для меня это станет унижением и мукой. Не хочу.

– Пойдем к отцу, он тебе поможет... Он не такой злой, чтобы теперь не помочь.

– Бата не злой, он бы помог. Но он не берется за онкологию. Говорит, это сгустки мертвой силы, и он всю силу потеряет, если будет с ними бороться. А они только быстрее больного сожрут, если их разозлить.

– Ты сказал, если не лечиться...

– Я не хочу лечиться. Лечение – это выbleвать же-

лудок, облысеть, покрыться язвами и продлить свою жизнь всего на несколько месяцев. И начинать все эти удовольствия надо уже сейчас. Альтернатива есть, но не для меня.

– Альтернатива?

– Есть щадящее и более действенное лечение. Но для этого нужны очень большие деньги. Надо ехать в Европу. Врач мне все расписал... Только у меня таких денег нет.

– А сколько нужно? Миллион?

– Да около того, – усмехнулся Костя. – А что, у тебя в кошке-копилке есть миллион, и ты готова мне его отдать?

– Я тебе готова все отдать. А миллион будет, – твердо сказала Сандугаш, вылезая из постели.

Ждать было нельзя. Надо бежать к Ритке. Когда там начинается этот конкурс, «Мисс Страна»? Может, она уже опоздала?

– Стой! Куда? Ты что, решила, что ли, за миллион для меня трахнуть с этим богачом, которому тебя папаша подсовывает?

– Нет. Но мне надо кое-что сделать... И побыстрее... – Сандугаш рывками оделась. Обернувшись в дверях, сказала: – Я очень, очень, очень тебя люблю.

– Странная ты. Глупостей только не делай, ладно? – вяло отозвался Костя.

Как же радовалась Сандугаш тому, что у нее есть Рита! Что есть в мире настоящая крепкая дружба, которая не знает слова «нет»!

– Страшно мне, Ритуль. Конкурировать придется, наверное, с сотней девушек. Никогда не думала, что надо будет на такое решиться... Но мне очень нужны деньги. Если займу первое место, я спасу Косте жизнь.

– Сандугаш, ты же можешь и не победить.

– Раньше ты говорила, что я обязательно смогу победить.

– Одно дело – просто поехать на конкурс красоты. Другое дело – когда от победы зависит все на свете. Ты будешь все время на нервах и с умоляющим взглядом. А надо быть раскрепощенной и сиять.

– Я буду раскрепощенной и сиять. Рит... ты говорила, что дашь мне денег...

– Я хотела тебе дать денег на твой шанс стать королевой мира. А не на спасение этого козла Кости. Но да, я дам. Кстати, а может, лучше напишем в какую-нибудь благотворительную организацию, вывесим его справки, если они у него вообще есть, начнем сбор средств...

– На детей еще собрать можно... А до взрослых никому дела нет. И это долго. А деньги нужны прямо сейчас.

– А если ты все же не победишь?

– Я стараюсь не думать об этом. Я просто думаю, что победа уже моя. Только мне надо пройти до нее определенный путь, и будет трудно.

– Ох, Сандугаш. Я же даже помочь тебе ничем не смогу, если что.

– Мне никто помочь не может. Я сама должна справиться.

Сандугаш сказала отцу, что поедет в Москву. И сказала зачем. Объяснила все про Костю, про его смертельную болезнь, про то, как нужен ей этот приз, чтобы отправить Костю на лечение... Отец молча кивал.

– Так ты меня отпустишь?

– Поступай как знаешь.

– У меня очень мало денег. Я одолжила у Риты, но все равно мало.

– Денег я тебе не дам. Чем меньше у тебя будет денег, тем меньше ты сможешь прожить в Москве и меньше глупостей натворишь. Помни: если будет ребенок – не смей его убивать. Я и так духам жизнь задал. А в остальном – делай что хочешь.

Бабушка пришла в ужас, но отдала внучке все свои сбережения: пятьсот пятьдесят долларов. Попыталась еще всучить флакончик «Estee», но Сандугаш отказа-

лась забирать последнее бабушкино сокровище.

– И если что-то случится – звони. Отец на самом деле тебя любит и приедет, и поможет. Я его знаю, он ведет себя будто каменный, а на самом деле человек-то хороший.

– Я тоже знаю. Но ничего страшного не случится. Все уже случилось.

Уезжать надо было срочно: отбор на конкурс заканчивался.

Сандугаш пришла к Валентине Петровне, попросилась побыть в той комнате, где проходили их с Костей любовные свидания. Валентина Петровна пустила. Сандугаш почти час лежала на кровати, где подушка, как ей казалось, пахла Костиными волосами.

Когда она вышла – бледная, с покрасневшими глазами, – Валентина Петровна жалостливо спросила:

– Бросил? – И, не дожидаясь ответа, запричитала: – Вот такой он кобель, с юности, всегда кобелина был, как увидит красивую девчонку – из штанов выпрыгивает, жить не может, пока в постель не уложит... Мне казалось, с Маринкой он поуспокоился, она такая спокойная сама, добрая, понимающая, думала я – вот нашел наконец бабу себе по душе, а он опять... И как ему откажешь? Хороший парень, помогал мне... Хоть не погубил он тебя? Ты хоть не беременная?

– Не беременная.

– Ну, тогда и ладно. Поплачешь и забудешь. Ты же красавица, другого найдешь. А то и папаша тебе подыщет. А что не целочка – теперь же это не важно совсем, целок-то уж и не осталось. Замуж без пуза и не выходят теперь. Но гад он все же, гад, ты ж молоденькая совсем, да такая красавица...

– Не надо, Валентина Петровна. Он не виноват. Правда.

– Да знаю я, как не виноват...

– Не знаете. Спасибо вам за все. Пойду я.

– До свидания, деточка. И забудь его скорее. Забудь.

«Не забуду. Он – моя жизнь, вся моя жизнь, он – моя великая любовь, он – всё... Он во мне, а я в нем, мы слились воедино, мы вместе навсегда. И если он умрет, я тоже умру. Поэтому я должна победить. Ради нас обоих. Я пройду до конца и получу миллион. Я стану знаменитой, стану моделью, я буду очень много зарабатывать и лечить Костю. Как Селин Дион – она так долго защищала от смерти Рене Анжелила! Как Кэтрин Зета-Джонс, которая уже столько лет помогает Майклу Дугласу бороться с раком! Когда рядом любящая женщина и когда у любящей женщины много денег, рак можно отогнать. Даже на десять, на двадцать лет. У меня все получится. Потому что иначе быть не может. Иначе проиграем мы оба...»

Сандугаш Доржиева уехала в Москву за два месяца до своего девятнадцатилетия. Из родительского дома, помимо одежды, она забрала куклу, которую отец подарил ей на Новый год. Она тогда удивилась... Но на самом деле ей ужасно понравилась эта кукла. И она обрадовалась, обнаружив ее под елкой. Теперь Сандугаш не хотелось, чтобы близнецы, уже всю осваивавшие домашнее пространство, добрались до этой куклы и растрепали ее красивую прическу, содрали с нее чулочки и туфельки.

Сандугаш понимала, что придется снимать какую-то конуру, так пусть там будет хоть что-то красивое. Хоть эта кукла. От которой почему-то слегка пахло отцовскими горькими травами, маминым ванильным печеньем и бабушкиными любимыми духами «Estee».

Глава 6

Сандугаш боялась, что в Москве ее опять придавит той же невыносимой тяжестью, как это было в детстве. Надеялась только на то, что с тех пор, как она стала женщиной, многое изменилось. Она перестала видеть сны про убийства, когда отдалась Косте. Тогда же перестали являться к ней и видения из прошлой жизни. И Белоглазый перестал преследовать ее. Появился только в ту ночь, которую она провела у родителей, и снова исчез. Может, и в городе ей будет не так тяжело? Впрочем, даже если будет тяжело, она выдержит. Ради Кости. Как Атлант удерживал небо на плечах, она будет держать эту серую тяжесть, которая тем плотнее, чем больше город...

Но обошлось.

Более того, Сандугаш влюбилась в Москву с первого взгляда.

Это было так странно, совсем неожиданно. Она думала, ее встретит грязный, серый, неприветливый город и напугают огромные толпы. Да еще и мама предупреждала: в Москве человек человеку волк, никому не стоит доверять, в лицо тебе будут улыбаться, а потом нож в спину воткнут.

Но Сандугаш увидела эти широкие улицы, это вы-

сокое выцветшее небо над крышами похожих на готические замки сталинских высоток, этих модных женщин с надменными, чуть рассеянными лицами, эти яркие авто, сверкающие витрины – увидела и почувствовала себя как будто в странном урбанистическом храме. Город определенно был не просто средоточием домов, это было живое существо, со своим лицом, с характером, с прошлым, которое можно было прочесть по его морщинкам и трещинам, как по линиям на ладони.

Странно, но она совсем не растерялась. Вышла из аэроэкспресса на Павелецком вокзале, и ее закрутила разноцветная толпа. Впервые в таком городе, впервые в такой толпе – но при этом она чувствовала себя уверенно и спокойно. И точно знала, что надо делать: сначала немного восстановить силы, потом найти жилье, отправить фотографии на конкурс, найти любую работу и ждать того дня, когда финалисток заселят на репетиционную базу. Все просто, как дважды два.

Она не смотрелась в этом городе чужой. Как-то с самой первой минуты стала его частью. В Сандугаш не было ничего, что принято называть налетом провинциальности. Чисто умытое лицо, волосы забраны в небрежный хвост на затылке. Это не нарочно – она просто не расчесалась с дороги, поленилась, но сре-

ди москвичек такая небрежность как раз в моде. Как будто только что встала с кровати и не старалась себя приукрасить. На девушке были простые черные джинсы и черный хлопковый свитер. Так могла бы выглядеть и парижанка, и москвичка, и кто угодно. Сандугаш заметила, что люди смотрят на нее с любопытством. Наверное, это из-за того, что она была похожа на модель – длинная, тонкая, бледная.

Первым делом она зашла в какое-то кафе, на вид совсем невзрачное – Сандугаш была страшно голодна и решила, что в окол вокзальной забегаловке вряд ли будет слишком дорого. Но приветливый официант подал ей меню, и Сандугаш едва удалось сохранить лицо. Ничего себе цены! Куриный суп стоит как две целые курицы! А кусочек торта – как три таких торта в выдринском сельхозмаге. Но уходить было стыдно, и она просто выпила стакан теплого яблочного сока.

Сандугаш купила московскую сим-карту, вышла в Интернет, просмотрела предложения по аренде комнат. Вариантов было море, но в итоге понравился ей только один – пятнадцатиметровая комнатка в двухкомнатной квартире на окраине города. На вид комната была чистенькой и очень чудной – белые стены, белый дощатый пол, белые шторы. Как в психиатрической больнице из арт-хаусного кино. В этом что-то было. По указанному номеру ей ответили сразу же, по-

сле первого гудка. Правда, голос был недовольным: как будто Сандугаш хотела в долг попросить, а не жилье себе снять. Но плевать на эмоции – зато ее пригласили на просмотр! Сказали, что она может прийти в ближайшее время, хоть через час!

Нужный адрес она нашла легко. Как будто в ней был внутренний компас, который сам вел ее по улицам в незнакомом огромном городе.

По дороге Сандугаш думала о Косте. Так хотелось позвонить ему, только вот надо же экономить деньги. Интересно, он и правда поверил в то, что она сможет стать его ангелом-спасителем? Или благодарил ее со слезами на глазах просто потому, что его тронула такая детская самоотверженность?

Они простились скомканно. Как назло, ему все время названивала Марина. Словно чувствовала, что муж находится с другой женщиной. Любимой женщиной. Сандугаш немного смущала та ласковая и даже, пожалуй, отчасти заискивающая интонация, с которой Костя общался с супругой. Он называл Марину «зайчик», просил не садиться ужинать без него, обещал, что скоро будет, и врал, что помогает знакомому поменять в машине масло. А потом, перехватив осуждающий взгляд Сандугаш, с тяжелым вздохом объяснил: «Пойми, малыш, я должен ее подготовить. Да, Марина давно стала для меня чужой. Я ее не воспринимаю

ни как женщину, ни как друга. И близости у нас давно нет, уже больше двух лет... Живем как соседи. Но я не могу так с ней, нужно как-то подготовить ее. Баба-то она неплохая... Я же не хочу, чтобы она совсем расклеилась, она все-таки мать моей дочери!»

И Сандугаш соглашалась – да, конечно, ты такой благородный человек...

Квартира была объективно убогой, но Сандугаш она показалась раем на земле. Просторно, чисто, светло, окна выходят в зеленый двор. И парк видно. Как будто бы и не Москва вовсе. Тихий уголок.

Девицу, сдававшую комнату, звали Мила. Она была не намного старше самой Сандугаш, но утомленно-презрительное выражение ее хорошенького лица говорило о том, что повидала Мила немало. Потом Сандугаш заметит: в больших городах иной ток времени, год за пять. Да, у всех есть Интернет, да, глобализация и все такое. Тем не менее в их селе к двадцати годам большинство девушек оставались полудетьми – представления о мире у них были наивными, пунктирными какими-то. Москвички же – во всяком случае, большинство из них – в этом возрасте были цепкими и, даже если не обладали большим жизненным опытом, все равно ухитрялись как-то воспитать в себе понимание социальных взаимосвязей и возмож-

ных сценариев игры.

Мила рассматривала ее так беззастенчиво, как будто Сандугаш себя на продажу выставила. От взгляда девушки не укрылась ни одна деталь, а все мысли отражались на ее лице: «Красивая, – думала Мила, – такая тут не пропадет. Но сумка какая-то допотопная, а ботинки – неприлично же в таких ходить! Хоть бы набойки поставила посвежее. Маникюра нет, но ногти аккуратно подпилены. Ни одного украшения, даже колечка дешевого – кажется, этой красавице вообще наплевать на то, какое впечатление она производит. А почему? Уверенность в себе – считает, что она самая неотразимая только из-за того, что от природы ей достались длиннющие ноги и необычное лицо? Или просто не от мира сего? И если последнее – не будет ли с такой соседкой проблем?»

– Я тихая, – почему-то смутилась Сандугаш, – в городе у меня никого нет, гостей не будет. Аккуратная. Я и кухню мыть могу, и ванну, мне совсем нетрудно.

– М-да? – процедила Мила, которой нравилось ощущать себя хозяйкой положения перед этой красоткой. – А деньги-то у тебя есть? Платить будешь в срок? А то прошлая соседка обещала-обещала и в итоге однажды сбежала, оставив меня без гроша.

– Конечно! Я бы никогда так не поступила! – заверила Сандугаш. – Я работу найду.

– Работу? – усмехнулась Мила. – Слушай, а что тебя вообще сюда принесло? Я думала, ты поступать приехала.

– Нет, – вздохнула Сандугаш, – я на конкурс «Мисс Страна». Но пока прохожу кастинги, надо где-то жить и что-то зарабатывать.

– Чего-о? – Мила поперхнулась. – Слушай, ладно, давай чаю выпьем, расскажешь все. Ты смешная.

Пока она мыла чашки, высыпала в хрустальную вазочку дешевое овсяное печенье, клала заварку в смешной чайничек в виде улыбающейся свиньи, Сандугаш рассматривала ее.

Мила была похожа на пирожное. Вся такая сливочно-кофейно-сахарная – наверное, даже слегка приторная, если перебрать дозу общения. Светлые волосы завиты на щипцы – кудряшки жесткие, их держит тонна лака, кончики посечены. Кожа белая-белая, здоровый румянец, редко встречающийся у горожанок. Глаза широко распахнуты, длинные ресницы, ямочки на щеках, губы бантиком (потом Мила признается, что это татуаж – розовый пигмент, который мастер ввел ей под кожу тонкой иглой; час мучений, зато потом можно вообще не краситься как минимум пару лет). Роста Мила была небольшого, фигуру имела складную – как у девочки пин-ап.

Чай оказался вкусным – Мила тотчас же сообще-

ла, что у нее был роман с мастером из чайного клуба, который научил ее разбираться в сор тах и отличать «те гуань инь» от «да хун пао». Правда, это было единственное, что на выходе ей дали те отношения, потому что одним прекрасным утром чайный ма-чо сказал, что поедет навестить брата в Коломну, и так больше никогда в ее жизни и не появился, а потом общие знакомые рассказали Миле, что он женился на своей бывшей девушке, преподавательнице цигун.

– В Москве почти все романы вот так по-дурацки заканчиваются, – доверительно сообщила она.

Сандугаш было трудно привыкнуть к такой откровенности от человека, которого она знает меньше часа, но она решила, что это московский формат – другие скорости, люди сходятся быстрее, опознают своих по каким-то одним им приметным знакам и начинают дружить, не успев толком познакомиться.

– Ладно, давай лучше о тебе. Что это за наивная идея с «Мисс Страной»? У тебя хоть знакомые там есть?

– Нет, – призналась Сандугаш, – но я уверена, что выиграю. Не могу объяснить. Просто ЗНАЮ. У меня отец шаман. Я путь чувствую, понимаешь? Моя это дорога или нет.

– А мне кажется, это просто иллюзия, – хмыкнула Мила, – поверь мне. Я все-таки родилась в этом горо-

де, многих знаю. И у меня даже была знакомая девчонка, которая участвовала в этой «Мисс Стране» года три назад.

– Да ты что? – Сандугаш обрадовалась так, словно земляка встретила. – Расскажи!

– А что рассказывать? Она спала с одним из спонсоров. Познакомилась с ним в ночном клубе, он и затащил ее в конкурс. Других шансов у нее не было бы. Правда, она не такая красивая, как ты. Фигура ничего, но лицо кобылье. А всё туда же! – Глаза Милы блеснули, как у кота. – Она даже в финал вышла, представляешь? Но корона досталась другой. Та, видимо, с более крутым спонсором спала. Так у девчонки той, Лизы, знакомой моей, потом нервный срыв случился.

– Ей тоже очень деньги были нужны? – сочувственно покачала головой Сандугаш.

– Да нет, у нее родители нормально зарабатывают. Просто нелегкое это дело – спонсоров ублажать. Он такие вещи от нее требовал... – Мила интимно понизила голос. – Однажды привез Лизку в загородный отель, вроде как на романтический уик-энд. А там ждал еще один его друг. И спонсор говорит: «Я решил проверить, насколько сильно ты меня любишь, что ты готова сделать для меня. Ты ведь любишь меня?» Эта дура подтвердила – да, люблю. А он такой: «Ну тогда проведешь эту ночь с моим другом Василием. Я по-

нимаю, что тебе неприятно, но зато потом буду знать, что моя девочка на все готова, чтобы сделать мне приятное».

– И ее не смутило, что ему это приятно – отдать девушку другу? – ахнула Сандугаш.

– Ну как-то мозги он ей запудрил, тоже поди не дурак. А друг Василий, надо сказать, был ужасный какой-то. Под семьдесят, с лишним весом, изо рта лекарствами пахнет. Одна радость – член не стоял у него. Но все равно... Лизка потом три дня в бане провела, все ей чистоты хотелось. Забронировала кабинку в Сандунах и сидела там. Ее уже персонал гнал – мол, девушка, вам с сердцем плохо станет. А она им: отстаньте, с каким-таким сердцем, у меня и сердца нет. Потом на антидепрессанты села. А корона все равно мимо прошла. И много таких историй было. А ты лезешь куда-то...

– У меня есть деньги, вот. – Сандугаш протянула Миле сумму, которая была указана в объявлении. – Ну, не получится, так уеду. Тебе ведь тоже, наверное, не просто беспроблемную соседку найти. А так я хоть пару месяцев поживу тут.

– Это уж точно, – усмехнулась Мила, – кому только эту комнату не сдавала. Я ведь тоже не от хорошей жизни. Мне деньги постоянно нужны... Ладно, живи, раз ты такая упертая. Потом только не говори, что я

тебя не предупреждала.

На следующее утро первым делом Сандугаш позвонила в офис конкурса «Мисс Страна». Говорили с ней вежливо, но отстраненно – как будто на другом конце линии сидел робот, запрограммированный на серию стандартных ответов. Выяснилось, что Сандугаш срочно нужно привезти фотографии, потому что первый тур конкурса заочный и осталось всего четыре дня, чтобы подать заявку. Почему-то она этого не учла: могла бы еще из дома отправить снимки, хотя бы те, которые сделал Даня Семенычев.

Девушка запаниковала. Денег на хороший фотосет у нее не было. У нее и на еду почти не осталось. Похоже, ближайший месяц питаться ей одной гречкой да овсянкой без масла. Но это не страшно, голод она переносила легко. Да и вообще невзгоды легко переносятся, если у тебя есть мечта и цель.

Решение пришло спонтанно – надо кинуть клич в Интернет. Фотограф – профессия модная, многие мечтают о такой карьере и бродят по Сети в поисках интересной фактуры. А лицо у Сандугаш необычное, камера ее любит.

Она составила объявление, разместила в социальных сетях. Мила почему-то прониклась проблемами соседки, хотя она вовсе не была похожа на челове-

ка, который привык кому-то бескорыстно помогать. Может быть, ей хотелось посмотреть веселое шоу «Облом наивной провинциалки в жестоком городе». Она тоже созвонилась с какими-то своими многочисленными знакомыми, и в итоге нарисовался подходящий фотограф, который согласился бесплатно сделать для Сандугаш фотографии формата конкурса, но за это девушка должна была поработать моделью в его фотопроекте. Сандугаш легкомысленно согласилась, сказав, что не готова только на обнаженку, а все остальное – пожалуйста. Откуда ей было знать, насколько извращенной бывает фантазия некоторых столичных творческих работников...

Встретились они на окраине Измайловского парка, и сначала фотограф буквально за четверть часа отснял то, что требовалось Сандугаш для участия в кастинге.

– Такое выразительное лицо – да с вами одно удовольствие работать! – похвалил он. – Вы рождены для того, чтобы стать моделью. Идеальные параметры. Лицо и выразительное, и готовое к любой маске. Можно что угодно нарисовать – любую эмоцию и подтекст, но все равно за всем этим будет читаться личность.

– Да вы всем, наверное, такое говорите, – смутилась девушка.

Фотограф был ненамного старше ее самой. Сту-

дент, будущий журналист, мечтающий о личной выставке в Манеже. Ему нравилось работать в сложном жанре – постановочные фотосказки. И для Сандугаш он выбрал роль злой русалки. Сначала они долго шли по лесу – фотограф предупредил, что хорошо бы взять с собой резиновые сапоги. Но откуда же у нее сапоги в чужом городе? Сандугаш все ноги промочила, в кедах грязная вода хлюпала. И мысли странные в голову лезли: «А вдруг он вообще маньяк, сейчас заманит в глушь, а там...»

Но фотограф всего лишь привел ее на берег небольшого ручья, после чего, порывшись в объемной сумке, вручил ей длинное белое платье, очень мягкое.

«Это даже хорошо, что оно такое, сейчас мы его вообще уделаем!» – объяснил он, перехватив удивленный взгляд Сандугаш, которой вовсе не так представлялась модная съемка у московского фотографа.

Но что делать: отошла за деревья, свою одежду аккуратно положила на какой-то пенек.

Платье было похоже на саван. Мертвая невеста из фильма ужасов.

Дальше – еще интереснее. Фотограф попросил ее лечь в воду.

«Как Кайли Миноуг в клипе, где ее убивает Ник Кейв. По ней там еще черная змея ползет. Змеи у нас,

к сожалению, нет, зато есть кое-что получше!»

Выяснилось, что у него с собой трехлитровая банка, набитая капустными листьями, на каждом из которых сидит живая улитка-ахатина размером с куриное яйцо. Сандугаш посмотрела, и ее передернуло – архетипический страх чужеродного, склизкого, лишённого эмоций. Фотограф разместил улиток на ее лице (предварительно густо присыпав его белой пудрой) и груди. Вода была ледяной. Платье намокло, прилипло к телу. Улитки медленно ползли по коже, оставляя за собой клейкие следы. «Ты не дрожи так! – просил фотограф. – Ты должна быть как будто мертвая! Только глаза – живые и злые. И руки ко мне тяни из воды».

Фотографии были отправлены, Сандугаш успела.

Начались московские будни. Довольно грустные, надо сказать. Радость неофита потихонечку таяла.

В первые дни Сандугаш самозабвенно гуляла по центральным улочкам, рассматривала дома и людей, забредала в церквушки и скверы, подолгу стояла на набережной, подставив лицо солнцу. Все здесь было другим, даже запах. Все казалось ей чудным, и все очень нравилось.

Но трудно быть беззаботной, когда денег едва хватает на проезд. Девушку постоянно мучил голод – она старалась отвлекаться. И делала дыхательную гим-

настику, которой когда-то обучил ее отец. Надо представлять, словно животом дышишь, медленно, глубоко. Тогда и мысли успокаиваются, становятся медленными и плавными. И ощущения притупляются – так можно и с болью справиться, и с голодом, и с недомоганием.

А еще Сандугаш все время думала о Косте, о том, как она вернется с миллионом, они купят домик и заживут вдвоем. Маленькая семья, ее личный рай. Правда, никак не удавалось поговорить с ним по телефону: она звонила несколько раз, но звонок все время срывался, плохая связь. И каждый такой звонок съедал половину баланса на ее телефоне... Непозволительная роскошь для человека, который живет в мегаполисе без денег и совсем один. Ничего страшного, осталось недолго потерпеть, и они будут вместе.

О том, что после победы в «Мисс Стране» у нее будут какие-то социальные обязательства, Сандугаш не думала вовсе.

Тосковала она не только по Косте, но еще и по Соловью. Когда она находилась рядом с Костей – ее все устраивало, не до снов было, не до видений. А вот когда приехала в Москву – затосковала. Не хватало присутствия в ее жизни Соловья. Пусть в ночной жизни, пусть во снах... Зато убийств она не видела по-прежнему, и это было хорошо. А Белоглазый если и появ-

лялся в ее сне, то в обличье волка, и ничего не делал, просто стоял и принюхивался, словно искал ее.

Может быть, сказывалось утомительное многолюдье, или сны отгоняло ощущение давящей тяжести, которое сделалось не столь мучительным, как в детстве, но все-таки не позволяло ей засыпать по-настоящему глубоко, так что вставала Сандугаш всегда слегка невыспавшейся.

Ей нужна была работа. Очень. Сандугаш не собиралась привередничать – готова была хоть полы мыть, хоть собак чьих-нибудь выгуливать. Ее задача – не карьера, не поиск теплого местечка, а просто добыть немного денег, несколько тысяч, чтобы от голода не шатало. Чтобы не прийти на финальный кастинг утомленной, с впалыми щеками и тусклыми глазами. А то первая московская неделя сильно отразилась на ее наружности, о которой девушка привыкла не заботиться вовсе. Но вдруг однажды утром она посмотрела на себя в зеркало и нахмурилась – кожа какая-то серая, тени под глазами, губы сухие.

– А что ты хочешь? – промурлыкала Мила, которой она вечером пожаловалась. – Это город-вампир. Дает тебе возможности, а взамен пьет твои соки. Без ботокса тут долго не протянешь.

Сама Мила была помешана на уходе за собой и почти все деньги вкладывала в тело, считая его ос-

новным капиталом. Сандугаш было странно за этим наблюдать. В ее вере считалось, что тело – только одежда, временный пересадочный пункт. Сколько у нее было таких тел, сколько еще будет. Она с детства не ассоциировала «я» с той оболочкой, в которой оно содержалось. Понимала, что ее «я» родом из вечности и мало отношения имеет к этим красивым волосам, острым коленкам и высоким скулам. Красота – бонус, счастливый билетик, сорванный джекпот. Но красота – это не она сама, не ее сущность.

Мила же каждую неделю ходила к косметологу. Ей делали какие-то уколы, чтобы губы казались пухлее, а щеки, напротив, меньше. Верхний слой кожи сжигали кислотами. Из вены брали кровь, чтобы добыть из нее плазму, а потом вколоть в лицо – настоящая оргия современной леди Батори. Шкаф Милы ломился от одежды: сотни платьев, чулочков, корсетов, пальто. Это было чудачество какое-то – столько почти одинаковой одежды для одного человека. Бывали дни, когда Мила отказывалась от еды, чтобы купить лишний стопятидесятый лифчик – это напоминало уже психиатрический диагноз.

Но сама Мила считала, что никакой это не невроз, а инвестиция. Современная женщина должна инвестировать во внешность, если хочет выбиться наверх. Разумеется, если дело происходит в Москве. Да, счи-

тается, что феминизм потихонечку завоевывает город, но пройдет еще в лучшем случае десяток лет, прежде чем женщин перестанут оценивать по внешности.

Мила была болтлива – во время вечерних чаепитий, которые у девушек быстро стали традицией, говорила преимущественно она, Сандугаш же молчаливо любовалась ее оживленным лицом и купалась в кипучей энергии, которую излучала соседка. Ей казалось очевидным, что самая главная проблема Милы – в неопределенности. Она сама не знает, чего хочет, и каждой случайной прихоти может придать статус целина-века. Распыляется непонятно на что. То мечтает стать бьюти-блогером и целые дни тратит на то, чтобы популяризовать свой аккаунт, то очаровывается образом жизни «золотоискательниц» – охотниц за состоятельными мужчинами. То ведет себя как профессиональная гетера, то играет бедную овечку, будущую жрицу немецкой формулы трех священных «К»: Kinder, Küche, Kirche, «дети, кухня, церковь».

У Милы был любовник, старше ее на двадцать лет, женатый. Встречались они почти пять лет. Познакомились красиво, как в кино. Был дождь, Мила шла по набережной – вернее, не шла, а ковыляла, потому что на ней были туфли на платформе высотой двенадцать сантиметров, и она боялась поскользнуться и

сломасть ногу. Красавица и котурны. Промокла до нижнего белья. Платье прилипло к телу, через шелковую ткань красиво просвечивала грудь. Настроение было паршивым – Мила устала, была голодна, ужасно замерзла. Терять было нечего, и она остановилась закурить – плохая идея, потому что ливень затушил сигарету еще до того, как она успела сделать первую затяжку.

И вот ее будущий любовник, Иван, как раз в тот момент проезжал мимо, и его очаровало спокойствие девушки, которая, казалось, никакого внимания не обращала на буйство стихии. То, что в реальности было утомленностью и капитуляцией, он принял за редчайший сорт безмятежности, который у некоторых в крови. Как не подвезти такое сокровище! Как упустить – век же не простишь себе. Тем более что у Ивана полным ходом цвел кризис среднего возраста – отношения с женой давно напоминали холодную войну, а уходить из семьи насовсем он не собирался, потому что младшей дочери было всего четыре года. Находил отдушину в романах на стороне, стараясь только получать удовольствие, не опускаясь в чужие глубины. Это была такая разновидность верности – не позволять себе серьезных отношений.

Но вот увидел девушку, которая пыталась закурить под проливным дождем, и что-то екнуло внутри. Как

будто колокольчик медный в самом сердце прозвенел. Он подбросил Милу до дома, по дороге они почти не разговаривали, но безмолвие было понятнее слов – оба понимали, к чему все идет. Припарковавшись у ее подъезда, Иван повернулся к девушке, посмотрел ей в глаза и вдруг дал по газам. Передумал отпускать. Увез к себе.

Домой не мог, конечно, – жена, двое детей, еще и теща приехала из Саратова, собиралась неделю погостить и зависла на месяц. В гостиницу не хотелось – как-то пошло. Поехали к Ивану на дачу. Конечно, тоже не лучший вариант – там все обустроено его женой, семейные фотографии в латунных рамочках, детские рисунки магнитами к холодильнику прикреплены. Зато старые яблони в саду, зато дождь молотит по железной крыше и есть камин, в котором ароматно потрескивают березовые дрова. А перед камином – медвежья шкура с проплешинами. Еще отец Ивана ее в стародавние времена у местных охотников купил. На этой шкуре они с Милой и прикоснулись друг к другу впервые.

Была ли Мила влюблена? Пожалуй. У любви много ликов. Мила не была способна на чувство живое и страстное, ведущее к самопожертвованию и самовозгоранию. Она вообще была рациональной и спокойной. Но Иван стал источником света, на который она

полетела как мотылек.

Первые три года Мила надеялась, что он разведется. Нет, он ее никогда не обманывал, на словах ничего не обещал. Тему его семьи они вообще всегда деликатно обходили, как будто жены с детьми и не было. Как будто просто так, по каким-то неведомым законам, он всегда встречал Новый год не с Милой и не мог пригласить ее к морю на пару недель. Первые два года она надеялась, потом перестала. Привыкла к тому, что есть.

Однажды жена Ивана прочитала какие-то их эсэм-эски и позвонила Миле. Угрожала и скандалила, называла «драной мочалкой» и вообще дала ей все поводы презрительно усмехаться и рассказывать подругам, что жена Ивана – дура набитая.

Ревности в Миле не было. Но была досада. Что у кого-то жизнь устроена, а она как говно в проруби мотается. Вечная маета, печальные мысли о том, где денег достать.

Иван немного ее поддерживал – как мог. Откусить заметную сумму от семейного бюджета себе не позволял, зато на него всегда можно было рассчитывать: если Мила заболела, он привозил ей горячий минестроне из соседнего итальянского ресторана и парацетомол; если ей надо было улетать, он сам отвозил ее в аэропорт; если ей было грустно, он по телефону

читал ей «Шерлока Холмса».

Мила не была ему верна. Считала, что раз Иван женат, значит, и она не обязана хранить верность. В ее жизни периодически случались другие мужчины. Но никто, кроме Ивана, не любил ее, не дорожил ею, не пытался о ней заботиться. Мила была хорошенькая и веселая, мужикам это нравилось. И достаточно легкомысленная, чтобы завязывать знакомства. Но, видимо, была в ней какая-то незримая рана, внутренняя полость, которая мешала прикипеть к ней душой.

Посмотришь на Милу, танцующей походкой идущую по улице, и подумаешь: живет в шоколаде. Новенькие лаковые туфельки, дорогая сумка, незаметный слой тонального крема делает лицо идеальным, прическа – волосок к волоску. И не скажешь, что она не живет, а в общем-то выживает.

– Ох, Мила, – качала головой Сандугаш, которой жизнь новой подруги казалась невозможно грустной, – а почему ты не хочешь сделать карьеру? Выбрать что-то одно и бить в эту точку, как в мишень?

У Милы не было определенного рода деятельности. И тут главенствовала ее мятущаяся душа. То она устраивалась администратором в маникюрный салон, то мыла чужие квартиры, то работала в службе «Секс по телефону». Как бумажный кораблик, забытый в луже на сильном ветру. Мечется от берега к берегу, того

и гляди пойдет ко дну.

– Взять даже твою работу администратором, – рассуждала Сандугаш. – Можно ведь пойти на какие-то курсы, изучить программы – «Эксель», 1С. Чем больше ты знаешь, тем больше тебя ценят.

– Много ты понимаешь. – Милу несколько раздражало, что эта байкальская выскочка, без году неделя в Москве, пытается ее учить. – Ты сама бы хоть пару дней так поработала. Скука невыносимая. Гадюшник. Клиенты, которые норовят не заплатить. И мастера, которые пожрать друг друга готовы.

– Можно в ресторан пойти, там тоже администраторы нужны всегда...

– А ты сама что же не пойдешь? – прищурилась Мила. – Уже столько дней в Москве, жуешь шиш с маслом, а работы так и нет, да, Сандугаш?

– Ну не злись... Я найду. Просто у меня ни прописки, ни опыта, да и обманывать никого не хочу. Я же честному всем говорю, что работа максимум на два месяца нужна. До того, как поеду в пансионат.

– А почему ты так уверена, что вообще туда поедешь? Да в этом конкурсе участвуют самые красивые девушки России! С какой стати ты решила, что входишь в их число?

– Не знаю, – вздохнула Сандугаш, – не могу объяснить. Но я просто знаю, что буду в финале, вот и

все. Просто знаю. А работа... Будет у меня и работа. Я спокойная и упорная. Это самое главное.

С работой Сандугаш не везло. Регистрации московской у нее не было, Мила наотрез отказалась оформить ее официально.

Целыми днями девушка звонила по объявлениям с сайтов вакансий, но как только работодатели узнавали, что она так молода, без высшего образования и московской прописки, да еще и работать собирается не больше двух месяцев, никто не хотел даже встретиться, чтобы посмотреть на нее лично.

Сначала она выбирала вакансии администратора в салоне красоты или спортивном клубе. Потом начала откликаться на что-нибудь попроще – курьер, продавец. И тоже ноль реакции. А деньги совсем растаяли.

Купленную пачку гречки она съела за неделю.

Мила видела, что соседка голодает, и это ее тревожило – не обманет ли, сможет заплатить за комнату, как договорились? Продуктами же она с Сандугаш не делилась – считала, что красивой девушке легко добыть еду в Москве. Можно, например, зарегистрироваться на сайте знакомств и ходить на свидания – каждый рад будет накормить ужином такую красотку, и это ни к чему не обязывает. Сама Мила так и делает, если остается на мели. А если Сандугаш претит такой

способ добычи мамонта, значит, не настолько она и голодна.

К концу недели Сандугаш была в отчаянии. Почему-то, приехав в этот город, она верила, что все пойдет как по маслу – ведь у нее была высокая цель. Она никак не ожидала, что натолкнется на такую преграду, даже полумойкой устроиться не сумеет, чтобы как-то перебиться.

Глава 7

Марианна ужинала со старой подругой Ладой. Они были знакомы сто лет – обе еще школу заканчивали, когда встретились на кастинге манекенщиц в Доме моды на Кузнецком мосту. Такие разные, а в итоге судьба оказалась одна на двоих. Как будто кто-то на небесах поленился написать отдельную историю и выдал один и тот же сценарий обеим девушкам. Тогда, много лет назад, они друг другу не понравились. Марианна показалась Ладе грубоватой и простоватой. Лада показалась Марианне выскочкой, зараженной вирусом неизлечимого снобизма. И внешне они были полными противоположностями. Лед и пламень.

Марианна – жгучая брюнетка, ее красота была такой ослепительной, что зажмуриться хотелось. На коже золотился майский подмосковный загар, она была счастлива, что с ненавистной школой покончено и впереди – свобода, приключения, тысяча неведомых дорожек. Марианна не собиралась никуда поступать. Считала, что ее внешности, обаяния и деловой хватки вполне достаточно для того, чтобы красиво в жизни устроиться. Зачем терять пять лет непонятно на что? Она была такая электрически смешливая, такая солнечная, громкая, яркая – настоящая звезда.

Лада – напротив, блондинка-альбинос. Бледное до синевы лицо, белые ресницы, тонкие губы, огромные глаза, до того светлые, что тоже почти белыми кажутся. Ее лицо притягивало взгляд, потому что было неочевидно, красиво оно или уродливо. Родись Лада на двадцать лет позже, стала бы абсолютной звездой мирового масштаба. Она была молчаливая, серьезная и тихая. Отличница, шла на золотую медаль, собиралась поступать в МГУ на исторический.

Так получилось, что обе девушки опоздали на кастинг, но арт-директор обещал их посмотреть – Дому моды нужны были свежие лица. Вот и разговорились – а что еще делать в коридоре?

– Я хочу заниматься этим профессионально, – без зеркала подкрашивая губы, простодушно сообщила Марианна. – Считаю, у меня есть все шансы прорваться на самый верх. А в учебе мне все равно особо ничего не светит. Мне путь либо в секретутки, либо вот сюда.

Лада смотрела на нее, как барыня на смерда.

– А меня сюда мама уговорила прийти. Говорит, я высокая и сутулюсь. Мне самой этого мира моды вообще не надо. Что может быть в этом интересного – по подиуму ходить? Туда-сюда. Я хочу диссертацию написать, древними греками заниматься.

– Как ты так можешь говорить – ничего интересно-

го! – Марианна от изумления даже полоснула сливовой помадой по щеке, потому что самой ей казалось, что нет на свете ничего более притягательного и желанного, чем подиум. – Это же... это же...

Обе девушки показались друг другу недалекими. Но поссориться не успели, потому что арт-директор пригласил их в зал. По очереди они прошли по подиуму. Лада шла неловко, размахивая руками, как робот. Лицо ее было застывшим, взгляд обращен в никуда. Она даже не пыталась заигрывать с аудиторией и вообще казалась пришельцем из космоса. Впрочем, в этом что-то было.

Марианна – совсем наоборот. Улыбчивая, электрическая, вертлявая, как цирковая обезьянка. Слишком размашисто виляла бедрами, непонятно кому подражая, посылала арт-директору воздушные поцелуи, самозабвенно кружилась и в итоге даже сорвала аплодисменты двух осветителей.

Затем девушек пригласили в кабинет. И арт-директор сказал им нечто удивительное.

Оказывается, кастинг манекенщиц в Доме моды давно закрыт, штат набран, включая запасных. И по правде говоря, манекенщицы из них паршивые – еще учиться и учиться. А вот фактура что надо. И для обеих девушек есть предложение – подписать контракт с итальянским модельным агентством и отправиться

на целый сезон в Милан. Это редкая удача, обычно в Италию вот так, в обход, не попадают. Но владелец агентства – близкий друг арт-директора, и как нарочно он на днях спрашивал, нет ли у того девушек, похожих на инопланетянок, или девушек, похожих на Софи Лорен. И вот, как по заказу, пришли и та, и другая.

Лада, не дослушав, сказала: «Ну уж нет!»

Марианна, не дослушав, согласилась.

В итоге в Милан поехали вдвоем. Хотя, конечно, сомнения были – а вдруг их продадут в публичный дом или вообще на органы? Но мама Лады с кем-то списалась и узнала, что агентство, которое предложило им контракт, солидное и существует на рынке уже десяток лет.

Вообще, мама у Лады мировая была, совсем не похожая на свою унылую анемичную дочь. Женщина-огонь. Это она уговорила Ладу дать судьбе шанс: исторический факультет МГУ никуда не убежит, можно годик пропустить, а вот такого предложения второй раз никогда не будет.

В Милане девушек поселили вместе – в большой съемной квартире, где, помимо них, жили еще двенадцать моделей из разных стран. Это был Вавилон какой-то. Поспать невозможно, в туалет спокойно не сходишь, постоянно кто-то ссорится, кто-то ворует

твои чулки и прокладки, а кто-то занял душ на полчаса, хотя на стене губной помадой на всех языках мира написано: «Не больше 10 минут!»

Жизнь модели сказкой не назовешь. Сон урывками, утренний лед на лицо, постоянное чувство голода, пять-семь кастингов в день. Показы с их суетой и толкотней. Безденежье и безвестность.

Вроде бы и у Лады, и у Марианны было много работы, но денег вечно не хватало. Ничего толком позволить себе не могли, хотя вокруг было так много соблазнов.

Марианна еще как-то сориентировалась и иногда ходила на свидания с состоятельными мужчинами, которые дарили ей сумочки «Гуччи» и селективные духи. Лада же в этом смысле была кремень. Снежная королева, к которой не подступиться.

Конечно, через год ни о каком историческом факультете МГУ никто и не вспомнил. Модельная жизнь затянула, как топкое болото. После Милана была Москва, контракт с самым крупным агентством. Съёмки покрупнее – обе иногда даже появлялись на обложках глянца, обе снимались для русских версий «Вог» и «Космополитен». Обе отправились на два года в Нью-Йорк и вернулись уже моделями с кое-каким международным статусом. Не топ-моделями, но все-таки.

У девушек по-прежнему не было ничего общего –

дружба оставалась вынужденной. Но обе друг к другу привыкли, притерлись с годами.

Обе были не подлые и не завистливые – большая редкость для модельного мира.

Обе мечтали задержаться в модельном мире на всю жизнь, однажды переключившись на другую сторону сцены. И первый бизнес у них был общим – еще в середине нулевых девушки организовали модельное агентство с плюс-сайз моделями, диковинка для российского рынка. И вроде бы даже процесс пошел, но в итоге не сработались.

Марианна была более циничная, она не гнушалась отправлять своих девушек на свидания с выгодными партнерами, Лада же такое на дух не переносила.

Агентство закрылось, но дружбу они ухитрились все-таки сохранить.

И вот теперь Марианна занималась конкурсами красоты, а у Лады было пиар-агентство, организующее крупные модные мероприятия.

Женщины похвалили внешний вид друг друга, заказали невесомые салатики с копченым угрем и по бокалу свежего грейпфрутового сока, а потом каждая рассказала о своих делах. Лада – о фотопроекте в Лондоне, которым занималось ее агентство. Марианна же ни о чем, кроме надвигающейся «Мисс Страны», гово-

рить давно не могла, как мама грудничка, всем впаривающая информацию о своем драгоценном малыше.

– Представляешь, Лада, в какую неловкую ситуацию я попала, – пожаловалась она, отхлебывая сок и делая вид, что не замечает устремленные на нее взгляды других посетителей ресторана. – Мой главный спонсор, Вертинский, прислал участвовать проститутку!

– Да ты что? – ахнула Лада. – Прямо настоящую проститутку? Из борделя?

– Вот именно! Никогда у меня такого не было. У моих конкурсов все-таки репутация! А отказать не могу.

– А я тебе всегда говорила, что ты выбрала опасную дорожку, – поддела Лада, – занималась бы только моделингом, и не было бы никаких проблем.

– А если бы у бабушки был ковш, она была бы экскаватором, – рассмеялась Марианна. – Девушка та, конечно, не дура – лицо особо не светила. Но если я легко навела справки, значит, и любой журналист сможет. А Вертинский настаивает, чтобы именно ей отдали главную корону.

– Она хоть хорошенькая, эта проститутка?

– Вполне. Я бы сказала, если бы не этот момент, у нее был бы честный шанс. Но представляешь, что будет с «Мисс Страной», если такое раскопают? Я не должна этого допустить!

– Слушай, ну твой Вертинский – старый бабник. Неужели он так любит эту проститутку?

– Да какая там любовь, просто в голову себе вбил. Ему нужно, чтобы всегда все было так, как он решил. Все время у меня контакты других девушек просит, постоянно с кем-то встречается!

– Так подложи ему кого-нибудь еще! Других участниц. Подбери девушку поумнее. Может быть, он сменил фаворитку.

– Единственное, что и остается... Ох, Лада, если бы ты знала, как я устала от всего этого... Вот закончится «Мисс Страна», поеду чистить перышки в Кералу. Хочешь вместе?

– Надо подумать. Хотя я не фанат Индии, там так грязно...

– Ты же придешь на «Мисс Страну»? О, а хочешь в жюри?

– Я?

– А что? Ты в прошлом известная модель, многие тебя помнят. Мне нужны медийные лица.

– Хм... Наверное, это было бы любопытно. Заодно посмотрю на твоего Вертинского и на эту проститутку.

– На мой крах, ты имеешь в виду.

– Не переживай, подруга! Мы что-нибудь придумаем!

Вертинский снова позвонил, когда Марианна лежала на кушетке массажиста, стиснув зубы от боли. Трижды в неделю она посещала баийского врача, который работал с ее телом так, словно она была не живым человеком, а пластилиновой куклой. Добровольная инквизиторская пытка, пятьсот долларов за сеанс. Ее тело гнули, как на дыбе, тянули за руки и за ноги, мяти складки кожи, скручивали, вытягивали. Иногда она не выдерживала и начинала тихо плакать от боли. Но дело того стоило – в ее сорок четыре у Марианны была фигура двадцатилетней девушки. Конечно, массаж – лишь часть программы, тут и питание, и силовые тренировки через день, и сальса с личным преподавателем, и йога-ретриты, в которые она иногда уезжала, отключив все номера.

Зазвонил телефон, и Марианна сделала массажисту знак – надо остановиться.

– Душа моя! – В голосе Леопольда Вертинского было столько силы и энергии, что она невольно позавидовала такому неиссякаемому внутреннему ресурсу.

Вот что значит врожденное жизнелюбие. А может быть, побочный эффект абсолютной сытости.

– Привет, мой дорогой! Как твоя Аргентина?

– Видел ее преимущественно из окна авто. Зато партнеры сводили меня в закрытый танго-клуб. Ничего общего с традицией, но все танцовщицы – голые!

Видела бы ты эти формы, я едва не влюбился.

– Ты не исправим.

– Душа моя, я посмотрел фотографии. Честно говоря, в этом году вяловаты девушки. В прошлом были поярче.

У Марианны сильнее забилося сердце. Фотографии для Вертинского ей помогла подобрать Лада. Она работала с портретами девушек, как математик с формулами, пытаюсь вычислить ту, которая займет в сердце Вертинского место сомнительной Наташи. Лада ставила на девушку из далекого села Выдрино, приславшую свои фотографии в самый последний момент. У нее было необычное имя – Сандугаш. Фантастически хороша собой, редкая неотшлифованная красота, но Марианна вряд ли допустила бы ее до второго тура, потому что девушка была слишком непрофессиональна и держаться перед камерой не умела вовсе, хоть и старалась изо всех сил.

– Просто ты смотришь с точки зрения голодного мужчины, – не расстроилась Марианна, – а если посмотреть на возможные перспективы в моделинге, в этом году как раз много интересных лиц.

– Меня заинтересовали только четыре девчонки. Я тебе сегодня пришлю список. Но одна – особенно. Проконтролируй, пожалуйста, чтобы она точно попала на отбор. Я приду посмотреть. Хочу убедиться, что

в жизни она такая же крышесносная.

– Да? – нахмурилась Марианна, вспоминая лица участниц, которых было так много, что в ее восприятии они слились в одно прекрасное лицо. – И кто же?

– Ее легко будет найти. Имя необычное – Сандугаш.

– Сандугаш? – «Бинго! Бинго! Ладка все-таки такая умная!» – внутренне возликовала она. – Я такую вообще не помню.

– А зря. Душа моя, у меня параллельный звонок, все, помчался. Проконтролируй, чтобы эта Сандугаш была на кастинге в субботу.

– Хорошо, конечно.

А разве она могла сказать «нет»?

Марианна повесила трубку и закрыла на своем ноутбуке папку «Второй тур». В этой папке содержались фотографии ста пятидесяти счастливиц, которым в одну из ближайших суббот выпадет шанс лично показать себя хозяйке известного московского модельного агентства. Девушки из разных уголков страны – многие из них специально прилетят в столицу, чтобы несколько минут покрутиться на сцене дома культуры, в котором будет проходить кастинг. В финальный тур – его покажут по нескольким телеканалам, и девочек к нему будут целый месяц готовить в закрытом пансионе – попадут всего двадцать пять человек.

Марианна отправилась в офис, где ее ждала взмыленная от напряженной суеты Оля. Последние недели перед «Мисс Страной» – это сумасшедший дом и ад в миниатюре. Столько всего надо сделать – выбрать преподавателей, которые будут заниматься с девчонками в пансионате, заключить с ними трудовые договоры... Фитнес, танцы, вокал, подиумный шаг, актерское мастерство, техника речи. И это только оправа, потому что самое главное – конкурс с его регламентом. Нужно отрепетировать каждый выход, девушки должны стать дружной командой (что очень сложно, поскольку все они – конкурентки, готовые с кровью вырвать у соперницы кусочек своего счастья, красивой жизни). И на это есть всего один месяц – так ничтожно мало!

Глава 8

Правильно говорят мудрецы, что вслед за темной полосой всегда идет светлая. В начале второй московской недели Сандугаш позвонили из офиса «Мисс Страны».

Она прошла! Прошла «слепой» отборочный тур, ее фотографии понравились!

Впереди кастинг – она должна будет пройтись по подиуму в купальнике, чтобы можно было увидеть качество ее тела. И еще рассказать о себе в микрофон, ведь очень важно, чтобы финалистка «Мисс Страны» была харизматичной и неглупой, а не просто красивой оболочкой без личного обаяния.

Поговорив по телефону с менеджером конкурса, Сандугаш даже взвизгнула от радости и пустилась в пляс по квартире. Такая реакция ей была несвойственна – она всегда считалась сдержанной и холодноватой. Даже Мила на эти вопли из ванной выбежала. Мокрые волосы спрятаны под тюрбаном из полотенца, на лице – какая-то зеленая глина.

Сандугаш в порыве бросилась к ней и обняла, закружила по комнате, как плюшевого мишку – она была намного выше и сильнее соседки.

– Меня взяли! Представляешь?! Фотографии по-

нравилась! Первый тур позади, осталось самое легкое!

– Легкое?! – удивилась такой реакции Мила. – Ну ты даешь, мне бы твое мировоззрение. Наоборот же, остались одни «блатные» и массовка. У тебя по-прежнему нет знакомых среди спонсоров конкурса?

– Нет!

– Значит, ты – массовка! – весело подытожила Мила. – Опыт тебя ждет, конечно, интересный, но я бы на твоём месте не обольщалась и целью ставила не победу в конкурсе, а знакомство с кем-нибудь из спонсоров. Конкурс забудется, а правильный мужчина сможет вывести тебя в такой мир... такой... – Мила мечтательно зажмурилась.

Сандугаш спорить с ней не стала. Кесарю кесарево. Но в тот вечер она засыпала абсолютно счастливой.

А на следующий день – новая удача. Ей наконец удалось найти работу!

Получилось странно – как, впрочем, и всё в её жизни. Был ранний вечер, за спиной – очередной бессмысленный, безрезультатный день. Ещё и Костя её расстроил. Сандугаш наконец удалось до него дозвониться, но трубку его личного мобильного почему-то взяла Марина, жена. У Сандугаш сердце ухнуло: а вдруг с ним совсем плохо? Вдруг она не успела?!

– Что с Костей?! Он в больнице? – выпалила она.

– Кто это? – удивилась Марина.

– Это... его знакомая! Он мне машину чинил, – на ходу придумала Сандугаш, – и вот опять полетели... свечи!

– Так и звоните в мастерскую, – немного раздраженно сказала Марина, – а сегодня у Кости вообще-то выходной. У нашей дочери день рождения.

– Так с ним все в порядке? – немного успокоилась девушка. – Он дома?

– Странная вы какая-то. А что с ним должно быть не в порядке?

– Ну... Он же... Впрочем, неважно. А можно с ним поговорить? – осмелела Сандугаш. Интересно, Костя уже рассказал все Марине или только осторожно готовил почву?

– Девушка, я вам русским языком сказала – в мастерскую завтра звоните. Можете и сегодня. Там его сменщик, починит он вам все.

– И все-таки позовите Костю. На минуточку.

– Да пошла ты в жопу! – Марина отсоединилась.

«Нервная какая, – вздохнула Сандугаш. – Видимо, все-таки он с ней уже поговорил».

Настроение немного испортилось, и чтобы развеяться, Сандугаш отправилась прогуляться по темному городу. Заварила в дорогу крепкий чай с молоком в термосе. Чай с жирным молоком хорошо отби-

вает аппетит. И вот она бесцельно бродила по улицам, пока вдруг не вышла к какому-то зданию и не уткнулась в тяжелую дверь с красивой литой ручкой. А на двери – объявление.

В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ МАСТЕРСКУЮ
ТРЕБУЮТСЯ НАТУРЩИЦЫ.

ПОЛНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ, ОПЛАТА – 300
РУБЛЕЙ В ЧАС.

И номер телефона.

Сандугаш подсчитала мысленно, и у нее радостно забилось сердце. Если полный рабочий день – получается неплохая сумма! Не только на выживание, но и на излишества. Можно и фотографии хорошие модельные сделать, и сувениры московские братишкам купить, и в Большой театр сходить, и Миле подарить пудру, о которой она каждый вечер мечтает вслух. Сандугаш тут же и позвонила.

– Я готова выйти в любой момент! У меня очень хорошая фигура. И говорят, что интересное лицо. Я модель, участница конкурса «Мисс Страна»! Возьмите меня!

– Стоп-стоп, сколько страсти! – рассмеялась женщина на другом конце линии. – Приезжайте, «Мисс Страна», посмотрим на вас.

– А можно я прямо сейчас приеду? Да я, если честно, перед вашей дверью уже стою!

– Ого! – восхитилась собеседница. – Вот это хватка. Я вообще уже собиралась домой... Ну ладно, заходи. Охраннику скажешь, что в мансарду, в мастерские, к Малининой.

Хозяйка художественных мастерских, Инна Малинина, оказалась колоритной дамой слегка за пятьдесят. У нее были блестящие черные волосы, подстриженные «под Мирей Матье», мясистые африканские губы, подчеркнутые темно-красной, как венозная кровь, помадой, и трогательные усики над ними. Она была высокая и статная, хотя каноны современной красоты относили такой типаж к почти толстушкам. Широкие плечи, выступающий вперед круглый, как у палеолитической Венеры, живот, мощные бедра амазонки. На ней были вязаные желтое платье и желтый берет с янтарной брошью в виде массивной грозди винограда. Широкий красный кожаный пояс, зеленые сапоги. И зеленый шейный платок в каких-то мухах и стрекозах. Такое буйство цветов, что хотелось сделать шаг назад и зажмуриться. Но это было красиво и очень необычно. От женщины пахло сладкими духами и масляной краской, которая, казалось, впиталась в каждую ее пору.

– Меня зовут Сандугаш, – немного застеснявшись, представилась девушка. – Возьмите меня к вам работать, пожалуйста. Я усердная. И на месте могу хоть

весь день без движения сидеть. У натурщицы же такая работа?

– А что, у тебя был опыт работы натурщицей? – Инна рассматривала ее, впиваясь взглядом в каждую деталь.

Сандугаш отрицательно помотала головой.

– Но я быстро научусь! Я вообще все на лету схватываю.

– Откуда же ты тогда можешь знать, что тебе будет легко усидеть весь день на месте? Это тяжелая работа, не для всех.

– А у меня отец – шаман! Он меня медитировать учил. И еще я йогой сама занималась. Знаете, есть такая медитация – випассана. Когда человек дает обет молчания, и это длится больше недели. Ты просто сидишь в позе лотоса целыми днями и слушаешь себя. Считается, что это чистит душу.

– Любопытная ты девушка, Сандугаш... А то, что натурщицы голыми работают, тебя не смущает?

– Нет. Это же не для фотографии. А так, нагота – это естественно, зачем ее стыдиться?

– Ладно, что с тобой поделаться... Давай так – ты придешь завтра к двенадцати утра. Мы подпишем трудовой договор, пока на неделю, а там посмотрим. Но предупреждаю, тут у нас не синекура. У меня четыре мастерских, я их сдаю в аренду группам и под семина-

ры. Некоторые занятия сама веду. Поточность очень большая. У меня натурщиками еще два человека работают. Остальные не задержались. Хотя коллектив тут дружный. Сессии по три часа – потом можно минут пятнадцать передохнуть, попить кофе, тело размять. И опять на подиум. Расчет – в конце каждого дня. Тебя это устраивает?

– Да! – Сердце Сандугаш пело. – Я приду завтра!

От радостного возбуждения ей не спалось почти всю ночь. Не могла поверить в такое везение. Она, девочка из села Выдрино, нашла наконец в Москве приятную работу, на которой есть шанс хорошие деньги получать! А еще Сандугаш решила, что экономить теперь не стоит, можно потратить последнее, и на все оставшиеся копейки накупила еды: курицу-гриль в палатке у метро, пирожные-корзиночки с грибочками из теста, крупные мясистые помидоры, ароматное подсолнечное масло, свежий калач из французской пекарни.

Мила удивилась, увидев такое великолепие – она привыкла, что соседка с хлеба на воду перебивается. Сандугаш ее, конечно, угостила, хоть та и сопротивлялась – не любила быть обязанной. Новость о трудоустройстве соседки Мила восприняла без щенячьего энтузиазма:

– Ну что это за работа? Голой перед мужиками си-

деть. Они, поди, туда вообще дровичь ходят.

– Вот ты смешная! Они художники! Вообще по-другому на тело смотрят. Почти как врачи. Смотрят на тело, а видят мускулы под кожей.

– Извращенцы, – буркнула Мила, которая слегка завидовала Сандугаш, хоть никогда бы в этом самой себе и не призналась.

Ну надо же, она годами тут выживает, крутится за копейки, а эта выскочка едва приехала, и у нее уже постоянная работа за триста рублей в час. Это, на минуточку, почти две с половиной тысячи за рабочий день! Вдвое больше, чем зарплата администратора в салоне красоты!

Сандугаш видела, что происходит в душе Милы. Да и что там разглядывать – все эмоции на ее хорошеньком простодушном лице написаны. Но не обиделась.

Сама она завистливой не была. Вообще не понимала, какво это – сравнивать себя с кем-то другим, да еще и в таком болезненном и саморазрушительном контексте. А тем, кто завидует, она скорее сочувствовала.

Отец говорил: «Зависть душу разъедает, как кислота. Это самое плохое, что может быть для души».

Поэтому Сандугаш хотелось как-то утешить Милу, ободрить. Она старалась положить в тарелку подруги кусок курицы получше – грудку, белое мясо.

На следующее утро Сандугаш пришла в мастерские на полчаса раньше назначенного времени. Нельзя сказать, чтобы она совсем не волновалась – все-таки раздеться перед толпой... на это смелость нужна. Или привычка.

Инна пожалела Сандугаш и в первый рабочий день поставила ее в женскую группу, чтобы девушка легче адаптировалась к работе. Группа была небольшая и дружная – семь художниц разных возрастов. Все семь были чем-то неувовимо похожи друг на друга и вместе напоминали стайку тропических птиц. Горластые, диковинные, в ярком оперении. Они много курили, много смеялись и в процессе работы все время переговаривались. Вроде бы разговоры обычные, будничные – о мужьях, любовниках, распродажах, – но их словарный запас, метафоричность мышления превращали болтовню почти в произведение искусства. На Сандугаш они внимания не обращали, не принимали ее в расчет, как будто девушка была мебелью.

Она сидела на стареньком, выкрашенном зеленой краской стуле, обнаженная, одна нога согнута в колене, другая вытянута вперед. Если и смущалась, то только в первые минуты, потом поняла, что никому нет дела до ее наготы. Ее тело интересовало всех только как то, что может помочь создать объект искус-

ства, а на саму Сандугаш всем вообще наплевать.

Первые три часа прошли легко – эффект новизны.

В перерыве она набросила на плечи принесенный с собой халат и заварила растворимый кофе. В мастерских было помещение для отдыха – кухонька с диванчиком и ковриком для йоги, где натурщики могли расслабиться и прийти в себя между сессиями.

В первый же перерыв Сандугаш познакомилась с коллегами. Их было двое – мужчина и женщина.

Мужчину, вернее молодого парня, звали Валерий, и он был похож на Аполлона. Литые мускулы, золотые кудряшки, точеное лицо, которое, правда, немного уродовала печать самодовольства. Эгоизм не украшает мужчин. Валерий посмотрел на Сандугаш, как домашний кот на дворового, и сразу сообщил, что он тут ненадолго, его цель – стать стриптизером в самом дорогом ночном клубе Москвы (он произнес название, но у Сандугаш оно тут же вылетело из головы). Стриптизер может и двадцать тысяч долларов за ночь сделать, если правильно себя подаст. Он, Валерий, рожден для роскоши и уверен, что у него все получится. Но надо потерпеть. А пока он учится в институте физкультуры и подрабатывает здесь, в мастерских, чтобы платить за съемную комнату и абонемент в солярий.

Вторую натурщицу звали Соня, это была тихая кругленькая девушка в очках с толстыми стеклами. По-

смотришь на такую и никогда не скажешь, что ее работа – за деньги раздеваться. Скорее Соня была похожа на учительницу начальных классов или библиотекаршу. Незаметное лицо, брекеты на выдающихся вперед крупных желтоватых зубах, мышинового цвета негустые волосы, короткие ноги, зато грудь красивая – тяжелая и пышная. Эта грудь была узнаваема – смотрела со многих эскизов, висевших в коридорах. У Сони тоже была интересная судьба – она писала книгу. Сагу о вампирах в пяти томах. Тема вампиров вышла из моды, издательства не хотели даже синопсис прочитать – в этом была Сониная трагедия. Но она верила, что однажды все изменится, а пока она должна всего лишь закончить рукопись. Когда она позировала художникам, у нее было отстраненное лицо, потому что на самом деле ее душа отсутствовала – Соня прокручивала в голове диалоги, главы и сюжетные повороты.

К концу дня Сандугаш уже не была такой веселой: у нее страшно болела спина. Когда в метро не оказалось свободных мест, она даже едва не расплакалась. Казалось, сейчас она развалится – по косточкам, как карточный домик. А ведь завтра – новый день, который она опять должна провести в мастерских.

...В ночь перед кастингом Сандугаш снова при-

снился Белоглазый. Он приняховивался, а она пряталась от него за кустами. Наконец он учуял, довольно облизнулся, сделал шаг вперед, другой... Сандугаш начала пятиться и обнаружила, что сзади вода. Байкал. Но от волка не убежишь, одна надежда – что Байгал-далай защитит... Больше на помощь ждать некого... Когда Сандугаш стояла уже по бедра в ледяной воде, волк неспешно достиг кромки. Фыркнул: ему было неприятно мочить лапы. Затем напряжился и прыгнул...

Сандугаш проснулась за миг до того, как волчьи челюсти сомкнулись на ее руке, вытянутой вперед в безнадёжной попытке закрыться.

Оказалось, коротковатое одеяло она натянула на голову, а ноги озябли, вот и приснилось, что стоит в воде.

Однако такого ужаса во сне она не испытывала давно. Ее еще долго трясло, и она никак не могла уснуть, хоть и уговаривала себя, что надо, просто необходимо выспаться и быть свежей.

Глава 9

У привязанной к кровати обнаженной девушки уже не было сил кричать – она только слабо постанывала. Слезы, смешиваясь с косметикой, катились по щекам. Свист плетки, удар, еще удар. Очередная красная полоса на ее белой коже. Она хотела сказать – прекрати, хватит. Но у нее во рту были ее же собственные скомканные трусики, и выплюнуть их просто не хватало сил.

Мужчина в черной водолазке и дорогих серых брюках замер на минуту, рассматривая свою жертву. Он был красив, как киноактер. Высокий, плечи широкие, богатырские; темные, чуть вьющиеся волосы зачесаны назад, возле лба – одинокая седая прядь. Темные глаза, крупные правильные черты лица. С такой внешностью легко можно сделать карьеру в Голливуде.

Девушка плакала и умоляюще смотрела на него. Зря, беспомощный взгляд только распяляет воображение. Хочется работать с ней дальше, нащупать ее границы. Довести ее до такого состояния, когда боль перестает восприниматься остро и становится рекой, по которой медленно уплываешь. Когда ощущения настолько спутаны, что уже и непонятно, боль это или

наслаждение. Сознание меркнет, и она подходит к самой черте, за которой ее личная темнота. Именно это и заводило Федора Птичкина больше всего на свете. Он чувствовал себя проводником, шаманом, Хароном. В такие моменты он был всесильным, способным обеспечить женщине такое состояние, которое навсегда изменит ее сознание и жизнь. Это было намного лучше и ярче, чем секс.

Девушку звали Аня, ей еще не исполнилось двадцати лет. Она была прехорошенькая – похожа на Лукрецию Борджиа, какой ее изображали портретисты. Лицо сердечком, нежный румянец, золотые кудрявые волосы. Воплощенная беспомощность. Самое привлекательное, что может быть в женщине.

Федор занес руку, мгновение помедлил, наслаждаясь испугом в глазах. И плеть со свистом опустилась на ее бедро. После этого свидания Ане придется несколько месяцев восстанавливаться.

А начиналось все так хорошо. Аня работала манекенщицей, и на каком-то кастинге случайная знакомая рассказала, что есть в Москве сумасшедший миллионер, который готов щедро заплатить девушке за сеанс порки.

– Ого! Как в «Пятидесяти оттенках серого»? – развеселилась Аня, далекая от мира сексуальных извра-

щений.

– Почти. Порет, говорят, жестоко, но все равно многие хотят к нему попасть. Во-первых, он живая легенда. Настоящий Синяя Борода! Красив так, что бабы голову теряют. И умен – там и МВА по финансам, и образование искусствоведа. А деньги тратит так, как будто он срет ими!

– Скажешь тоже! – Аня прыснула в кулачок, натягивая колготки.

Дело было в крошечной примерной после одного из сотни заштатных показов мод, которые проходят по пятницам в Москве. Торопиться было некуда, Аня уже получила свой гонорар – пятьдесят долларов. Некоторые девушки после показа собирались отправиться в бар, повеселиться в честь пятницы. Но не она. Слишком много забот. У Ани два года назад отец умер от инфаркта, мама осталась одна с тремя детьми и зарплатой офис-менеджера. Аня гордилась, что помогает семье как может. Востребованной моделью она не была и понимала, что никогда не станет. Немодный типаж – слишком круглое лицо, слишком маленький рот, слишком покатые плечи. Но на кусок хлеба с маслом заработать ей удавалось. Отсутствие данных восполнялось трудолюбием.

– А я к чему это рассказываю... просто ты идеально вписываешься в его типаж.

– Я?!

– Ну да. У тебя кожа белая. Его главный фетиш – белая кожа. И чтобы никакого силикона и гиалуронки. Естественная красота. Интересует?

– Быть избитой за деньги? Нет, вряд ли.

– Да сходи с ним кофе выпить. Что ты теряешь? Он расскажет условия, на месте и разберешься! – уговаривала знакомая.

– А тебе какой с этого интерес? – подозрительно спросила Аня. – Почему пытаешься мне впарить этого миллионера?

Девушка честно призналась:

– Да он мне процент обещал. Если ему понравится девушка, которую я прислала, триста долларов даст. Мне не лишние.

– Сколько? – удивилась Аня. – Триста долларов просто за то, что ты познакомила? Сколько же получит та, которая ему понравится? Если согласится на... хм... порку?

– Три тысячи минимум. Это самая низкая его планка, если девушка никакая. Просто за состоявшееся свидание. А если ему понравится, может дать и пять, и десять.

– Сказки какие-то!

– Вот его визитка. – Знакомая сунула ей в руки прямоугольник из толстой золоченой бумаги. – Набери.

Только не забудь сказать, что это я дала контакт!

– Ладно, я подумаю...

Весь вечер Аню не отпускала мысль о трех тысячах долларов, которые можно получить вот так запросто. Несколько часов потерпеть – и шальные деньги у тебя в кармане. Конечно, история мутная, как хроника криминальных новостей о маньяках-извращенцах. Аня задумалась: до чего же несправедливо распределены на этой планете ресурсы. Почему кто-то может за свое минутное удовольствие заплатить столько, сколько иные и за полгода не зарабатывают? Ох, не помешала бы ей такая сумма... Она и платьев новых купила бы, а то ходит по кастингам в старье. Маму сводила бы к хорошему кардиологу, сестренку записала в кружок фигурного катания, как та мечтает. А брата отправила бы на скалодром.

На следующий день Аня решилась. В конце концов, если она встретится с обладателем визитной карточки, ничего страшного не случится. Это не будет автоматически означать, что она подписалась на экзекуцию. А может быть, это вообще шутка. Может быть, девочки ее разыграть решили. Прощупать, так сказать, границы ее этики.

Немного волнуясь, Аня набрала номер.

Федор Птичкин ответил после первого же гудка, как будто ждал ее звонка. Голос у него оказался прият-

ный – низкий и бархатный.

– Здравствуйте... Это Федор?

– Вероятно, раз вы ему звоните. Кто это?

– Меня зовут Аня... Мы не знакомы, но...

– Хватит мямлить. Что вам от меня надо?

– Ваш номер дала мне знакомая, Вера Куролесова, манекенщица... Она сказала...

– Всё понятно, – перебил Птичкин. – Рост, вес?

– Что?

– Последний шанс. Ненавижу тупых даже больше, чем ханжей. Ваш рост и вес.

– Сто семьдесят три сантиметра... Пятьдесят килограммов... А...

– Сойдет. Через полтора часа на «Пушкинской», успеешь? Я буду ждать на углу Тверской и Страстного бульвара. Черный «BMW».

И отсоединился. То ли верил в свой природный магнетизм, то ли был избалован отсутствием отказов, то ли просто не парился, придет Аня на свидание или нет.

Ей не очень понравился разговор. Она растерялась, ступевалась. Не умела общаться с такими агрессорами. Ане было неуютно, и она чувствовала себя полной дурой. Но все-таки решила пойти.

Готовилась недолго – три года работы в модельном бизнесе научили ее собираться по-солдатски, за

десять минут. Высыпала на волосы немного сухого шампуня, расчесала. Выбрала шерстяное синее платье и простую черную куртку. Немного светлой пудры, немного блеска для губ, капелька лавандовых духов.

Черный «BMW» оказался там, где и было обещано. Подходя, Аня попыталась разглядеть лицо водителя, но тот был в темных очках. Федор Птичкин ждал ее на пассажирском сиденье сзади. Он почему-то сразу ее узнал, хотя Аня свою внешность по телефону не описывала. Чутье зверя. Едва она приблизилась, он открыл дверцу, и девушке ничего не оставалось, как сесть в салон.

Красота миллионера произвела на нее впечатление – в Москве такое встретишь нечасто. Московские мужчины избалованы гендерным перекосом и, как правило, теряют остатки лоска уже к сорока. Считают, что и так сойдет. И в чем-то они правы – женщины в этом городе голодные, готовые воевать за мало-мальски годного самца. Птичкину было под пятьдесят, но возраст его не портил и даже, наоборот, придавал пикантности. Его лицо было спокойным, а взгляд – жестким, Аню он рассматривал без улыбки, как вещь в магазине.

– Ты ведь знаешь мои тарифы?

– Мне сказали, но это так странно... Я никогда ни-

чем подобным не занималась.

– Меня твое прошлое не интересует. Я плачу три тысячи в любом случае. Если понравиться – дам чаевые. Большие чаевые. Все будет происходить в моем доме на Новой Риге. Обрати тебя отвезет такси, я плачу. Если тебя устраивает, покажи свое тело, и поехали.

– Что? – опешила Аня. – Я думала, мы сегодня просто познакомимся...

– Какого хрена мне с тобой знакомиться? – все так же беззлобно сказал Федор.

Грубые слова диссонировали с безразличным голосом. В этом было что-то притягательное. А может, просто Аня, как большинство русских женщин, была идеальной жертвой. Ее воспитывали как жертву. Подавляли с самого детства, поэтому к тому, кто мог потенциально ее измучить, она тянулась, как бабочка к светильнику. Нет, никакого семейного насилия – обычная модель воспитания, в которой девочка все время оказывается кому-то должна. Всё как у всех.

– Как я уже сказал, тупых не люблю. У меня сегодня свободный вечер. Если тебе интересно, поехали. Но сначала я хотел бы увидеть, что покупаю. Стекла тонированные, водитель привычный.

Первым порывом, конечно, было уйти, хлопнув дверью. Но три тысячи долларов. Но интрига. Но его

темная притягательность. Но ее нежный возраст и растерянность.

– Ладно...

Профессиональные манекенщицы не стесняются своего тела. Ане много раз приходилось и переодеваться в общей примерке перед кем попало, и участвовать в обнаженной съемке.

Она стянула через голову платье, завела руки за спину и расстегнула бюстгальтер. Потом сняла колготки и трусики.

Какой-то сюр. Она сидит совершенно голая в машине у незнакомого мужчины. Его холодный взгляд блуждает по ее телу. Ни возбуждения, ни радости любования. Как будто бы мясо на рынке рассматривает.

– Ноги раздвинь, – командовал Федор, – теперь повернись спиной и покажи задницу...

Аня делала все, как он сказал. Потом будет вспоминать и ругать себя – ну зачем, зачем? Какое-то неуважение к себе. Он словно загипнотизировал ее.

– Ладно. Можешь надеть платье, – наконец кивнул Птичкин. – Не фонтан, но мне подходит. Едем?

– А... во сколько я вернусь домой?

– Не раньше полуночи.

До Новой Риги домчали быстро. Дом у Птичкина был шикарный – трехэтажный особняк с подсвеченным крылечком. Дверь открыла горничная в формен-

ном платье – такая же эмоционально отстраненная, как и хозяин дома. На приветственную улыбку Ани она не ответила, хотя держалась вежливо, приняла ее куртку, проводила девушку в гостиную и принесла кофе с печеньем. Федор за ними не пошел.

– Если вы голодны, я могу предложить запеченную утку или какой-нибудь салат.

– Нет... Я поела...

– Тогда пойдемте. Я помогу приготовиться.

– Приготовиться? – смутилась Аня.

– Идемте, – поморщилась горничная.

Ее привели в подвальное помещение без окон. Простая комната. Шелковые темные обои, светильник из темного стекла, огромная кровать, под потолком – какая-то конструкция с цепями.

– Вам надо принять душ. Вот там. Полотенца все чистые. Голову тоже надо вымыть, он не любит духи. Там есть масло для тела, его можно использовать. Смазка там тоже есть. Если хотите, можете принять анальгин, в ванной есть аптечка и вода.

– Анальгин?

– Как хотите, – пожала плечами женщина, – некоторые девушки просят.

У Ани голова кружилась от необычности ситуации. Она была как во сне. Как будто кто-то другой управлял ее телом. Послушно разделась, бросила скомканное

платье на мраморный пол ванной. Постояла под теплыми струями, тщательно намазала тело маслом. В комнате было прохладно. Она села на краешек кровати, не зная, что делать дальше. Птичкин заставил ее ждать больше получаса.

И потом все тоже было как во сне. Он появился – все такой же холодный и отстраненный. Аня думала – прикоснется к ней, возможно, поцелует. Но он едва на нее взглянул. Кивком показал – ложись.

– Закрой глаза.

Аня подчинилась и сразу же почувствовала, как веревки впиваются в запястья. Ей это не понравилось. Только в тот момент она поняла, что даже не рассказала никому, куда направляется. Если ее и будут искать, точно не в этом доме. Она собиралась сказать, что ей надо позвонить, но не успела открыть рот, как Федор запихнул в него скомканные трусики.

А потом время остановилось. Один удар, второй, третий. Ей казалось, что она попала в один из кругов ада и впереди только наполненная болью вечность. Мысли о деньгах уже не радовали. Аня жалела, что ввязалась в это приключение, и мечтала только об одном – дожить до его окончания. В какой-то момент ей даже почудилось, что, если Птичкин убьет ее, окончив тем самым мучения, она не будет против. Вечное забытие все же лучше, чем эта боль.

Но ее не убили. Ровно в половине двенадцатого Федор отбросил в сторону плеть и ослабил путы на ее запястьях и лодыжках.

– Всё. Можешь принять душ. В аптечке есть бепантен и анальгин. Водитель будет ждать во дворе. Вот твои деньги.

Конверт он швырнул на кровать рядом с измученной распластанной девушкой.

– Здесь три, как и договаривались. Чаевых ты не заслужила. В третий раз повторяю, что не люблю тупых. А теперь пошла вон!

Аня была на грани обморока от боли, страха, унижения, у нее кружилась голова, ее мутило, и, видимо, поэтому ей вдруг почудилось, что у Федора Птичкина вместо лица – волчья морда, а глаза из карих превратились в светлые, светящиеся, будто из расплавленного серебра...

Часть вторая

Шаманка

Глава 1

Эта девочка была в семье единственным выжившим ребенком. И пусть дочка, а не драгоценный, желанный сын, для родителей она стала сокровищем. Родители были немолоды, и женская сила матери уже шла на убыль. Девятнадцать детей родила мать, но всех унесли или зимние ледяные ветра, или болотные туманы, или недобрый взгляд, или еще какое зло, порождавшее хворь в маленьких и слабых телах. Всех схоронили в лесу, завернув в ткань или в звериную шкуру и закрепив повыше на дереве, чтобы легче маленькой душе было улететь, чтобы быстрее вернулась в семью... Всех схоронили, одна лишь девочка осталась.

И она тоже хворала тяжело: кашляла, горела, слабела, есть совсем не могла, даже молоко не пила уже. Родители понимали, что потеряют и эту. Заморозил нежный росточек зимний ветер, отравил болотный туман, не уберегли от злого взгляда...

И тогда отец решился отнести дочку к шаманке. Прежде сопротивлялся, не хотел.

Шаманка приходилась ему двоюродной бабкой, девочке – прабабкой, была стара, но еще не имела ученика, которому передала бы науку вызывать духов для помощи людям. Жила шаманка в лесу, уединенно, в хорошем богатом доме; все у нее было, потому что люди ей приносили и одежду, и обувь, и утварь, и пищу, ведь она была сильной шаманкой, ее почитали и боялись. Пожалуй, боялись даже больше, чем почитали, и обращались к ней лишь в самом крайнем случае. Но дары несли непрерывно, чтобы ни в чем не знала недостатка и не гневалась.

А когда шаманка приходила в село, она все к детям приглядывалась. Искала себе ученика и наследника среди детей своей крови, среди потомков давно уже умерших братьев и сестер, проживших простую человеческую жизнь, соединивших судьбу с другим человеком, породивших людей. Тогда как она, шаманка, сплела судьбу с духом грозной Росомахи, и не могло быть детей у этого союза, ибо не живое тело сошлось с живым, а, отбросив тело, воспарил дух и с другим духом слился. Но умереть, не найдя себе ученика, не передав знания, она была не вправе. И вот искала, пристально высматривала.

Все в деревне надеялись – возьмет мальчика, и бу-

дет лет через двадцать у них шаман. Шаманы – они добрее шаманок, потому что меньше отдают, могут лечь с женщиной, от них родятся дети, ведь духи не так их ревнуют.

Но шаманка выбрала девочку. Последнюю дочь у несчастных родителей... Захотела ее забрать к себе в лес, обучить, сочетать браком с духом и лишит будущего, настоящего дома, мужниных объятий и счастья взять на руки новорожденное дитя.

Родители отказывали шаманке, сколько могли. У них же единственная девочка, а род большой, вон сколько детей, пусть любого берет, и другие родители за честь почтут, будут рады! А у них единственная... Они мечтали ее вырастить в ласке и неге, выдать замуж за хорошего человека и еще внукам порадоваться.

А теперь девочка умирала.

Родители знали: шаманка не виновна в ее болезни. Злая она была, жестокая, но против своих людей никогда не обращала силу Росомахи. И не откажет в помощи, если попросить. Но затребует плату. Известно какую. Девочку. Их девочку – себе в ученицы.

Родители знали: девочка умирает. Так же, как умерли ее братья и сестры. Кровь кипит в ее теле, да так, что не хватает сил дышать, захлебывается она воздухом, задыхается в кашле и выплевывает кровавую

пену...

Родители надеялись, молили предков, держались, сколько могли.

Но когда у девочки пошла горлом кровь, они переглянулись молча и, не произнеся вслух ни слова, сообща решили: пусть лучше живет с шаманкой, пусть станет шаманкой, будет злой возлюбленной свирепого духа, но только пусть живет! А они хоть издали на нее посмотреть смогут. Мать сама завернула малышку в меховое одеяло и протянула отцу. И отец молча унес дочь из дома...

Шаманка девочку забрала, а отца вытолкала грубо, как попрошайку.

А потом началась метель, хотя казалось, зима уже на тепло поворачивает. Семь дней такой ветер, что из дому не выйдешь, с ног сметает. Лишь рукавицей прикрывшись, мелкими шажками добирались до стойла, чтобы коров и коней обиходить. Семь дней и семь ночей выл и бесновался ветер.

Наутро восьмого дня утих в мгновение, и рассвет был золотисто-розовый, нежный и радостный. Даже мать, семь дней плакавшая по своей девочке, улыбнулась сквозь слезы, такая была вокруг красота. А отец взял последнего копченого гуся, туесок с пластинами сушеных ягод, пачку табака – настоящего, городского, покупного, в бумажной коробочке с надписью, ко-

торую сам не мог прочесть, потому что был неграмотный, и с картинкой, изображающей русского генерала на белом коне, – и отнес все эти дары шаманке.

Снега намело – высоченные гладкие сугробы, ослепительно сверкающие на солнце. Отец первый нарушил целину, протоптав дорожку от деревни к дому шаманки, и еле пробился даже на широких своих снегоступах. Постучался в двери робко. Ожидал, что шаманка его прогонит, собирался покорно оставить дары на пороге.

Но шаманка его впустила, только палец ему к губам приложила: тихо, молчи! В доме у нее было жарко натоплено, густо пахло травами, причем запахи ему, опытному охотнику, были незнакомы. На просторной, мягкой лежанке, среди множества подушек, вышитых в подарок шаманке, под красивым стеганым одеялом лежала его девочка. Живая.

Личико ее было бледным, зато не горело уже тем лихорадочным, жутким, предсмертным румянцем, который он так хорошо знал по всем своим потерянным детям, и губы ее не выглядели спекшимися, и темные круги возле глаз посветлели и почти слились с тенью, отбрасываемой ресницами. Отец чуть не заплакал от счастья, но все же смог сдержать слезы. А шаманка забрала у него из рук подарка и вытолкала его, тыкая костлявыми пальцами в плечо, в спину... Вытолкала,

как он и ожидал. Но ушел он счастливым. Он теперь поверил, что девочка выживет.

Родители успели примириться с тем, что потеряли дочь, и никак не могли нарадоваться тому, что шаманка отняла ее у смерти, когда случилось еще одно чудо, совсем уже нежданное. Через полтора месяца после той снежной бури, когда снег сошел везде, кроме леса, когда водяные лошади из Байгал-моря начали играть и взломали хребтами лед, когда дороги успели раскиснуть и снова подсохнуть, свежим и совсем весенним утром шаманка привела к ним девочку, одетую в новенькие, ручной работы сапожки, в уютную меховую шубку с капюшоном – и кто только все это для нее сшил? – привела, ласково подтолкнула к матери и сказала:

– Забирайте пока. Маленькая еще. Приведете, когда ее трижды призовет луна. Тогда приму и буду учить. Но помните: она моя. У меня на руках она умерла и заново родилась. И имя ее прежнее забудьте. Теперь ее зовут Алтан Гургалдай.

Мать так опешила, что даже забыла поклониться, а когда опомнилась, шаманка, хоть и старая, но легконогая, уже ушла вверх по деревенской улице. Девочка робко улыбалась, оглядывалась вокруг себя, заново узнавая родной двор, дом, стойла. Она выглядела совсем здоровой и дышала легко, беззвучно, как ды-

шат здоровые дети.

Мать попробовала на вкус новое имя:

– Алтан Гургалдай...

«Соловей». Птичка с золотым голосом.

А если коротко, то получится Алтан. «Золотая».

Мать обняла Алтан и повела ее в стойло показывать четырехдневную телочку, родившуюся у их лучшей коровы. А потом они вместе готовили шулэп в густом бульоне, мать зарубила курицу по случаю такого праздника.

То время, когда луна призовет Алтан, когда ее тело начнет меняться и ознаменует изменение ежемесячными кровотечениями, казалось настолько далеким, и счастье быть с девочкой казалось настолько долгим...

Мать почти не учила Алтан домашним женским хлопотам. Не больше, чем понадобится ей, чтобы одной жить в доме шаманки. Зато отец уделял ей больше времени, чем обычно отцы уделяют дочерям. Водил на берег Байгал-моря, рассказывал все важные легенды, которые должна была она знать.

Рассказывал, как когда-то в древности земля содрогнулась и разверзлась, из пропасти хлынуло пламя, сжигавшее все вокруг: и леса, и зверей, и людей. И люди просили духов своего рода, а те просили бо-

гов остановить бедствие, но небо не внимало их мольбам. И тогда, в отчаянии, почти сгорая, они закричали: «Бай, гал! Бай, гал!» – «Огонь, остановись!» И не боги вняли их мольбе, а сам новорожденный, еще пылающий в огне, еще безымянный... Он затушил огонь и принялся пить воду, и пил, пил, так что выпил половину неба, и образовалось пресное море с водой чище, чем небесная, и море это отныне звали Байгал.

А русские произносили через глухую букву «к» – «Байкал».

На небе стало тесно, так что божества, покровители воды, спустились с западной стороны, и вошли в Байгал, и поселились в нем, но до сих пор неразрывна их связь с небом. Если нужно просить о чем-то важном – попроси Байгал, и просьба быстрее неба достигнет.

Живут в Байгале Ухан-Лобсон-хан и его жена Ухан-дабан, разводят коней и овец, а на службе у них состоят синий гигантский орел и рыба-кит с тринадцатью плавниками. Люди богам приносят подарки: молочные продукты они любят, иногда ягнят... А боги дарят людям рыбу, много вкусной жирной рыбы. Можно совсем без хлеба жить, Байгал все даст.

Еще живет в Байгале великая мать-хозяйка Ехэ Тоодэй. Ухан-Лобсон-хан и его жена Ухан-дабан – правители, а Ехэ Тоодэй – труженица. У нее 226 сыновей и одна дочь Ангара. Сыновья приносят матери да-

ры-добычу, а дочь легкомысленная, легко богатство пускает по воде...

Есть у Байгала и приемная дочь, Далайн-эжэн Абайсаган-хатан, девочка дивной красоты. Была она обычной человеческой девочкой и как-то раз играла на берегу Байгала с младшими братьями, а мимо ехали мангады, то есть русские, самые страшные из русских – казаки. У них давно не было женщины, а девочка была так красива, что они схватили ее, все над ней надругались, много их было, и девочка истекла кровью под ними. Мертвую, сбросили ее в Байгал, а море пожалело девочку и вместо крови наполнило ее водой. Она до сих пор скучает по земле и земной еде. Выходит из вод, любит с детьми поиграть, радуется, когда взрослые угощают ее молоком и сладостями. Она совсем такая же, как все девочки, только очень красивая, и кожа у нее голубая, потому что вместо крови в ней вода моря Байгал. Далайн-эжэн Абайсаган-хатан умеет быть благодарной: кто ее угостит, тому удача придет на целый год. А вот мангадов, русских то есть, она простить не может и, если встречает, заманивает в Байгал и топит.

Далайн-эжэн Абайсаган-хатан тоже надо упоминать, когда проводится тайлган – великое моление духам и богам о благополучии рода.

Тайлган проводится, только пока тепло, сначала –

когда тепло приходит, тогда случается «Открытие небесных врат», знаком бывает прилет птиц, они же на небе зимуют, а если полетели через Байгал – значит, открылись небесные врата и боги снова слышат людей. А когда улетают птицы, проводится тайлган «Закрытие небесных врат». В середине лета – обряд угощения тринадцати богов севера, у них просят благополучия и мира для всех живущих. Зимой же боги редко слышат, тогда защитниками людей выступают духи. Духи рода и тот дух зверя, которого сможет призвать шаман.

В бухте Ая находится священная белокаменная скала с древними рисунками, там изображены три шамана, взывающие к богам, людиохотники и животные: лебеди, осетры, лоси и нерпы. Во все времена шаманы даже из враждующих племен раз в год приходили туда и устраивали моление в честь покровителей Неба, Земли и Воды. А сопка Ерд – это корень, от которого вся земля когда-то выросла, туда тоже ходят шаманы и старейшины племен, чтобы устроить великий тайлган...

Алтан тоже придется туда отправиться. Когда она повзрослеет. Когда станет шаманкой.

Только горе долго влачитя, а счастье быстро пролетает. Алтан выросла.

Как только луна призвала ее в первый раз, мать начала собирать для дочери целые сани, как приданое: одежду новую, ткани, шубку на вырост, сапожки, снегоступы, лыжи, корзины с едой, которая хранится долго, все, что родители могли с собой дать из дома.

С тем, что дочку надо отдать, мать и отец смирились. Больно было, но не так, как в первый раз. Когда третья луна призвала кровь из тела Алтан, отец отвез дочь вместе с «приданным» к шаманке.

Старуха ждала. Встретила приветливо, но долго отца у себя в доме терпеть не стала. Правда, не грубо вытолкала, не унизила при дочери. Но и он тоже не хотел засиживаться. Ушел.

Алтан осталась.

Она не боялась шаманку.

Потому что хорошо ее помнила.

Видела ее настоящую. Не старую оболочку, а молодую душу, не иссохшую старуху, а полнотелую женщину с гладкой кожей цвета темного меда, с тяжелой налитой грудью, с длинными, до пят, черными косами. Именно эта женщина неистово плясала перед свирепым духом Росомахи, и сливалась с ним в брачном танце, и позволяла ему когтями полосовать ее гладкое тело в те ночи и дни, когда она изгоняла болезнь из тела Алтан.

Теперь именно эта молодая красивая женщина на-

чала учить Алтан, как позвать своего духа, открыться и впустить его, как с ним слиться воедино.

Алтан духа вызывала с легкостью. И сливалась с ним быстро, с радостью, без долгого камлания, без крови на своем духовном теле, без пены изо рта – в здешнем, физическом мире... Не с криками боли и неистовства, а с нежной улыбкой Алтан принимала своего духа. И сам он нежный был, хрупкий и ласковый. Певчая птичка, красногрудый соловей.

Алтан, когда его принимала, словно сама взлетала. Невысоко, но от тела отделялась.

Тело падало, будто замертво, и поначалу не раз, возвращаясь, Алтан чувствовала, что ушиблась при падении или локоть рассадила.

Научилась сначала ложиться, а потом духа звать.

К сожалению, улететь так высоко, как хотелось птичке, она не могла. Не выше подкопченного потолка, а в лесу – на два своих роста. И все. Словно на ленте, держало что-то ее над телом, не пускало в настоящий полет.

Печалился дух Соловья, тревожился, даже не пел, а щелкал, посвистывал, будто испугавшись и предупреждая своих... Но потом понял, что не сможет Алтан за ним полететь. И отозвался по-настоящему на ее призыв. Слился с ней.

Странно это было: будто Алтан стала крохотной

или Соловей – огромным, обхватил крыльями, привлёк к себе – и её тело стало единым с его телом. Жарким было птичье тело – и в этом жару расплавилась Алтан, и казалось, нежными перышками он ласкает её кожу, тонким клювом поклевывает в губы, словно целует. От этого её охватывал трепет, увлекавший в ало-золотой водоворот наслаждения, и Алтан растворялась в закатном сиянии, переставала существовать... Падала камнем в своё тело, пробуждалась – и ей чудилось, что вот это, здешнее, тяжёлое, тело ласкал пернатый любовник. Даже стыдно было немного.

С улыбкой смотрела на неё старая шаманка. Ласки её возлюбленного, духа Росомахи, были жестоки и кровавы, но все равно это наслаждение она не меняла бы ни на что иное. Даже на соловьиную нежную любовь. Потому что принадлежала Росомахе и был он для шаманки все равно что супруг.

Ещё учила шаманка Алтан, какие собирать травы, как готовить настои и мази. Травяная наука была не главной, но этого от шаманки тоже ждут, чаще, чем от шамана. И травяная наука плохо давалась Алтан, зато она легко приручала пчел и собирала дикий лесной мед. А потом и пасеку в лесу устроила. Ульи сама сколачивала, не пожелала чужим рукам доверить. И не пожалела. Мед от её пчел считали целебным.

Камлание давалось Алтан легко и радостно. Солнце вызвать или дождь, земле урожай подарить – все у нее получалось. А особенно преуспела она в исцелении с помощью камлания. Кружилась под бубен, пела, и дух болезни оставлял тело, уходил – выманить его удавалось прекрасной Алтан, а потом ее Соловей налетал и склевывал духа болезни, как мошку.

Старая шаманка вроде бы довольна была. Но иногда вздыхала: все хорошо, только уж очень слабый дух, не защитит, если что.

Однако войн в их краях давно не было. Звери дикие Алтан подчинялись, замороженные щебетом соловьиным, отступали в глубину леса. Кого еще людям из деревни бояться? Вот неурожай – это страшно. Мор, от которого падут кони и коровы, – страшно. Людские хвори – страшно. А с этим Алтан справлялась успешно. Не могла победить старость, не могла победить смерть, но раны залечивала и лихорадки прогоняла. Ею были довольны все. Даже те, кто прежде мечтал о шамане-мужчине.

Алтан не была злой шаманкой. Она была доброй. Говорили, что это пока она молода и красива, а потом закиснет в ней нереализованное женское, затоскует по младенцу материнское, и она озлобится, как все вековухи, шаманки они, или монашки, или просто несчастливицы, которых родители не сумели выдать

замуж... Но Алтан была такой светлой, такой ласковой, так нежны были ее руки и так мелодичен голос, что просто не верилось: она – и вдруг станет злой?

Взрослела Алтан, становилась выше и тоньше и лицом изящнее, чем все в их деревне, словно чужая кровь примешалась – глаза у нее были не узкие, как у всех, а большие, с красивым продолговатым разрезом... Кто-то из охотников первым заметил: большие глаза – будто у соловья, хрупкая – как соловей, по-соловьиному нежные косточки, и тонколицая – тоже по-соловьиному. Слилась со своим духом, и дух изменил ее плоть. Это только с самыми могущественными шаманами случалось. И было одним из доказательств, что повезло людям: пришел к ним настоящий шаман, как в древние времена, как в сказках.

Старая шаманка умерла, когда Алтан исполнилось двадцать лет.

Готовиться к смерти начала за несколько месяцев: повелела выстроить на опушке леса домик, поднятый на бревнах, словно на высоких ногах. Такие посмертные дома строились только для самых богатых и почетных бурят. Натолкнувшись на такой дом в лесу, бурят уйдет, чтобы не потревожить дух. А вот русские, не так уж давно расселившиеся в здешних местах – всего-то с сотню лет! – иной раз, по незнанию, в домик

заглянуть могли и убежали с воплями, обнаружив там мертвеца, закутанного в дорогие ткани и хорошо выделанные шкуры. Для русских эти погребальные домики сливались с их сказкой про страшную старуху, живущую в избушке на курьих ногах, за изгородью из человеческих костей...

Старая шаманка, как и все, смеялась, когда слышала эти русские байки. Ну смешно же, правда, что люди могут старуху бояться, пусть даже живущую в доме на куриных ногах. Или обыкновенного мертвеца!

Шаманка сама проследила, чтобы в погребальный домик переправили все ее любимые вещи, украшения и утварь. Сама выбрала ткани, в которые завернут тело, чтобы отнести его в последнее убежище. И свой старый бубен велела положить в ноги. У Алтан уже имелся новый, звонко щебетавший под пальцами. Иногда шаманы свой бубен передают наследнику, но этот был очень старый, глухо рычащий под прикосновением, он совсем не подходил для Алтан.

Смерти старая шаманка не боялась. Она в жизни делала все правильно, все по закону. И умение передала, оставила преемницу. Не ее вина, что Алтан призывала Соловья...

Сама-то старая шаманка прожила нелегкую жизнь со свирепым зверем, с Росомахой, но знала, что если надо будет – Росомаха поможет ей защитить сво-

их людей. Теперь она собиралась навсегда оставить тело и соединиться со своим духом в вечности, среди звезд, где нет боли, а тело старое, всеми суставами исстрадавшееся, сбросить, как ненужную ветошь.

Последний месяц она почти не вставала. В доме поселился тяжелый, затхлый запах. Алтан все силы отдавала на то, чтобы умерить страдания наставницы, отогнать боль, погрузить ее хоть ненадолго в сон. Сама извелась, измучилась, ослабела.

Много они в тот последний месяц говорили. Старуха пыталась напоследок научить Алтан, как при случае позвать другого духа, более сильного и свирепого. Это было делом опасным, но если беда придет к людям, кто защитит? Пыталась научить Алтан, как отогнать нежного Соловья... Но этому Алтан не хотела учиться. У нее было странное чувство к своему духу, словно он ей родной. Роднее отца с матерью, роднее всех на свете, роднее собственных рук и глаз. Она подумать даже не могла о том, чтобы его прогнать: становилось больно, как по живому режут.

Умиравшая старуха соглашалась: да, это больно, но надо научиться.

Алтан протестовала: нет, не хочу, не могу, не буду.

Старуха умерла. Алтан завернула ее в нарядные ткани, в меховое одеяло, мужчины отнесли тело в подготовленный погребальный домик.

Постель старухи Алтан сожгла на той же поляне.
Дом свой проветрила.

Приняла подарки от женщин: новую постель, много-много стеганых одеял и вышитых подушек.

И начала свое служение – уже одна.

Глава 2

Белоглазый впервые предстал перед Алтан на коне.

На рослом, длинноногом жеребце, которых предпочитали русские.

Буряты любили других лошадок: маленьких, коренастых, мохнатых. Выносливых. Легко терпевших холод, голод, жажду. Послушных.

Эти русские лошади были красивы, но изнежены. Им требовалось очень теплое стойло, старательный уход, да и характер у них был далеко не такой покладистый, как у бурятских лошадей. Даже привычно ходившие под седлом могли взбрыкнуть, понести, укусить.

Алтан как раз недавно вернулась с паломничества к скале Аяя. Она была еще полна той силы, которая вошла в них во всех, собравшихся там и сумевших по алым солнечным и синим ночным лучам соединиться с богами. Хорошо было Алтан, радостно, ей казалось – новая сила ее навсегда, и Соловей тоже стал сильнее...

Алтан собирала травы, когда всадник внезапно выехал из подлеска, еще затопленного туманом. Услышать треск и шорох веток она успела, но подумала –

лось. Когда увидела – обомлела и даже корзину выронила.

Конь был белый в яблоках. Очень красивый.

Но Алтан потрясло больше всего то, что в первый миг ей почудилось, будто верхом на огромном коне сидит громадный волк с белой шерстью и белыми глазами, и злобно щерится, и между зубами у него вскипает кровавая пена, словно он только что кого-то загрыз.

Алтан ахнула, присмотрелась – и увидела мужчину. Русского. Светловолосого. С очень светлыми глазами. С тонкими усиками над верхней губой. Длиннополая серая шинель с голубыми полосами на воротнике, барашковая шапка с султаном. Шашка. Револьвер.

Военный. Это все, что смогла понять о нем Алтан. Что Белоглазый относится к тем, кого со страхом полусшепотом называли «жандармы», она в первую встречу не поняла. Потом узнала.

– Не бойся. Не обижу, – сказал Белоглазый, но Алтан отчетливо видела: лжет, вот он-то и обидит, с удовольствием обидит.

Однако бежать было рискованнее, чем стоять на месте. Зверю надо смотреть в глаза, тогда он может отступить.

– Ты тут чужого человека не встречала?

По-русски Алтан не говорила. Понимала его речь, но скорее не слова, а их смысл, то, что он хотел сказать, ловила мыслеобразы. Поймала образ очень худого и очень молодого русского с длинными волосами и жиденькой бородкой, одетого во что-то потрепанное, невзрачное, пробирающегося сквозь подлесок, прорывающегося сквозь туман... А потом – прыжок волка, и челюсти смыкаются сзади на хрупкой шее беглеца, и с жалким заячьим вскриком тот падает лицом вниз...

Белоглазый не сказал про беглеца, но Алтан это почувствовала.

Всадник ждал ответа.

Алтан покачала головой: мол, нет, не встречала.

– Ты хоть понимаешь, что я говорю?

Она кивнула.

– А почему сама не говоришь? – Белоглазый усмехнулся плотоядно, и Алтан увидела свое отражение в его жадном взгляде.

Она видела свое отражение в спокойной воде, в начищенном медном блюде, в глазах других людей. Знала, какой ее видят другие люди.

Никто никогда не видел ее такой красивой...

Для своих людей она была прежде всего шаманкой, слишком тонкой и хрупкой. Для своих она не была женщиной, которую можно пожелать.

Для Белоглазого – была. В его взгляде читалось такое, что Алтан покраснела и опустила ресницы. Не выдержала противоборства. Первая отвела взгляд.

Белоглазый еще немного полюбовался ею и тронул коня. Сегодня он искал беглеца. Сегодня ему было не до нее...

Но что-то изменилось в окружающем Алтан мире, когда из пролеска, из тумана выехал на огромном коне Белоглазый. Мир перестал быть спокойным и предсказуемым. Перестал быть безопасным. В ее мире появился волк...

Через четыре дня после той встречи в поселке узнали от проезжего, что беглеца поймали жандармы, и самый жестокий из них, человек с белым лицом и белыми волосами, прозванный Саган Болохо, связал беглеца и волок за своим конем, пока тот не перестал кричать, а когда перестал, разрешил другому жандарму перебросить чуть живого через седло... Саган Болохо был плохой, страшный. Взятки не брал. Ссылные русские его ненавидели: жестокий очень и подозрительный. Чуть что – в кандалы и в острог отправляет. Городок здесь маленький, незначительный, и русские надеются, что Саган Болохо за заслуги переведут в большой город, может, даже в Иркутск, лишь бы подальше. А женщины из скверного дома жаловались

буряткам, которые приходили в скверный дом помыться, что Саган Болохо берет себе одну из них и мучает, разве что не до смерти, но пока плетью не иссечет, нет у него желания, а потом зато такое желание, что даже самые распутные из скверных женщин после болеют, и к ним знахарок зовут. Платит всегда, в отличие от других жандармов, но лучше бы вовсе не ходил, после него женщина неделю, а то и две работать не может. Страшный, очень страшный человек. Любит острожников к порке приговорить, а сам стоит и смотрит так, будто хочется ему самому за розги взяться, только не по чину, и ему обидно.

Алтан сразу поняла, что она в лесу встретила Саган Болохо. Только для нее он теперь был Белоглазый.

Еще через восемь дней он снова приехал. Не было теперь беглеца. Ее искал.

– Захотелось посмотреть, правда ты такая красавица или мне почудилось в тот день, – сказал он с волчьей улыбкой.

Алтан угостила его кислым молоком, как положено, и меда поднесла, кусок сот вырезала и подала на блюде. Он и молоко выпил (а русские обычно свежее любят), и мед съел так жадно, будто голодал. На нее смотрел, не отрываясь. Ей казалось, он облизывает ее лицо взглядом. И очень хочет укусить, но пока не решается. Ей было страшно...

А он подарил ей нитки для вышивания. Цветной шелк, целый набор в картонной коробке. Дорогие нитки.

– Я слышал, что ты шаманка, и потому вместо мужа у тебя дух. Но точно ли духа хватает для радости?

Алтан нахмурилась.

Белоглазый расхохотался:

– Чудно. Ответить не можешь, а все понимаешь... Ты красавица. Таких тут больше нет. Может, твоя мама с казаком согрешила, а? У тебя лицо не широкое и тело не мясистое. И если содрать с тебя эти тряпки, окажется, что ножки длинные да щиколотки точеные. Я знаю в этом толк, запястья-то какие тонкие. Как бы я хотел посмотреть на твою наготу, красавица. Посмотреть и потрогать...

Алтан знала: от лютого зверя убежать нельзя. Надо его взглядом остановить.

Она попыталась остановить взглядом Белоглазого. Получилось.

Он вздохнул:

– Не хочешь. Понимаю. Девственна ты. Мужской любви боишься. Эх, не будь у меня невесты, пожалуй, увез бы я тебя отсюда, крестил бы в церкви, учителей нанял, обучил бы читать, писать и танцевать, а больше ничего и не надо женщине. А потом бы и женился. Уж очень ты хороша. Никогда я такой красоты не

видел. Но невеста у меня, не могу я слово данное нарушить. И потом, ее одну я не боюсь насмерть замучить... Зверь во мне. Твоя красота его раззадоривает. Лучше бы мне тебя не видеть, красавица. Но не удержусь, еще приеду. Ты не бойся: я пока его могу держать на цепи, зверя-то, пока до теплой кожи твоей не добрался.

Он уехал, а Алтан впервые этой ночью не смогла заснуть до утра, и Соловей не сумел ее утешить. Страшно ей было. Очень страшно.

Белоглазый снова приехал через неделю. Привез гостинец: моток голубой атласной ленты. Этой ленты хватило бы с ног до головы одежду обшить. Снова угостила его Алтан. Снова Белоглазый съел все поднесенное. И глазами ее жег. Но теперь взгляд был такой страшный, что Алтан казалось – она ощущает на губах, на щеках, на шее кусающие поцелуи Белоглазого, и даже губа треснула, капелька крови выступила... Она облизнулась – и правда кровь!

Он ни слова ей не сказал. Только смотрел долго. Насмотрелся – уехал.

Через два дня Байгал выбросил на берег тело девушки из соседнего поселка. Руки связаны, тело ножом изрезано. Надругались над ней жестоко. И что особенно жутким показалось, в орбонг, в мягкое и

нежное средоточие женской сладости, и без того истерзанное насилием, неведомый мучитель воткнул заостренный кол да так и оставил. А в воду ее еще живой бросил. Старый, опытный шаман на нее посмотрел и сказал: она сильная была, никак не умирала, сколько ее ни мучили, утонула...

По закону нельзя было даже похоронить несчастную девушку, надлежало русским отдать. А они еще хуже с ней поступят: их врачи начнут резать ее, нарушат целостность тела, органы вынут, и даже если потом обратно положат – трудно ей будет, когда воскреснет. Но похоронить ее тайно буряты не решились – уж очень страшное убийство.

Алтан не была уверена, что это Белоглазый. Но боялась, что это он свою страсть к ней, к Алтан, выместил на бедной девушке, которая была даже моложе ее.

Затворив дверь дома, задвинув засов, Алтан разделась донага. Присела на корточки и коснулась рукой своего орбонга. Кудрявые волосы прятали нежнейшие розовые складочки и то драгоценное зерно, от прикосновения к которому наслаждение золотыми нитями разбегалось по всему телу. Соловей любил клевать ее зерно, доводя Алтан до исступления. Но как мал орбонг и как мягок, как же так – воткнуть в него кол? Какую боль пришлось перенести той девуш-

ке, прежде чем упокоил ее Байгал... И кем надо быть, чтобы такое сделать и такими деяниями наслаждаться?

Волк – нет, волк лишь наружность.

Какой-то злой дух пришел в их края и прячется...

В ком?

В Белоглазом, в Белоглазом, она знала это, хоть и не хотела признаваться даже себе...

В Белоглазом прячется злой дух.

Может, удастся его выманить? Изгнать?

Но если это не здешний дух, а чужой, привезенный из русских земель? Что делать тогда? Как с ним воевать?

Пытаясь найти утешение, Алтан нежно коснулась своего драгоценного зерна и позвала Соловья. Сегодня ей нужна была его любовь. Она нуждалась в наслаждении и забвении.

Глава 3

Русские решили, что это буряты убили ту девушку. Варварская жестокость, да и способ странный: все указывает на то, что совершено дикарское жертвоприношение. Так решили. И начали искать бурята-убийцу. Хорошо хоть тело вернули родным и они смогли похоронить...

А вскоре – новое убийство. Теперь уже женщина постарше, молодая мать. Привязала сына на спину и пошла ягоду собирать.

Ребенка, наплакавшегося и уснувшего, и почти полный туесок ягод нашли, когда вечером отправились на розыски. Повезло, что дикие звери к нему не приблизились. Даже странно... Словно тот, кто коснулся ребенка, снимая его со спины матери, был для диких зверей страшен и оставил свой след, сделав малыша непригодным в пищу никому из хищников.

А с матерью он обошелся так же ужасно, как с той первой несчастной девушкой. Только кол не вбил, но вырезал ей все женское до кости – и швырнул в сторону, как кусок мяса. Женщина умерла от боли и кровопотери. В рот накрепко вбит ком из тряпки и перевязан сверху ее же поясом, глаза широко открыты, словно и после смерти она испытывала ужас.

Ее тоже отвезли в город, и тот же вердикт: принесена в жертву.

Следующее убийство – через несколько дней. Уже не женщина. Мальчик, подросток.

Конечно, бывали такие мужчины, кто хотел лечь с мальчиком, как с женщиной, но этого мальчика не осквернили. Ему вырвали кишки и вытащили сердце, не вскрывая грудину, а из-под ребер, снизу... Иначе, кроме как руку засунув, этого не сделаешь. Охотники умели вынуть еще теплую печень и сердце у зверя, чтобы съесть, но никогда не делали это вот так.

Русские опять обвинили во всем бурят. Арестовали старого шамана. На берегах Байгала появились казацьи разъезды.

Шаман вернулся домой еле живой. Хорошо, когда его арестовали, за ним пошли его ученик и брат ученика. Они прятались у границ города и каждый день ходили к тюрьме ждать, не отпустят ли шамана. Отпустили – избитого, полузаморенного голодом. Выбросили на улицу: добирайся до дома как хочешь, а до поселка – день езды на конях, пешком же немерено. Ученик и брат ученика поочередно несли шамана на спине, пока не дошли до бурятского поселения, где оставили своих лошадей.

Только-только весть о возвращении шамана принесли в поселение, где жили люди Алтан, как туда

прискакали казаки. Алтан предъявили бумагу: приказ об аресте. Читать она не умела, но все поняла и не стала сопротивляться. Позволила казаку взять ее на седло. Только прежде посмотрела ему в глаза. Выбрала не самого молодого и не самого старого, а того, у которого глаза были словно прозрачной водой из Байгала залиты: нежность и радость в них плескалась, любимая жена родила ему второго сыночка, и сама легко справилась, и мальчик здоровый... Этот казак даже не видел красоту Алтан и не желал ее, для него существовала только его жена, только сыночки. Ему Алтан могла довериться.

Испуганно бился дух Соловья, снова сделавшись маленьким, трепетал в ее груди всю дорогу до города.

Когда они отъехали достаточно далеко от поселка, казаки принялись оглядываться. Алтан тоже оглянулась. Вдалеке виднелись четыре черные фигурки: всадники. Они следовали точно за казаками, увозившими Алтан, но не пытались догнать, сократить расстояние. Кто решил сопровождать шаманку? Она и сама-то не знала. Отец, быть может, а с ним кто? Ученика она еще не брала, молода слишком...

Но, может, уже следовало бы ей присмотреться к детям и хотя бы выбрать того, кто станет шаманом после нее? Да, она молода... Но позволит ли ей Белоглазый состариться?

«Если вернусь живой – выберу того, кто даром наделен, и договорюсь с кем-нибудь из соседей-шаманов, чтобы обучал, если меня не станет», – решила Алтан.

Если же она не вернется – тяжело придется ее людям.

Алтан думала – Белоглазый останется с ней наедине. Но в комнате, куда ее привели для допроса, находились четверо мужчин. Причем Белоглазый сидел в углу, на стуле, словно бы он тут и ни при чем. А на видном месте, за огромным высоким столом, расположился молодой, полный русский мужчина с бледными губами и такими темными мешками под глазами, что Алтан сразу поняла: у него большое сердце. За другим столом, поменьше, пристроились еще один русский – немолодой, бородатый, со странным устройством на лице: два круглых стекла в сложной рамке, удерживаемой крючками за уши, – и молодой бурят, одетый в русскую одежду, с гладко выбритым лицом и стриженными волосами. Стоило Алтан лишь взглянуть на бурята, как она поняла: он отказался от богов и духов своего народа, принял крещение, но не пошел по пути Распятого Бога русских и теперь совсем одинок – ни со своими, ни с чужими... Пожалуй, это было самое страшное, что случилось видеть Алтан. Она посмот-

рела на бурята с жалостью. Он ответил ей взглядом, полным страха и ненависти.

Алтан посадили на стул в самом центре комнаты. Она засмотрелась на изображение могучего мужчины с окладистой бородой, в золотой раме висевшее на стене над самым большим столом. А взгляды четверых мужчин скрестились на ней.

– Меня зовут Петр Васильевич Спицын, я следователь, – представился полный, сидевший за большим столом. – Я буду проводить допрос. Вот это мой помощник, Евдоким Иванович Святиков. Он запишет наш диалог. А взаимопониманию между нами поможет наш переводчик, Баярта Бургедович Бургедов. И поприсутствовать пожелал почтенный представитель жандармского корпуса Сергей Сергеевич Невельский. Итак, ваше имя Алтан. Фамилии не имеется. И вы – шаманка в поселке Выдрино.

Алтан кивнула. Хотя она впервые узнала, что ее поселок у русских называется «Выдрино».

– Скажите, Алтан, во время весеннего, летнего и осеннего поклонения озеру Байкал вы ведь совершаете жертвоприношения?

– Мы дарим богам, обитающим в море Байгал, молоко, сыр и белых ягнят, – ответила Алтан на своем языке.

– Ягнят предварительно умерщвляют или бросае-

те живыми?

– Старейшины перерезают горло ягнятам, подняв их над водой Байгала, чтобы кровь и душа вместе с ней сразу ушли в воду.

– Значит, душа и кровь – едины. А земле вы тоже поклоняетесь?

– И небу.

– Пролить кровь на землю означает перенести в землю душу того, чью кровь проливают?

– Только если жертвоприношение совершают по всем правилам. И я знаю, к чему вы ведете расспросы. Те люди, которых убили так жестоко... Это не жертвоприношение. Ни земле, ни небесам, ни тем более Байгалу не нужно столько боли. Боль – это плохо. Это не было жертвоприношение. Это было жестокое убийство. И совершил его не человек.

– А кто? Какой-то темный дух? – усмехнулся следователь.

– Да. Темный дух, вселившийся в тело человека.

– А тело было... русское? Или бурятское? Мужское? Или женское?

– Мне это не известно.

– Если в человека вселился злой дух, значит, он не виновен в том, что дух заставляет его совершить?

– Виновен. В доброго человека не вселится злой дух.

– Хм. А вы с духами разговаривать ведь умеете? Можете вызвать нам духа кого-нибудь из убитых? А лучше всех троих? Мы бы их допросили и узнали, кто убийца...

– Я могу. Но не стану.

– А если мы попросим?

– Не стану. Они умерли в мучениях и с ужасом бежали за грань этого мира. Там они уже забыли пережитое. Вернуть их сюда означает заставить заново пережить страдания. Я не буду это делать.

– Очень милосердно. Алтан, вы шаманка, знаете всех в своем поселке и наверняка зрите в душу или как там это у вас устроено... Назовите нам самого плохого человека. Того, в кого мог бы вселиться злой дух, кто мог убить.

– Я не знаю таких, в кого мог бы вселиться злой дух, – начала было Алтан и вдруг вспомнила белого волка верхом на рослом коне. Голодный блеск глаз. Хищный оскал. Она покосилась в угол, где сидел Сергей Сергеевич Невельский. Не посмотрела на него напрямую, не указала взглядом, просто покосилась: как он там, еще человек или уже снова волк? На глазах у нее Невельский словно бы перетек в облик белого волка, ощерился. Алтан услышала, как тяжело вздохнул следователь. Взглянула на него – он тоже смотрел на Невельского, потом перевел взгляд на нее.

– Что же, я считаю, допрос мы можем завершить, шаманка Алтан не знает ничего о возможном преступнике, хотя продемонстрировала готовность сотрудничать с представителями власти. Поскольку мы все своими глазами можем видеть, насколько хрупка эта женщина, вряд ли можно заподозрить ее в совершении преступления. Она бы не справилась ни с одной из жертв. Полагаю, можно ее отпустить? – Следователь (Алтан уже забыла его сложное русское имя) вопросительно взглянул на Невельского.

На Белоглазого.

– Нет, – сказал Белоглазый. – Мы повторим следственный эксперимент, как со стариком-шаманом. Я должен получить доказательство того, что внешняя хрупкость не прячет за собой звериную силу.

– Сергей Сергеевич, побойтесь бога! Барышня молоденькая, красивая, хоть и дикарка, а жалко же...

– Мне не жалко. Мне надо до правды доискаться. А про шаманов я много интересного слышал.

– Но не могла же она надругаться над теми несчастными! Вряд ли вы слышали, что шаманки могут, как европейские суккубы, превратиться в инкубов и...

– Довольно благоглупостей, Петр Васильевич. Одной из поруганных всадили деревянный кол, у второй вырезали... Мы не знаем, были ли они изнасилованы естественным способом. Любострастную подоплеку

этих преступлений выводили из чрезмерного интереса преступника к женским органам погибших. А третий погибший и вовсе любострастного интереса у убийцы не вызвал. Тут что-то другое, что-то непонятное, жуткое, и я уверен, что это сотворили дикари. Дождик вызвали или об урожае просили.

– Эта девушка пользуется большим уважением. Если с ней случится скверное – они взбунтуются.

– Не взбунтуются, – усмехнулся Белоглазый. – Они кроткие, казаков боятся.

– И при этом они же – лютые убийцы?

– Да.

– Ее сопровождали четверо, казаки донесли...

– Я знаю. Эти четверо будут ее ждать. И пусть ждут. Ей не придется пешком до Выдрино идти, если мы ее отпустим.

– Так что же, препроводить барышню в тюрьму?

– Нет. Она хоть и не барышня, но в нашей женской тюрьме на две камеры, где сидят воровки, убийцы и проститутки, обворовавшие или прикончившие клиента, ей не место. Ко мне на квартиру ее препроводите. Как вы знаете, у меня там оборудована комната с зарешеченным окном, где особо нежные политические барышни отдыхают по пути на каторгу. У двери заночует мой денщик. Шаманка не сбежит. Ни одна политическая не сбежала же.

– Хорошо, будь по-вашему, Сергей Сергеевич, мне приходится вам подчиняться, но я еще раз напоминаю вам, что эта девушка пользуется у своих, если вам угодно, дикарей большим уважением!

– Да, конечно, – отмахнулся Белоглазый и встал. – Поручите отвести барышню ко мне в дом. У меня сегодня еще дела. Этап надо встретить и захворавших распределить по тюремной больнице. Предварительно отделив от симулянтов.

Петр Васильевич смотрел на Алтан с жалостью. Но передал ее тем же казакам, которые ее сюда привезли.

На улице Алтан увидела отца. Его и еще троих молодых парней из поселка. Лошадей они где-то оставили, сами покорно сидели на корточках у стены дома. Проводили ее взглядом. Только когда казак посадил ее в седло и конвой тронулся с места, буряты встали и неспешно пошли следом.

– Батюшка твой, я так понимаю? И братцы? – спросил казак у Алтан.

Она кивнула.

Братцы... Не было у нее братцев. И вместе с тем все ее люди – братья и сестры. Родные. Уже потому, что они – ее люди.

– А может, один из них – женишок, а? – спросил ка-

зак.

Алтан улыбнулась и покачала головой: нет.

– Она худая слишком, у них таких в жены не берут. Да еще и шаманка. Колдунья по-нашему, – пояснил старший из казаков.

Город был маленький, улицы выстланы бревнами. Высокие бревенчатые заборы, дома двухэтажные, плотно друг к другу. К одному такому дому привезли Алтан.

– Тут вот господин Невельский и обитают, – с каким-то смущением проговорил казак, ссаживая Алтан на землю.

Возле двери на цепи висела металлическая груша. Казак подергал за нее – внутри дома раздался глухой звон, и довольно скоро дверь отворилась. Алтан пришлось запрокинуть голову, чтобы рассмотреть открявшего человека, такого огромного роста он был. И лицом очень страшен: крупные челюсти, толстые губы, крохотные глазки и скошенный назад лоб.

– Доброго дня, Семен Викентьевич, – поприветствовал гиганта казак. – Господин Невельский велел сию девицу посадить под стражу в ваши особые покои.

– Да я уже записку получил, – сказал гигант неожиданно высоким и звонким голосом. – Барышня, как я понял, из бурят и по-русски не говорит, но все пони-

мает? – Он спросил вроде как у казака, но обращался к Алтан.

– Все так, – ответил казак.

Алтан молча кивнула.

– Что ж, идемте, барышня. Устрою вас до завтра. С удобством.

Великан указал Алтан в глубь дома.

И она вошла.

Дверь захлопнулась.

Глава 4

В доме Белоглазого было очень много мебели – это первое, что заметила Алтан. Мебели много, а мягкого и удобного, подушек и ковров, почти не было. Был громко тикающий странный механизм. Были книги: Алтан знала, что вот так выглядят книги и что русские их читают. В поселок один раз приезжал православный священник, пытался уговорить бурят креститься и оставил на память книгу, называемую Евангелие – в ней рассказывалось про трудную жизнь Распятого Бога. Священник относился к книге с таким трепетом, что ее на всякий случай спрятали в доме у самого почтенного из стариков. Но вряд ли все эти книги были одним и тем же Евангелием – зачем их столько?.. Наверное, каждая книга рассказывает о своем. Впервые у Алтан мелькнула мысль: да, она счастлива тем, что читает природу, понимает все знаки, которые дает ей окружающий мир, но, быть может, она стала бы еще счастливее, если бы научилась читать книги и понимать эти маленькие черные значки?

«Увез бы я тебя отсюда, крестил бы в церкви, учителей нанял, обучил бы читать, писать и танцевать, а больше ничего и не надо женщине», – прозвучал в ее памяти голос Белоглазого.

Нет. Нет. Она не оставит своих людей.

К тому же и он не свободен. У него невеста.

В доме Белоглазого было много изображений людей. Алтан с интересом на них засмотрелась.

– Семья это Сергея Сергеевича, – пояснил великан, указывая на групповой портрет: строгий мужчина с пышными усами, одетый в военную форму, рядом сидит женщина в платье с такой гигантской юбкой, что непонятно, как она двигается, и по росту – четыре маленьких мальчика. В младшего из них великан ткнул пальцем: – Это Сергей Сергеевич в детстве. А вот дагерротипы его матушки и батюшки порознь. И все три брата. Любит он семью-то. Тоскует. Но что поделаешь, царева служба такая...

Алтан тем временем увидела изображение того же мужчины с окладистой бородой, которое было в комнате, где ее допрашивали. Тут это изображение висело особо. И Алтан даже задумалась: может, это бог? Но она видела, как изображают Распятого Бога. Этот решительный лысеющий мужчина с широченными плечами не был похож на Распятого. И по лицу было видно: распять себя не даст.

А потом она заметила единственное изображение, не на стене висевшее, а стоявшее в рамке на одном из предметов мебели...

Девушка с высокой прической и в красиво вышитом

платье. Лицо у девушки грустное, глаза – ласковые и немного испуганные, шея тонкая, уши оттопыренные, волосы на шее и за ушами выбиваются из прически легкими прядями. Нежная девушка, как жеребеночек.

– Это Екатерина Борисовна, невеста Сергея Сергеевича. Славная барышня, строгая. В Иркутске живет. Ждет, пока Сергея Сергеевича повысят и в Иркутск переведут, тогда они и свадьбу сыграют. Его скоро повысить должны. Я жду не дожусь, когда мы отсюда уедем, а он женится. Надобно ему жениться, очень надобно... Идемте дальше, это комната парадная, а дальше столовая, где мы с Сергеем Сергеевичем кушаем, он хоть и благородный, а не чурается с денщиком за одним столом кушать, вот какой человек. И вас велел накормить прежде, чем запереть. Кухарке еще с утра велел курицу пожирнее купить, она мастерица курицу готовить, и пирог сладкий будет с медом и ягодами, а я в лавочку бегал за лучшей белевской пастилой для вас, барышня. Политических Сергей Сергеевич так не балует. Покормит, чтобы не оголодала, да и не в столовой, а в тюремной нашей комнатке, мы ее так называем. Но политических не уважает он. Скверные они, и не барышни даже, а так... Ведут себя не поженски. Против царя, опять же, умышляют. А вы хоть и подозреваемая, но в этой скверне не виновны, так что сейчас поедите как следует, чаю выпьете с пиро-

гом и пастилой. Пастила замечательная!

Алтан не настолько хорошо понимала русский язык. Вернее, сам язык не понимала вовсе, только о смысле того, что ей говорят, догадывалась каким-то внутренним чувством. А гигант балаболил слишком быстро. В общем, не все она разобрала.

Но приняли ее хорошо. Еда была вкусной, пастила оказалась чем-то совсем не таким, к чему привыкла Алтан, не тонкими, жестковатыми полосками, которые надо долго-долго жевать, чтобы они наполнили рот кисло-сладкой памятью о ягодном лете. Эта пастила была чем-то нежным, воздушным, как облако, и такой невероятной сладости, для которой у Алтан не нашлось сравнения.

Убедившись, что шаманка сыта и достаточно выпила чаю, гигант (имени его Алтан не запомнила, всего один раз же слышала, а у русских такие сложные прозвания) отвел ее в небольшую комнату. Алтан сразу обратила внимание, какая толстая дверь и что на двери две широкие щеколды. А на окне решетка из толстых прутьев.

– Вы не бойтесь, барышня. Говорят про Сергея Сергеевича скверное, но это все напраслина. То есть не совсем... бывает, что с дурными женщинами он дурно обходится. Но это потому, что противны они ему, а мужское, оно требует... Только ни к одной из бары-

шень, здесь сидевших, он и не зашел даже. Он эту комнату сделал, чтобы барышень из благородных, которые по этапу идут за злоумышление против правительства, все же не в тюрьме держать. Таких барышень через наш-то город проводят немного, редко у нас тут гости. Хотя один раз аж две сестрицы сразу ночевали. А я под дверью. Sterегу.

Было здесь ложе на высоких ножках и с двумя подушками, еще какая-то непонятная мебель, а гигант открыл тумбочку и показал, что там стоит большой фарфоровый горшок с крышкой.

– Это если для какой надобности...

Какого именно рода надобность, Алтан поняла. Поняла также, что гигант смутился. Не поняла только, как же можно подобные надобности справлять в такой дивной красоты фарфоровый горшок, да еще и расписанный изнутри цветами нежнейших оттенков. Странные все же русские.

Она села на сундук и принялась ждать. Постепенно ей стало невыносимо жарко, и она сняла шапочку-залаа и халат-дэгэл, сбросила сапожки (когда гигант призывал ее это сделать, прежде чем пить чай, Алтан отказалась, побоявшись расставаться с одеждой), осталась в платье-тэрлиге, перевязанном красивым шелковым кушаком, и в мягких вязаных носках.

Она не знала, что с ней будет завтра, но чувствовала

ла, что самое главное произойдет сегодня. Белоглазому было важно заполучить ее на эту ночь. И не важно, что говорил гигант... Алтан видела Белоглазого глазами замученных, серолицых, с грязными волосами, зачесанными в косу, униженных своей усталостью и собственным дурным запахом, но гордых, несломленных, яростных девушек, многие из которых глухо кашляли, и яркие пятна на щеках выдавали поселившуюся в них легочную болезнь. Да, к этим девушкам Белоглазый не входил. В этой комнате не пахло похотью и болью. Только болезнью, бедой и усталостью.

Но этих девушек Белоглазый наверняка не пожирал глазами так, как ее, Алтан. Ее он облизывал, обцеловывал, прикусывал за губы – одним лишь взглядом! И взглядом она его прогнала...

Сегодня придется снова встретиться взглядом с волком. Только на этот раз – не в лесу, где ей все родное, а в его волчьем логове.

Она задремала на этом неудобном сундуке и проснулась, услышав голоса под дверью.

– Уйди, – говорил Белоглазый.

– Да как же так, барин, окститесь! – испуганно уверещивал великанденщик.

– Уйди, говорю.

– Барин, не надо... Не сейчас, барин... Вы так дол-

го держались! Вас повысят скоро, в Иркутск уедете, женитесь, а там Екатерина Борисовна вас успокоит, она же всегда вас успокаивает, а если не получится – снимем домик на окраине, я на свое имя сниму, и будете душу отводить на скверных девках... А про эту же знают все, что вы ее домой отвезли. И господин следователь ей симпатизируют!

– Скажу – хотел проверить, как пленница. А она на меня набросилась, словно дьяволица. Оказалась сильной. Пришлось обойтись с ней грубо.

– А коли не поверят?

– Поверят. Она же не исчезнет. Тело отдам, как положено. С русской хлопот было бы больше. Так что уйди, Семен. Надо мне. Измучила она меня. Извела. Приворожила, ведьма косая. Каждую ночь снится. Вся кровь кипит. Дай ты мне душу отвести...

– Ох, барин, – сокрушенно вздохнул великан.

И Алтан услышала, как отворяются щеколды.

Обуться она не успела. Так и стояла посреди комнаты – в носках пестрых, в синем платье-тэрлиге, в котором особенно тоненькой казалась, и жгутики кос свисали аж до колен, позванивая монетками. Такой – без шапки, без халата, с открытыми косами – Белоглазый ее не видел. Замер на пороге, глаза расширились восторженно, и улыбка губы тронула – нежная. Так смотрят и улыбаются влюбленные. Он же пришел

как насильник...

Белоглазый затворил за собой дверь. Изнутри она не запиралась, но чтобы выскочить, надо было вырваться от него. А Алтан не сможет. Она знала, что не сможет. Звериная в нем была сила, приумноженная желанием.

– Ты же понимаешь все, что я говорю, правда?

Алтан кивнула.

– Тогда послушай... Будь моей. Сегодня, этой ночью. И потом. Будь сегодня моей любовницей, а потом моей женой. Я расторгну помолвку, откажусь от своей невесты. Я с тех пор, как увидел тебя, только тобой и брежу. Ты мне снишься. Все цветы тобой пахнут. Соловьи о тебе поют. Я не знаю, что это такое. Не должно быть... Зверь во мне сидит, лютый зверь. Как увижу тело женское – ногтями впиться, искусать, измолотить, кровь пустить. С отрочества я такой. Таким, как я, в старые времена кол в сердце вбивали. А теперь вот смог найти службу, на которой лютость моя государю полезна, сумел так устроиться, чтобы никто не знал... Чтобы о самом страшном никто не знал. Когда я тебя впервые увидел – я же хотел тебя прямо там взять. Потом бредил, подушку грыз. Второй раз поехал – хотел тебя в содержанки зазвать. В третий раз – хотел силой увезти... Но как посмотрю тебе в глаза – не могу руку на тебя поднять. Вот сей-

час хотел войти и сразу платье с тебя сорвать, чтобы увидеть наконец наготу твою желанную. А вместо этого стою и говорю. – Он вздохнул, зажмурился и заговорил еще быстрее, так, что Алтан с трудом могла следить за его скачущими мыслями и мельтешащими у него в сознании образами. – Я тут книгу читал интересную, будто у каждого человека, мужчины или женщины, есть его половина, тот единственный, с кем этот человек может быть совершенно счастливым и совершенно собой. Но редко случается встретиться с таким человеком, который твоя половина. Потому что твоя половина может родиться на другом конце земли, может быть другой веры, неподходящего сословия, или сильно моложе, или сильно старше, но если чувствуешь, что перед тобой – твоя половина, следует переступить через все преграды, ибо соединение половин и является счастьем. Я на Катеньке жениться хотел, потому что она добрая и спокойная, когда я с ней, мне будто на голову льется прохладная водичка, я успокаиваюсь, лютость моя усмиряется... Но я не знал, как мне с ней в постель идти, с такой чистой. Она для меня – будто сестра родная. Разве ж можно свою сестру?.. Грех это! А тебя я хочу. Но не так, как других баб. Не рвать зубами хочу, а целовать. Снять вот этот носок с ноги твоей и поцеловать ногу... Такого даже в стихах не пишут, что я хочу с тобой делать. На руках

бы носил, хоромы для тебя выстроил, баловал – как захочешь. Только останься со мной. Будь моей. Вот...

Он сунул руку за пазуху и вынул обтянутую черной кожей шкатулку. Открыл щелчком – там, на черном бархате, лежало ожерелье из сверкающих камешков. те, что покрупнее, светились травяной зеленью, а те, что помельче, белые, лучились радугой.

– Выиграл у богатого купчины забайкальского. Не люблю играть, ненавижу игру и игроков, но талант к этому делу у меня есть. Как увидел в трактире, что он на кон поставил, так и сел играть. Чтобы эту безделицу для тебя выиграть. Дай-ка, надену. Посмотрю, как оно на тебе...

Украшения у Алтан были, как и положено незамужней девушке, простые: серьги серебряными колечками, четыре серебряных кольца на руках – на указательных и на безымянных пальцах. На правой руке еще было кольцо с голубым камушком, напоминавшим ей летнее небо. В каждую из двадцати кос вплетен шнурок с серебряной монеткой. Но ничего сравнимого с этим ожерельем Алтан и вообразить себе не могла. Даже у замужних, у самых богатых женщин она такого не видела! Но она не хотела это украшение. Она ничего от Белоглазого не хотела. Лишь бы он ее не трогал... Только бежать ей было некуда.

Он подошел. Алтан сначала вскинула руки – засло-

ниться! – но усилием воли усмирила страх. Опустила руки. Стояла недвижно, пока он раскрывал ворот ее платья, пока застегивал сзади замочек. Холодное, тяжелое ожерелье легло ей на шею мертвой змеей.

Сверкание камней отразилось в его глазах. А потом он одним рывком – Алтан ахнуть не успела! – разорвал платье на плечах и спустил так, что она лишь на груди успела удержать ткань руками... Подумала – вот сейчас он и дальше рвать на ней одежду станет, вот сейчас... Но он отступил назад и смотрел на нее, любуясь. Снова подошел, сгреб ее косички, накрутил на руку и поднял вверх, открывая обнажившуюся спину и шею.

– Вот такой ты должна быть. Платье на тебя надеть декольтированное. А волосы наверх убрать. И это кольцо... Ты затмишь всех. Что там в Иркутске – в Петербурге первой красавицей прослывешь! Экзотическая, скажут, красота... А я буду лгать о тебе, будто ты – японская принцесса, со мной убежала, по большой любви. И они поверят. Они всегда рады верить сказкам. Люди. Все люди.

Он был сейчас так близко. Алтан чувствовала тепло его дыхания на своей щеке. И когда он прижался губами к ее губам, она не стала противиться. Он целовал ее, а ей казалось, будто сидит она звездной ночью на берегу Байгала, соловей щебечет на ветке у

нее над головой, а возле ног лежит огромный белый волк, и она, Алтан, гладит, гладит его жесткую шерсть. Страшный волк-людоед, все боятся его, одна Алтан не боится и знает, что, покуда она рядом, покуда ее рука касается его шерсти, он не будет опасным, не захочет крови.

А Белоглазый уже выпустил ее волосы, но обеими руками обнимал ее, гладил обнаженную спину и шептал между поцелуями:

– Будешь моей? Будешь?

Алтан хотелось сказать ему «тиимэ», что значило «да».

Алтан хотелось сказать ему «убгэн», что значило «муж».

Алтан казалось, что он поймет, на каком бы языке она ему не ответила.

Она еще не была влюблена в него, но уже готова принять его, чтобы усмирить кровожадного зверя. Она знала, что полюбит его потом, когда увидит, какой он без волчьей шкуры. Полюбит в нем человека. Знала, что если и есть человек, которого она могла бы полюбить, то только вот такой, измученный сидящим в нем темным духом, лютый, страшный, но способный на страсть и нежность. Знала, что сможет избавить его от темного духа, и когда он возьмет на руки их первенца, с него упадет последний клочок волчьей шерсти.

И больше он не будет Белоглазым, он станет Сергеем, ее любимым. Алтан поняла все это, пока он целовал ее, – через его дыхание, через прикосновение губ и рук.

Но песнь соловья, сладостная и тревожная одновременно, донеслась до нее, и, заслушавшись, Алтан поняла: это не снаружи, а здесь, в комнате, поет Соловей, дух Соловья, ее дух-покровитель, напоминая о долге.

Ей нужен хотя бы год. Год на то, чтобы найти себе преемника, научить его призывать духа-покровителя, передать ему своего Соловья, а потом отвести этого мальчика (да, мальчика, лучше мальчика!) к другому шаману. И не к старику, а к молодому шаману, который согласится выучить преемника не для себя, а шамана для другого рода... Ей нужен год, не меньше.

Если она сейчас оттолкнет Сергея, в нем проснется Белоглазый.

Но если не оттолкнет его, дух Соловья покинет ее, а она предаст свой народ. Своих людей. Свою родню.

Если в Сергее проснется Белоглазый, рано или поздно найдется охотник, который убьет волка...

Если она предаст свой народ и не выберет шамана-преемника – что они будут делать, когда придет хворь или неурожай, кто станет говорить от их имени с предками, духами и богами? Ведь даже дух-покрови-

тель, ее нежный Соловей, останется с ней, предательницей, лишенный голоса и заточенный, как в клетку! Она – шаманка, она не должна любить кого-либо, кроме духа-покровителя. Если она добровольно ляжет с мужчиной – лишит своего духа крыльев... И возможно, у ее народа вовсе уже не будет покровителей среди духов!

Алтан заплакала и уперлась ладонями в грудь Сергея.

– Я хочу быть твоей, но мне нужен год. Если бы ты только мог подождать год! За год я бы сделала то, что должна, для своего народа, а для нашей свадьбы я бы вышила одеяло. И потом мы с тобой убежали бы, это не позор у моего народа, когда невесту умыкают, ты бы посадил меня в седло и увез. А в брачную ночь я бы вошла к тебе, завернутая в вышитое одеяло, и распахнула бы его, и ты бы увидел мою наготу, и мы легли бы на этом одеяле и любили бы друг друга... Год, подожди год, и я сама приду к тебе! – Алтан говорила и знала, что Сергей не понимает ни слова.

Если бы только он умел слушать, как она, душой, сердцем!

Алтан согласилась бы даже на переводчика, произнесла бы все эти личные слова при чужом мужчине, доверила их чужим устам... Да только вот Сергей не позовет переводчика. Для него это тоже слишком

личное дело.

Алтан плакала, глядя, как грозovým мраком наливаются глаза Сергея, а затем становятся белыми, сияющими, словно лунное отражение в Байгале... Как звериная шкура покрывает его, звериной мордой обрачивается его лицо, из пальцев вырастают кривые когти. Никто другой не увидел бы, но она сумела.

– Значит, нет?

Алтан покачала головой.

Он не поймет ее. А она не может сознательно, добровольно отказаться от долга перед своими людьми. Пусть он лучше убьет ее здесь и сейчас. Если кровь шамана прольется – дух-покровитель станет свободным и сам призовет нового шамана. Трудно будет новому без учителя, как слепой будет метаться, пока не найдет, на кого опереться, от кого испить знаний.

Алтан закрыла глаза, ожидая, что сейчас он ее ударит, собьет с ног, сорвет одежду, будет терзать ее, как тех несчастных, пока не убьет...

Но услышала треск распахнувшейся двери и яростный крик:

– Семен! Семен! Забери ее... Забери, увези, в тюрьме пусть утра дожидается. А утром пусть следственный эксперимент Спицын проводит. И отпускает ее, если ему хочется. А я уезжаю.

– Куда, барин?

– В Иркутск. На перекладных. Срочно. Невеста у меня заболела.

– Катерина Борисовна? Господи, а что с ней? Как вы узнали?

– Семен... Уехать мне надо. Уехать. А ее – забери.

Мрачный Семен подождал, пока Алтан трясущимися руками оправит порванное платье, натянет сапоги, наденет халат и шапку. Сам оделся и повел ее темными улицами. Долго вел, пока не привел к огромному частоколу. Там передал военному:

– Господин Спицын утром за ней придет. Посадите ее подальше от шалав всяких. Она хоть и бурятская шаманка, но все же девица. Проследите, чтобы не обидел никто.

Остаток ночи Алтан провела в камере-одиночке. Она плакала и гладила пальцем змею из сверкающих камешков, так и оставшуюся у нее на шее. Соловей пытался утешить ее, но не получалось. Он больше не мог обнять Алтан своими крыльями. Теперь между ними словно сетка была из жесткого волоса. Из волчьей шерсти...

Наутро Алтан отпустили без всяких следственных экспериментов. Она вышла на ярко освещенную улицу, увидела отца и троих соседей. Они поклонились и повели ее к конюшне на окраине, где местный за мешок вяленой рыбы взялся приглядеть за их ло-

шадьми.

Глава 5

Вернувшись домой, Алтан начала искать преемника. И нашла его – своего троюродного брата. Звали мальчика Золто, что означало «счастливый», ему уже исполнилось двенадцать, и он был искусным охотником, а должен был стать одним из лучших, но родители отдали его Алтан: раз такая молодая шаманка хочет учить преемника – значит, что-то случилось, с ней беда, она не чаёт прожить долгую жизнь.

Золто был послушным и разумным. Он с лёгкостью входил в транс и духа призвал легко. Алтан надеялась передать ему своего Соловья и уже обрадовалась, услышав хлопанье крыльев, но увидела, что из груди Золто вырывается, взмывает в небо орлан-белохвост. Сделав в небе круг, орлан спустился на распростёртого Золто и начал клевать мясо из его груди. Но когда Золто погладил свирепую птицу, орлан провел крылом по ране, заживляя ее. И растворился, словно сделавшись с Золто единым целым.

До холодов надо было успеть так много... Едва Золто оправился от слабости после инициации и обретения духа, Алтан собралась в дорогу. С паломничества к горе Аяя она возвращалась вместе с несколькими шаманами, обитавшими на том же

участке берега Байгал-моря, в соседних поселениях, и она знала, что в полутора днях пути живет молодой, но сильный шаман, и дух у него сильный, но миролюбивый: лось. Он научит Золто всему, что надо. Конечно, надо заплатить. И она заплатит. Она отдаст все, что есть у нее ценного от материального мира. Все – это значит абсолютно все. Алтан выплела из кос шнурки с монетками, сняла свои девичьи колечки и сережки, и тяжелый золотой браслет (единственное из украшений, которое не забрала с собой в смерть старая шаманка, а подарила ей, Алтан), и даже змею из сверкающих камней – все сложила в кожаный мешок. Вместе с Золто и лошадью, на которой он ехал, оставила в далеком селенье на попечение доброго Лося. А сама вернулась. И принялась шить свадебное одеяло.

Алтан знала от охотников, что берега Байгал-моря полнятся слухами о женщинах, растерзанных лютым зверем. Слухи увеличивали количество жертв – двадцать, тридцать, сотня... На самом деле их могло быть четыре, шесть или десять, но не важно, что меньше, а важно, что это – отнятые жизни. Важно, что темный дух становится с каждым убийством все сильнее, а Сергей слабеет. И скоро от Сергея не останется совсем ничего.

Алтан шила самое простое одеяло: любую невесту

засмеяли бы, вывеси она такое на забор. Но у нее не было времени. Закончив, она принялась расплетать свои косы. Все двадцать девичьих кос. Вымыв волосы кислым молоком и ополоснув в трех травяных настоях, Алтан расчесала их и заплела уже в две косы, как у замужней. И призвала Соловья. Нежно ласкала она своего духа-хранителя, утешала и уговаривала, и, едва не плача от боли за нее, улетел Соловей к Белоглазому: петь в его сны, звать его из снов – к ней, к Алтан.

Двух ночей хватило.

Первые звезды третьей ночи загорались над Байгалом, когда прискакал Белоглазый на взмыленном коне. Рванулся в дом. Алтан ждала, завернувшись в одеяло невесты. Рядом была приготовлена плошка с маслом.

Когда Белоглазый вошел, Алтан медленно подняла плошку и склонила ее в очаг. Пламя взметнулось. Он не знал, что это важный свадебный обычай. Алтан знала. Она не хотела оскорбить духов этого дома. Ведь в доме потом еще жить Золто...

Не хотела она осквернять дом кровью. Поэтому встала и пошла, босая, завернутая в одеяло, мимо Белоглазого, прочь из своего дома. Пошла в лес, в глушь, а Белоглазый следовал за ней, словно она ве-

ла его на невидимой цепи.

Ночь была светлая. Дойдя до поляны, на которой впервые они встретились, Алтан повернулась к Белоглазому и распахнула одеяло, бросила его на траву, осталась стоять – тонкая, светящаяся белизной, покорно ожидающая.

Белоглазый подошел. Схватил за плечи. Пальцы грубо впились в кожу. Поцеловал в шею. И тут же укусил. Больно, до крови.

– Если бы ты тогда согласилась быть моей... А теперь я другой. Слишком много на мне крови. И любви больше нет во мне. Вся выгорела. Только жажда осталась. Лютая жажда.

– Я утолю твою жажду, – сказала Алтан. – Ты больше не захочешь крови.

Он не понял. Он никогда ее не понимал.

Толкнул Алтан на одеяло и рухнул на нее. Даже не раздеваясь, лишь судорожно расстегнув одежду, ровно настолько, насколько это нужно, когда солдат насилует женщину в захваченном городе. Вошел в Алтан, ворвался, проник так глубоко и резко, что ей показалось – боль разрезала ее надвое, до сердца дошла, она задохнулась, а он двигался жесткими рывками, и боль становилась сильнее и сильнее, он словно рвал ее – там, и пальцы его прочерчивали кровавые полосы вдоль ее тела, впивались в бедра, он ку-

сал ее губы, шею, грудь и не слышал, как плачет Соловей, спрятавшийся где-то в ее сердце, в единственном месте, куда Белоглазый сейчас добраться не мог. Излившись в нее, он замер. В такой миг слабеет любовью мужчина. И тогда Алтан, обхватив его лицо ладонями, заглянула в глаза: «Где Сергей?»

На миг ей показалось – на нее смотрят голубые глаза Сергея. Но он моргнул – и снова светящиеся серебряные глаза волка-людоеда.

«Мы вместе. Мы слились. Теснее, чем ты со своим Соловьем. Он мой. И любовь его не спасет. Да и не существует для него больше любви!»

Улыбаясь Алтан, Белоглазый вытащил нож. Он оставлял порезы на ее коже – тонкие, узкие, от таких не умрешь, но больно... Когда он успел раздеться донага? Алтан не заметила этого, но Белоглазый сидел над ней, голый, вымазанный ее кровью. Он принялся срезать тонкие полоски кожи, словно ремешки. Она терпела без крика сколько могла. А когда вскрикнула – он вбил ей в рот кляп из какой-то тряпки, связал ее руки и продолжил кровавое пиршество. Он снова овладел ею, скользя по крови, и каждую из ран словно каленым железом жгло прикосновение его жесткого тела, соленого от пота. Ей казалось – он покрыт жесткой шерстью, и эта шерсть скребет ее раны.

Уже светало, когда он наконец перерезал ей горло. Кровь и дыхание вырвались через рану, и Соловей, заходившийся испуганным щебетом, тоже вырвался и взлетел вверх, вверх... И ринулся в воды Байгала, туда, где живут все духи, куда они уходят, когда умирает шаман.

Растрезанное тело Алтан лежало на пропитанном кровью свадебном одеяле, но Белоглазый вдруг увидел, как она поднимается... Невредимая! Тело осталось лежать, в мертвых глазах отражалось светлеющее небо. А другая Алтан – прозрачная, сквозь нее было видно и деревья, и камни, и Байгал, и небеса, – другая Алтан улыбалась ему и протягивала руки.

И впервые он понял, что она сказала: «Иди ко мне, Сергей! Идем со мной!»

Он растерялся. Он был слишком удивлен. Он никогда не видел такого. Такого самопожертвования. Такой любви... Умереть не только для того, чтобы освободить своего духа-хранителя. Умереть, чтобы освободить душу своего мучителя. Отнять ее у злого духа, увести с собой в иной мир! Он растерялся... И этого хватило, чтобы Сергей ушел.

Еще одно обнаженное прозрачное тело... Ни капли крови на нем. И ножа в руке нет. Нож остался у Белоглазого. И когда Алтан и Сергей растворились в тумане над Байгалом, Белоглазый завыл от невыносимой

тоски и боли.

Кто он отныне? Куда идти? Как жить?

Он только что убил единственную женщину, которая могла спасти его – полностью. Его – целого. А теперь он был словно разрублен пополам, опустошен, и все стало бессмысленно, все... Уничтожить эту плоть, теперь уже ненужную! И вернуться потом, заново... Когда она вернется в этот мир.

Она вернется. Алтан не закончила свой земной путь. Она вернется, потому что ее позовет Соловей.

Она вернется – и тогда Белоглазый найдет мальчика, у которого душа уязвлена, страдает, ищет мести и слишком опустошена, чтобы сопротивляться вторжению чуждого духа. Белоглазый войдет в ребенка и будет взрослеть вместе с ним. И ждать, когда повзрослеет Алтан. Когда он снова сможет... убить ее? Любить ее? Он не знал точно, чего хочет сильнее.

Но если убить – то до конца. Не дать освободиться. Пожрать полностью.

В следующий раз он не растеряется. В следующий раз он ее не отпустит.

Белоглазый вздохнул и вонзил нож себе между ребер, ровно на уровне сердца. А потом с размаху бросился на землю, так, чтобы лезвие пропоролло сердце и избавило его от этого тела, ненужного и пустого.

Не важно, сколько лет ему придется скитаться, сто

или двести.

Не важно, сколько лет Алтан проспит в прозрачных водах Байгала, залечивая свои раны.

Она вернется.

И тогда он придет за ней.

Часть третья

Корона

Глава 1

Наконец наступил день последнего кастинга «Мисс Страны». По фотографиям отобрали почти две сотни девушек, но только двадцать пять из них примут участие в конкурсе. Сандугаш немного волновалась, хотя в глубине души знала точно – ее возьмут, и она выйдет в финал. Иначе просто не может быть! Она так долго к этому шла, она заслужила и этот конкурс, и его главный приз.

Последние недели вымотали ее до предела. За работу натурщицы платили неплохо, но труд это был адский. Тело стало каким-то деревянным, болели даже те мышцы, о существовании которых Сандугаш раньше не подозревала.

Две сотни девушек собрались в специально арендованном Доме культуры. Веселая суতোлка, взволнованная болтовня. Кто-то показывает другим свои модельные фотографии, кто-то торопливо делает прическу. У кого-то страшное горе – выяснилось, что ку-

пальник в затяжках: «Обидно до слез, как я в таком на сцену?! Позорище!»

В крошечной примерке началась толкотня. Каждой девушке выдали анкету и номер, который нужно приколоть к купальнику. Девушки были такие разные – кто-то приехал на «мерседесе», а кто-то стеснялся, что чулки рваные.

У Сандугаш купальник был простенький, выцветший. Но она все равно радовалась, что в последний момент, когда собиралась в Москву, повинувшись интуитивному порыву, запихнула его в сумку. А у одной девушки вообще с собой купальника не оказалось, и она отправилась на сцену в нижнем белье. Прозрачные трусики и кружевной белый лиф. Ей в спину хмыкали, но недолго – презрение сменилось завистливым шепотком, когда она вышла в финал.

Большинство же девушек после короткого просмотра отправляли домой.

Короткое: «Спасибо, вы свободны!» – и вот вся мечта коту под хвост.

Девушки нервничали, сплетничали. Кто-то говорил, что главное – понравиться самой Марианне, хозяйке конкурса. Ее слово – закон. Иные пожимали плечами: Марианна – никто, марионетка. Как скажут главные спонсоры – банкир Леопольд Вертинский и предприниматель Федор Птичкин, – так все и будет.

Кто-то разглядел в зале бывшую звезду подиума, подругу Марианны, Ладугу Соловьеву: «У нее глаз-алмаз! Марианна ее уважает и слушается беспрекословно. Надо на нее работать, она – основная!»

Сандугаш знала точно – нужно всегда оставаться собой, быть на своей волне. Этому ее отец научил – не в форме трансляции прописных истин, а примерами из жизни. Если плыть по течению, или, как сейчас модно говорить, «быть в тренде», тебя одобрит общественность, но ты останешься незаметной, сольешься с толпой. Надо всегда гнуть свою линию, быть честной, исходить из внутреннего порыва, своего собственного огня. И тогда все получится.

Одна девушка не выдержала напряжения и упала в обморок. Может быть, не ела ничего весь день – хотела на кастинге выглядеть стройнее. Хотя жанр конкурсов красоты несколько отличается от классического модельного бизнеса. В моделинге нужны андрогинные тела, а на конкурсе красоты может блистать и девушка с формами, и даже допустима легкая «полннка». Анорексичкам здесь вовсе не место.

Другую девушку на нервной почве рвало в мусорный бак – все шли мимо и безразлично нос воротили, никто не пытался ей помочь.

На глазах Сандугаш разворачивались и маленькие социальные трагедии. Пришли две подружки – с дет-

ства были не разлей вода, с первого класса за одной партой, обе распустились в классических красавиц, обе мечтали о короне, обе прошли тур по фотографиям. И вот одна попадает в число двадцати пяти счастливиц, а другая слышит: «Спасибо! Вы свободны, приходите в следующем году!» И вот уже черная кошка между ними пробежала. Отвергнутая пытается сохранять лицо. «Я так за тебя рада!» – и все такое. А у самой завистливые слезы в глазах. Вторая, та, которой улыбнулась судьба, вроде бы и счастлива, но радость омрачена – она получила возможность сделать карьеру (о, это не сама карьера, а всего лишь небольшой шанс!), зато потеряла подругу.

На сцене девушки вели себя кто во что горазд. Были среди них и участницы, уже обладавшие модельным опытом. Они старались держаться профессионально – шли как на показе мод. Были те, которых никогда не учили держаться на сцене. Они и танцевали, и кружились, и пытались шутить.

Сандугаш заметила, что одна девушка мажет вазелином зубы.

– Ой, зачем? Противно же!

– Зато они будут красиво блестеть со сцены! Это старая голливудская примочка, еще из шестидесятых.

Какая-то девушка плакала навзрыд. Она случайно

взяла на кастинг купальник сестры. Купальники одинаковые, но сестра-то на четыре размера полнее, у нее пышная грудь, бедра! Купальник болтается на худышке, как тряпка. Очень некрасиво. Она нашла где-то прищепки для белья, кое-как заколола на спине. Вид, конечно, убогий, и все же лучше, чем было, только на груди купальник сидит отвратительно. Девушка пыталась держаться с юмором, но ее губы дрожали. Сандугаш пожалела ее – протянула колготки.

– Смотри! Мы так в школе с девчонками делали!

Из колготок соорудили фальшивую грудь, которая наполнила пустые чашечки. Девушка – ее звали Аля – от радости бросилась доброй фее на шею и расцеловала в обе щеки (и пусть на щеках Сандугаш совершенно некстати остались отпечатки вишневой помады, все равно это было приятно). Аля тоже попала в число финалисток, и Сандугаш решила, что в пансионате попробует поселиться в одной комнате с ней. Конечно, внешность обманчива, но Сандугаш чувствовала, что в этой девушке нет внутренней дряни.

Одна конкурсантка держалась так нагло, как будто корона уже была у нее в кармане. Звали ее Наташа. Смуглая, холеная, с длинными шелковыми волосами и надменной улыбкой. На шее – бриллиантовый кулон, пальцы унизаны кольцами. Едва вышла на сцену, ее пригласили в ту часть зала, куда посадили по-

бедительниц. И за ее спиной пронесся шепоток: мол, эта Наташа непростая, любовница самого Вертинского, главного спонсора.

И вот наконец подошла очередь Сандугаш.

Марианна и Лада из зала рассматривали участниц.

– Вон ту сразу можно отсекать! Толстая. Наверное, старые фотографии прислала. И на что она рассчитывала?

– Согласна. Вон ту, в красном купальнике, тоже. Ходит как корова.

– Зато блондинка в зеленом ничего.

– Да ну. Волосы явно не свои.

– Ты издеваешься? Тут у половины нарощенка, – усмехнулась Марианна, – и скулы сделанные у всех, и носы. Двадцать первый век, блин.

– А где та девочка, которая понравилась Вертинскому? Сандугаш или как ее там?

– Еще не было. Ну она-то попадет по-любому. Наверное, волнуется в коридоре. Не знает еще, как ее судьба смачно поцеловала.

– Ох, Марианна, лишь бы разрулилось с той девочкой по вызову. Ты не должна допустить, чтобы она попала в пятерку.

– Теперь это зависит только от Сандугаш, – мрачно вздохнула Марианна. – Подумать только, репутация

моего агентства зависит от какой-то безвестной девчонки!

– Мне надо в сотый раз пожурить тебя за то, что ты делаешь ставку на спонсоров? – Лада приподняла идеально выщипанную бровь.

– Не стоит. Будем надеяться, что девчонка в реальной жизни так же хороша, как на фото. А то сейчас придет какая-нибудь прыщавая овца и гений фоторедакторов. Что я буду делать?.. Хотя, если честно, проститутка на конкурсе – не единственная моя проблема.

– А что такое? – заинтересовалась Лада, которая хоть и имела репутацию снежной королевы, но любила сплетничать, как большинство женщин.

– Птичкин, – развела руками Марианна, – боюсь, как бы с ним опять не было проблем.

– Ты опять связалась с Птичкиным?! – ахнула Лада. – После того, что случилось два года назад?

– Вот именно. Тогда он пригласил на свидание финалистку за день до конкурса, а потом ее нашли на какой-то стройке всю в крови. Она не смогла участвовать. Конечно, Птичкин утверждает, что он ни при чем, но мы-то знаем, чем он увлекается.

– Вся Москва знает, – покачала головой Лада. – Он избивает девчонок за деньги. Не могу понять, как можно на такое согласиться. Хотя он, безусловно, хорош

собой... Но на меня его магнетизм не действует. Ненавижу самоуверенных самцов.

– Да? – потянулась Марианна. – А я вот, помню, запала на него, когда впервые увидела. Но бог отвел. Я Птичкину не понравилась. Это тоже подогревало. Мы несколько раз пили кофе, но мне он ничего подобного так и не предложил.

– Можно подумать, ты бы согласилась.

– Конечно, нет. Но все равно было обидно. Впрочем, он любит совсем юных, не старше двадцати пяти.

– А ты знаешь, что он недавно свидетелем по уголовке проходил? Его девушка пропала без вести.

– Да ты что? – ахнула Марианна. – Нет, ничего об этом не слышала. Даже не знала, что у него есть девушка. Думала, он по этим... одноразовым. Ты же в курсе, что Птичкин никогда ни с кем не встречается второй раз? Его возбуждает только первое свидание.

– Ох, не слишком ли много мы говорим о каком-то жалком извращенце?

– Не о каком-то жалком извращенце, а об извращенце-миллионере. Так что там с его девушкой?

– Ну, была какая-то. Вроде бы даже они жили вместе. Выгуливал ее где-то полгода. В Монако возил, на Каннском фестивале их папарацци вместе сняли. Красивая девушка, на вид вообще лет шестнадцати.

Все думали даже, что он женится. А потом однажды родители девчонки забили тревогу: дочь не звонит уже неделю. Полиция сунулась к Птичкину – а он чист. В доме никаких женских вещей нет. Дал показания, что они поссорились и расстались, девушку он больше никогда не видел. Только вот все думают, он силы не рассчитал и до смерти ее забил.

– Ужас какой!

– Так что держи с ним ухо востро! Чтобы близко к твоим девочкам не подходил.

– Разве что к проститутке, – хмыкнула Марианна, – уж прости за черный юмор.

Генеральные спонсоры почти никогда не присутствовали на проходных кастингах, только в финале. Но в этот раз Леопольд Вертинский решил почтить своим вниманием Дом культуры. Тем более что в кастинге участвовала Наташа, у которой он провел ночь. Подъехали с пафосом – на Наташином серебристом новеньком «мерседесе» (естественно, это был подарок Леопольда).

За несколько недель жизни подле Вертинского девушка расправила плечи, если не сказать, обнаглевала. Она и раньше была довольно самоуверенна. Ведь вера в себя – качество, которое от внешних обстоятельств не зависит. Можно чувствовать себя короле-

вой, работая по средним тарифам в заштатном борделе, а можно сомневаться в собственной божественности, позируя для обложек и рекламы. Наташа была из первых. А теперь у нее еще и деньги завелись. И скоро будет статус. Девушка Леопольда Вертинского и – самое главное – победительница «Мисс Страны»! Поэтому Наташа уже заранее держалась так, словно корона у нее в кармане. На других участниц смотрела, как королева на фрейлин.

Гримерка в Доме культуры тесная, а девушек много. Когда пришла Наташа и ей понадобилось зеркало, чтобы поправить макияж, она просто сбросила чью-то сумку со стула. Сумка опрокинулась, вещи разлетелись по полу. Но вот что странно: никто даже не попытался образумить обидчицу. Видимо, какая-то внутренняя сила в ней чувствовалась. Девушки просто молча собрали с пола помады и ключи. И сделали вид, что ничего не случилось.

Наташа переодевалась в самом центре, не ведая стеснения. Она все делала немного демонстративно, как будто показывала стриптиз. В отличие от большинства конкурсанток, анемичных и худосочных, у нее были роскошные формы. И она с удовольствием перехватывала на своей груди чужие взгляды. Купалась в них, пила их, как вампир пьет кровь.

А в это время в зале Леонид Вертинский развлекал

Марианну и Ладу. У него в запасе всегда был миллион забавных историй – как у фокусника разноцветных платков в рукаве.

Рассказал о том, как пригласил в гости давнюю любовницу, по которой иногда скучал, и решил быть романтичным: наполнил джакузи ее любимым шампанским «Вдова Клико». Кто знал, что девушка прямо перед свиданием побреет ноги и подмышки! Ванна оказалась ей раскаленным котлом – выскочила как поджаренная. Потом и обиделась еще, хотя на выходку было потрачено целое состояние.

Рассказал о своем приятеле, который купил вертолетный клуб и в первые же выходные три вертолета разбил один за другим. К счастью, никто не погиб, но машины восстановлению не подлежат. «Он просто не умеет слушаться! Инструктор говорит, что надо делать, а он все по-своему!» – похохатывал Леопольд.

Еще рассказал об одной из своих бывших жен (тоже, конечно, экс-модели, других Вертинский не употреблял). Она вновь собралась под венец, и черт ее дернул выбрать в мужа какого-то замшелого европейского аристократа. «У него ни недвижки приличной, ни счета! Какой-то поросший мхом замок в Альпах – полуразрушенный, в него бы денег вложить, которых нет. И титул!» И вот теперь эта идиотка вместе с двумя детьми Леопольда собирается переезжать в

рухлядь к своему фон Гавнону (как сразу же прозвал его Вертинский). И плевать бы на нее, но дети! Дочери тринадцать уже, сыну десять. Оторвать их от классной школы на Рублевке ради непонятно чего! На словах звучит красиво – закрытый пансионат в Швейцарии, но всем же известно, какие нравы в тех пансионатах. И теперь непонятно, что делать. Конечно, у Вертинского есть все рычаги – он может через суд оставить детей в России. Но тогда они будут жить в доме с гувернантками, а не с родной матерью. Забрать их к себе Леопольд не может – не тот у него образ жизни, чтобы на все это смотрели подростки. И потом, у него репутация человека благородного и толерантного, он сохранил отличные отношения со всеми своими пятью бывшими женами. И вдруг этот некрасивый судебный скандал! А она еще и прессу привлечет – баба-то скандальная...

Вертинский болтал, не особенно обращая внимание на то, что происходило на сцене. Немного оживился он, лишь когда появилась его Наташа – и даже не заметил, как Лада и Марианна, скривившись, переглянулись. Наташа была чудо как хороша – белоснежный откровенный купальник очень ей шел. Девушка с обложки.

На других конкурсанток Вертинский смотрел рассеянно.

«Неужели правда старик влюбился? – тоскливо думала Марианна. – Этого просто не может быть. Он бабник – легкомысленный, романтичный, но непостоянный. Ему нравится жить в этой иллюзии и ненадолго считать каждую встречную-поперечную женщиной своей жизни».

Глава 2

У Сандугаш немного кружилась голова: напряженные недели, нервная усталость, да и позавтракать перед конкурсом не успела. Почему-то она не думала, что кастинг займет столько времени. Ей виделось так: она придет в Дом культуры, сразу же поднимется на сцену, ей скажут, что она прошла в финал, и уже можно будет пойти в кафе и отметить событие – заказать бокал шампанского, какой-нибудь салат, может быть, даже кусочек торта. За весом ей следить не надо – работая натурщицей, она и так три килограмма сбросила. Говорят, для модели это хорошо, но самой Сандугаш казалось, что вид у нее нездоровый – щеки слишком сильно впали, ключицы стали острыми, каждый позвонок видно.

За время работы натурщицей она почти не потратила денег, все заработанное откладывала. Могла бы себе позволить вкусно поесть в кафе, но было совестно тратить деньги, зная о том, что Костя, ее любимый мужчина, находится в беде. Вдруг у него каждая копейка на счету, ну как она может предаться радостям потребительства?! Ей ничего не нужно, совсем ничего в материальном мире, лишь бы он выздоровел, лишь бы с ним быть вместе.

Она сидела на подоконнике, в своем стареньком купальнике и наброшенной на плечи байковой рубашке, и наблюдала за происходящим вокруг. Почти ни с кем не познакомилась. Попыталась завязать разговор, но тут же была поднята на смех. Хотя казалось бы, вопрос, который она задала в пространство, был невинным и вполне логичным:

– Девчонки, а кто знает, где тот пансионат, куда нас повезут?

Но девушки повели себя как обитатели птичьего двора, когда родился гадкий утенок, – зашипели на нее со всех сторон, заклевали. Мол, кто она вообще такая, чтобы делать самонадеянные заявления?! Да тут двести человек, и каждая вторая получше нее будет!

Сандугаш – не Наташа с ее ореолом богатства и сытости, с ней церемониться никто не стал. Видно, что у девчонки ни гроша за душой, не стоят за ее спиной крутые спонсоры. Просто залетная птичка, каких в модельном мире миллионы.

Наконец подошла ее очередь выходить на сцену. Единственной, кто хоть немного поддержал Сандугаш, была Аля – та девушка, которой она помогла с купальником не по размеру.

– Давай, у тебя все получится! Пройди спокойно, улыбнись им. Улыбка – обязательно. Модель может

быть серьезной, а королева красоты должна улыбаться.

Сандугаш прошла из одного конца сцены в другой, немного неловко развернулась, зашагала обратно. Все молчали. Не было ни приглашения присоединиться к счастливицам, ни губительного «спасибо». Она приблизилась к краю. Улыбнулась, как учила Аля. Потом зачем-то сказала, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно:

– Меня зовут Сандугаш! Я родилась на берегу далекого Байкала и приехала сюда за короной.

И тут же отругала себя – ну не глупо ли?

Зачем она вперед полезла, когда не спрашивали?

Но уже уставшие члены жюри хотя бы сфокусировали на ней заинтересованный взгляд. Их было трое. Две женщины дивной красоты – блондинка и брюнетка – и упитанный мужчина. Все трое рассматривали ее, как будто она была рабыней на рынке. Сандугаш даже немного смутилась, ведь она, в отличие от многих других участниц, не привыкла к модельным кастингам.

Марианна наблюдала за тем, как меняется лицо Вертинского, которого она знала много лет. Она хорошо относилась к Леопольду – он стал почти другом, хотя это были своеобразные отношения, в которых условия диктовал он. Далеко не равноценное

партнерство. Но он был веселым, всегда наполненным энергией, беззлобным – с таким человеком приятно делить пространство.

С замиранием сердца она отметила, что все получилось! Кажется, девчонка ему понравилась! Запахло! Глаза так заблестели! И он перестал балагурить, замолчал. Даже когда его Наташа шла по сцене, продолжал что-то вполголоса рассказывать, а тут – умолк, сосредоточился исключительно на созерцании.

Молодец все-таки Лада! Глаз-алмаз. Зря она ушла из модельного мира – могла бы делать звезд. Это такой редкий дар – разглядеть звездное будущее в одном из миллиона красивых лиц.

Самой Марианне Сандугаш тоже понравилась. Что-то было в этой девочке, помимо правильного лица и идеального по модельным стандартам тела. В ней чувствовалась внутренняя сила, что-то незримое – это обычно называют энергетикой или харизмой.

Лада легонько толкнула подругу локтем в бок:
– Слушай, а эта Сандугаш – сила, да?
– Дааа, – протянула Марианна.
– Надо присмотреться к ней в пансионате. По-моему, это твоя новая «Мисс Страна».

Тем вечером Сандугаш купила бутылку просекко,

хороших пирожных и пригласила Милу отметить с ней радость. Соседка поверить не могла в то, что этой провинциальной наивной дурочке и правда удалось так преуспеть. Попасть в конкурс «Мисс Страна»! Без связей, без единого знакомства в Москве, с так себе фотографиями! Мила была ошарашена. И конечно, немного завидовала. Нет, не участию в конкурсе – ну какая из самой Милы модель? – а той легкости, с которой Сандугаш шла напролом. Как котенок: вижу цель, не вижу препятствий. В Миле этого не было. Она боялась трудностей, ей всегда казалось – она не сможет, не дотянет, не выдержит соперничества. Кто она такая, чтобы претендовать на прыжок выше потолка? А Сандугаш вела себя так, словно над ней вообще никакого потолка не было. Одно только бесконечное небо.

– Спасибо тебе, Мила! Ты меня так поддержала. И комнату мне сдала, хоть и не была уверена, что я потяну. И с фотографом познакомила. И вообще, ты добрая!

– Да чем я там помогла... – смутилась Мила. – И что же теперь? Ты уедешь в пансионат?

– Да. Как и собиралась. В понедельник заезд. Но ты не волнуйся, я оплачу комнату до конца месяца.

– А после конкурса? Ты не вернешься?

– Нет, зачем мне это. Я вообще оставаться в Москве не собиралась. Ты же знаешь, какая у меня ситуация.

– Но если ты победишь...

– Не «если»! – перебила Сандугаш. – Я обязательно должна победить.

– Ну хорошо, когда ты победишь... там же наверняка заставят контракт подписать. Победительниц конкурсов красоты обычно не слабо так имеют весь год – участвовать в благотворительных проектах заставляют, выступать везде...

– Да? – нахмурилась Сандугаш. – Значит, буду участвовать. Обманывать никого я точно не собираюсь. Но сейчас преждевременно об этом думать. Сейчас мне главное собрать все силы и выстрелить.

Глава 3

Для подготовки к конкурсу «Мисс Страна» был арендован небольшой пансионат в Подмосковье. По контракту девушки обязаны были находиться в нем весь месяц, без выходных, как в монастыре или закрытой школе. Даже москвичкам не разрешалось покидать это пространство.

Во-первых, такие отгулы создали бы нездоровую атмосферу внутри коллектива (а Марианна настаивала на том, чтобы конкурсантки чувствовали себя не соперницами, а именно единым коллективом, работающим на одну высокую цель) – девушки из глубинки будут завидовать, они ведь тоже скучают по своим.

Во-вторых, для конкурсов красоты очень важен момент репутации. Мало ли что может случиться во время таких отгулов. Все-таки подготовка к конкурсу – мероприятие нервное и трудозатратное. Весь месяц девушкам придется пахать. Десятичасовой рабочий день, полное включение, весь остальной мир подождет. Физическая работа, нервное напряжение, страх остаться ни с чем – все это может спровоцировать желание разрядки. Раньше, когда «Мисс Страна» только стартовала, правила были мягче и несколько раз возникали неприятные ситуации. Например, Марианна

за неделю до финала отпустила девушек отдохнуть – погулять по городу, прошвырнуться по магазинам. Кто же знал, что они отправятся в модный ночной клуб, где две из них напьются до состояния «держите меня семеро», а третья уединится в туалете клуба со звездой отечественного рэпа и звезда исподтишка сфотографирует ее на свой айфон? И потом Марианну будет атаковать желтая пресса, а ее конкурс, ее дитя, назовут «борделем на выезде»? Больше она такого допускать не собиралась.

В пансионат девушек доставили на автобусе.

Все пребывали в радостном возбуждении и пока еще чувствовали себя не соперницами, а почти подругами. Везунчиками, элитой. Ну еще бы – двадцать пять самых красивых девушек страны! Это потом начнутся и сплетни за спиной, и попытки нечестной игры. А пока они всего лишь баловни судьбы, которых автобус с логотипом конкурса увозит в неведомое светлое будущее.

Некоторые девушки успели подружиться на кастинге. Но Марианна не поощряла преждевременное создание каких-то группировок и нарочно расселила участниц по-своему.

Она долго думала, с кем поселить Сандугаш. Была даже мысль – с Наташей. Это было бы как минимум забавно. Потом одумалась – слишком опасная иг-

ра. Ядовитые змеи в банке. Нет, она будет действовать тоньше. Наташа держится расслабленно, чересчур уверенно, даже не сомневается, что вождеденная корона уже у нее в кармане. Черт его знает почему – то ли это врожденное чувство победителя, то ли Вертинский успел что-то ей наобещать.

Наташа, развалившись на кровати, намазывала руки кремом и хмурилась. С одной стороны, она была счастлива, что конкурс наконец стартовал – до последнего момента были сомнения, что ее жизнь может сделать такой крутой вираж: девочка из публичного дома выйдет на сцену одного из самых престижных конкурсов красоты в стране. Девочка, никогда не мечтавшая об этом, никогда не претендовавшая на подобный статус. Но, с другой стороны, это означало, что целый месяц ее любовник, Леопольд Вертинский, будет вне зоны доступа и контроля. Наташа по этому поводу очень нервничала.

За минувшие недели она успела привыкнуть к красивой жизни. Вертинский каждый вечер проводил с ней и в какой-то момент перестал скрывать ее от общественности – они вместе посещали какие-то мероприятия, позировали светским фотографам. Наташа видела, что Леопольд очарован ею, что ему нравятся ее компания, и легкомысленный веселый нрав, и

врожденное спокойствие, и сногшибательный секс с ней. Наташа надеялась, что не за горами тот день, когда она получит кольцо в честь помолвки.

Но все-таки иллюзий относительно любовника она не питала. Ей было известно, что у Вертинского репутация бабника, что красивые девушки модельной наружности – часть его образа жизни. Наташа прекрасно понимала, что она одна из многих, а вот Вертинский – лакомый кусочек в городе голодных женщин. Эти женщины были везде – казалось, он знаком со всеми красавицами. Стоило прийти на любую вечеринку, как они словно из-под земли вырастали возле него – все такие томные, с приглашающими улыбками. Они вручали ему визитные карточки, писали недвусмысленные эсэмэски, всем своим видом демонстрировали, что не против любого формата близких отношений с таким мужчиной, как он. И по-человечески Наташа даже могла их понять. Но она не готова была делиться.

Вертинский – не просто ее мужчина, не только любовник. Он – волшебная дверь в Нарнию, ключ к новой жизни. Она была не дура и прекрасно понимала, что ее положение прочным не назовешь, поэтому теперь, находясь в пансионате, каждую минуту переживала – где он сейчас, с кем обедает? Он не взял трубку – на переговорах или уже с кем-то в койке? Ладно,

ладно, она не требует хранить ей верность, это глупо и несовременно, но лишь бы он не влюбился, лишь бы не заменил ее на другую фаворитку. Потому что если такое произойдет, для Наташи это будет означать крушение всех ее планов и надежд, стремительное разрушение воздушного замка, который она в своей голове построила.

Так что настроение у нее было хреновое, раздражало всё. Но в особенности – соседка по комнате, которую ей назначила Марианна (к слову, хозяйка конкурса совсем не понравилась Наташе – надменная сытая баба себе на уме).

Наташину соседку звали Мишель. Так было написано в ее паспорте, но девушка честно всем призналась, что имя она придумала сама, а поменять документы сейчас легко – для этого требуется всего одно заявление.

Мишель Петрова – ну не глупо ли звучит?

Ей было двадцать лет, и на конкурсе она представляла Екатеринбург, хотя сама уже четыре года жила в Москве. Мишель была востребованной моделью, привычной к пахоте. Всего добилась сама – не было в ее жизни ни богатых спонсоров, ни случайных счастливых билетиков. Просто однажды пятнадцатилетняя девушка посмотрела на себя в зеркало, решила, что

она сможет добиться того, о чем мечтают миллионы ее ровесниц, оформила в школе экстернат и вплотную занялась карьерой модели. Сначала заработала имя в родном городе, уже через год переехала в столицу. Сопровождала ее мама, для которой Мишель была отрадой и светом в окне. Мама боялась, что одна Мишель пропадет в порочной Москве, но и лишать дочку шанса на успех не хотела, поэтому бросила все дела и стала ее менеджером – помогала с графиком кастингов, с созданием личного сайта и страницы в Инстаграме, с рекламными контрактами.

Наташу в Мишель бесило всё, с первой минуты.

Бесило, что она такая правильная и чистая, горя не нюхавшая. Бесило, что она из хорошей семьи. Бесило, что в ее жизни никогда не было ситуаций, когда приходится рисковать, бороться, мириться с унижением и отвращением. Бесила ее уверенность в будущем. У Мишель, в отличие от Наташи, в любом случае карьера сложится хорошо, получит она корону «Мисс Страны» или нет. Ее знают, ее хотят снимать. Если не победит в конкурсе, поедет в Милан или в Токио.

Это для Наташи «Мисс Страна» – единственный шанс, а для Мишель – просто ничего не значащая ступень в карьере, красивая строчка в резюме.

Мишель пыталась наладить с соседкой отношения, но без толку.

– Хочешь, я познакомлю тебя с людьми из моего агентства? У тебя хорошие данные, тебя возьмут.

– Отвали. Голова болит у меня.

– Ну ладно... А ты не одолжишь мне крем для рук? Забыла купить...

– Ничего я тебе не дам, раньше надо было думать. И вообще, отстала бы ты от меня. Тогда я тебя тоже не буду трогать.

– Да что ты такая колючая? Что я тебе сделала? Мы здесь целый месяц будем жить, надо же как-то подружиться...

– Послушай, девочка, я сюда не дружить приехала. А если и дружить, то точно не с тобой, – огрызнулась Наташа. – Ты просто оставь в меня в покое, договорились?

– Ну ладно... – уныло согласилась Мишель.

И обиженно ушла в соседний номер пить с девчонками чай и сплетничать о сукесоседке.

Сандугаш, напротив, считала, что ей с соседкой повезло. Аля – та самая девушка, которой она помогла в доме культуры с купальником, – была открытая и казалась совершенно беззлобной. И у нее с Сандугаш было много общего. Она тоже приехала из далекого города, тоже попала на конкурс случайно. Просто увидела объявление в Интернете, отчасти ради шутки от-

правила свои фотографии и заполнила анкету, уже и думать обо всем этом забыла и даже удивилась, когда ей позвонили из Москвы и пригласили на кастинг. Аля, как и Сандугаш, верила в свою победу.

– Я знаю, что здесь половина девушек по блату. Но знаешь, Сандугаш, мне каждую ночь снится, как на меня надевают корону! Это же неспроста, да?

– Наверное, – мягко согласилась Сандугаш.

– А ты видела любовницу главного спонсора? Наташа, кажется, ее зовут. Она ведет себя так, будто все уже решено!

– Видела. Она очень красивая.

– Да ну, – скривилась Аля, – по-моему, ничего особенного. Холеная, да, а лицо простоватое. Видела, как она на всех нас смотрит? Как на говно!

– Да и пусть! – рассмеялась Сандугаш. – Это же ее проблемы. Нам-то что?

– А еще здесь есть девочка, которая в прошлом году тоже участвовала в «Мисс Стране»! Я с ней на кастинге болтала. Она такую жуть рассказывала!

– Да?

– Говорит, к финалу все перессорятся, это обычное дело. Подставлять друг друга начнут. В прошлом году одной девчонке соль в туфли насыпали перед финальным проходом. На конкурсе жарко, ноги потные. Она в кровь всё растерла. И на снимках было видно,

как она от боли кривится, вместо того чтобы улыбаться!

– Ужас какой! Вот злодейки. Но мне кажется, в нашей группе таких нет... Я думала в автобусе, как нам повезло с девчонками, такие милые все...

– Милые! – прыснула Аля. – А ты думала, что те, кто способен насыпать соль в туфли, выглядят как Беллатриса Лестрейндж? Все такие котики в начале, а потом показывают волчьи пасти и свиные рыла!

– Аль, но мы же с тобой никогда друг с другом так не поступим? – улыбнулась Сандугаш.

– Конечно, нет! – Аля бросилась вперед и обняла новую подругу. – Ты тут, по-моему, вообще одна нормальная. Никто больше мне тогда, в ДК, не помог. Я плакала, а все мимо шли, некоторые еще и улыбались злорадно. Одна ты вмешалась. Так что я твой должник!

– Какой там должник... Если не будешь сыпать соль в мои туфли, этого достаточно. – Сандугаш щелкнула ее по носу. – Аль, а давай чайку на ночь попьем? У меня кекс с собой есть. И спать. А то завтра нас в половине седьмого поднимут!

Глава 4

И начались однообразные дни. Это со стороны кажется, что конкурс красоты похож на гламурный кинофильм. На самом деле это рутина и тяжелый труд. Каждый день девушек будили около семи утра, и у них было всего полчаса на то, чтобы собраться и привести себя в порядок.

В первые дни многие пытались выглядеть лучше – делали утром укладку и макияж, но спустя неделю все махнули на себя рукой. Были бы волосы чистыми – и то хорошо, а лишние утренние минутки лучше потратить на священный сон, которого так не хватает.

С этими короткими утренними тридцатью минутами были связаны и первые ссоры. Пансионат оказался не из дорогих, одна ванная на два номера. Некоторые девушки, кто понаглее, занимали ее на все отведенные полчаса, не оставляя другим и минуты, чтобы почистить зубы.

Особенно не повезло тем, кто делил банное пространство с Наташей. Она вела себя так, как будто находится в пансионате вообще одна, за что ее коллективно возненавидели все девчонки. Впрочем, Наташу это ни капельки не расстраивало, она держа-

лась особняком и ни разу не выразила желания поболтать. Все свободное время сидела уткнувшись в свой смартфон и с кем-то переписывалась.

В половине восьмого – утренняя линейка, на которой объявляется распорядок дня. Как правило, один и тот же распорядок, но бывали и исключения. Иногда с разрешения Марианны приезжали журналисты, чтобы взять у конкурсанток интервью. Иногда девушек увозили на фотосессии. Один раз устроили организованную экскурсию по Москве – тоже ради фотографий, конечно.

Но, как правило, в половине девятого, после завтрака, начинались занятия и репетиции. Девушкам ставили технику речи и специальный подиумный шаг. Учили правильно кружиться на каблуках и правильно улыбаться в камеру. Вести себя по-королевски, держать осанку. Многим было велено похудеть. Так что питание в пансионате было скудным. С двумя девушками, самыми полными, отдельно занимался специально нанятый тренер – чтобы всего за месяц привести их в нужную форму. Были уроки танца и вокала.

Конкурс красоты – это ведь не просто модное шоу. Предполагается, что королева красоты должна быть не только смазливой, но и внутренне наполненной. Ну или как минимум не идиоткой. А это так трудно – не выглядеть идиоткой, когда стоишь одна под сотней

устремленных на тебя взглядов и отвечаешь на коварные вопросы ведущего, и прожектор светит тебе в лицо, и каблуки такие высокие, что колени дрожат. Надо контролировать все – осанку, улыбку, голос.

Марианна приезжала в пансионат каждый день после обеда. Сидела на репетициях, ни во что не вмешиваясь, но внимательно наблюдая за тем, как ведут себя девушки. Когда она появлялась, все оживлялись – каждой хотелось ей понравиться.

Но ни лестью, ни деланным энтузиазмом Марианну было не пронять – слишком много лет она провела в мире гламура и фальши. Она как будто бы видела каждую девушку насквозь и о каждой делала свои выводы.

Вручить кому-то корону – ответственный шаг. Конкурс красоты не заканчивается в тот вечер, когда стране объявляют имя финалистки. Целый год, до следующего конкурса, победительница будет работать на Марианну – сниматься в рекламе, представлять ее агентство на разных мероприятиях, участвовать в церемонии следующего конкурса. Это должна быть не просто красивая и обаятельная девушка, а настоящий стойкий оловянный солдатик. Та, что не боится труда и стресса. Та, что станет Марианне соратником и другом.

Марианна наблюдала за конкурсантками и понима-

ла, что среди них есть несколько лидеров.

Наташа. Чертова Наташа, оскоми́на, саднящий прыщ. Объективно она была очень хороша – настоящая королева. Многие девушки казались еще воробушками, а эта держалась так, словно родилась в семье аристократов. На сцене она будет смотреться чертовски органично, что уж там. И корона ей пойдет, и у журналистов не возникнет вопросов – все будут считать, что титул достался этой девушке по праву. Но сразу видно, что проблем с ней потом будет много. Если даже не учитывать ее репутацию (ведь журналисты могут и не добраться до Наташиной сложной биографии, хотя такой девице вполне хватит ума использовать свою историю в качестве эффектного рекламного хода), она до того уверена в себе, что для нее нет никаких авторитетов. Даже на Марианну смотрит как на обслуживающий персонал. Ох уж это живительное внимание Вертинского, в лучах которого женщины распускаются, как тропические цветы! Если Наташе достанется корона (нет, Марианна должна всеми силами этому помешать), она сама будет диктовать условия.

Сандугаш. Девушка редкой, нестандартной красоты. Раскосые голубые глаза, идеальная кожа, фигура, как у статуэтки, а не женщины из плоти и крови. Ни одного недостатка, все идеально. И у нее душа вои-

на. Твердость, готовность трудиться, спокойствие. Но есть и минусы. Во-первых, модельная неопытность. Девочка быстро учится и очень старается, но явно проигрывает тем, кто не первый год ходит по подиуму. Во-вторых, она слишком наивная. Детский взгляд, детская улыбка. Это хорошо для модельного бизнеса, но для титула «Мисс Страна» все-таки нужна некая внутренняя зрелость. В-третьих, она – темная лошадка. Непонятны ее мотивы. Марианна говорила с каждой участницей отдельно – и вот Сандугаш единственная не сказала о том, что она страстно мечтает о модельной карьере. Она была явно заинтересована в победе, но что дальше? Выдержит ли она следующий напряженный год, сможет ли выполнить условия контракта?

Конечно, всегда есть вице-мисс и вторая вице-мисс, которые, если что-то пошло не так, могут заменить победительницу.

В карьере Марианны такое случалось дважды. В первый раз «Мисс Страна» сразу после конкурса вышла замуж, забеременела, заплатила неустойку и уехала жить куда-то в Европу, безвозвратно оставив подиум прошлому. Это еще был не самый плохой сценарий. Во второй раз все было куда хуже. Победительница не выдержала бремени успеха. Слишком много о себе возомнила, под села на звездный статус,

как на кокаин. Все чаще ее видели на каких-то сомнительных вечеринках, она начала злоупотреблять шампанским, крутить какие-то странные громкие романы. Все хуже выглядела. Давала противоречивые интервью – как будто в ее пиар-план входил пункт «качественно оскандалиться». Марианна терпела долго, но в конце концов не выдержала, разорвала с девушкой контракт и передала все ее полномочия первой вице-мисс. Это удар по престижу конкурса. Пресса и спонсоры привыкли к одной королеве, и вдруг на сцене уже совсем другая.

Мишель. Профессиональная модель, даже с каким-никаким именем. Абсолютной красавицей ее не назовешь, но внешность очень нестандартная – такие лица не теряются даже под толщей грима. Широкие азиатские скулы, огромные, как у персонажа японского мультфильма, влажные глаза и пухлые, как у молодой Джоли, губы. Для такой не надо подбирать выгодные ракурсы – камера ее любит, на фотографиях Мишель всегда получается как конфетка. И хорошо, что девушка привыкла к модельной работе. Понимает, что это не просто яркий фантик, но и тяжелый труд.

Влада. Бывшая баскетболистка, рост метр девяносто. Лицо снежной королевы – безупречная нордическая красота. Ее фотографии произвели на Марианну впечатление, однако увидев девушку на кастинге, она

не сразу решилась принять ее в финальный тур. Все-таки слишком большой рост. На голову выше других конкурсанток. Это не очень красиво, когда одна из девушек настолько выделяется в толпе. Не видать бы Владе конкурса, если бы не вмешалась Лада: «Попробуй ее, данные-то золотые! Упустим девочку, модельный бизнес много потеряет! Помоги ей немножко, натаскай, я ее потом продам в Америку. Ты еще о ней услышишь. Весь мир услышит!» В итоге Марианна сдалась и быстро убедилась, что Лада опять не ошиблась. В этой девушке, Владе, были класс и стиль.

Всего одна неделя прошла, всего семь дней, а девушкам казалось, что целая вечность. Первая неделя – первый нервный срыв. Было двадцать пять конкурсанток, осталось двадцать четыре.

Не выдержали нервы у девушки из Воронежа, Татьяна. На ее счет у Марианны с самого начала были некоторые сомнения, но она решила дать девушке шанс. Татьяна – настоящая русская красавица, как с картины. Толстенная русая коса до пояса, яркий румянец, губы как будто всегда красной помадой подведены – такой необычный пигмент. Зубы белые, как рафинад, и вся она пышет здоровьем, чистой энергией молодости – при этом у нее такая талия, что ладо-

шками обхватить можно. Необычайно хороша. Но девочка нежная и нервная, мнительная. Из гадких утят.

Марианна к гадким утятам относилась подозрительно – таким редко удается воспитать в себе уверенность в собственной красоте. Татьяна выглядела так, что ее можно было среди ночи разбудить и без макияжа фотографировать для любой обложки, но у нее была масса комплексов. Она почему-то считала, что попала на конкурс по случайности и проигрывает большинству девушек. В первые дни Марианна старалась ее как-то поддержать, даже пригласила психолога, которая провела с Таней три двухчасовые сессии. Но это не помогло. В какой-то момент соседки по комнате внушили Тане, что она жирная корова, и девушка бросила есть. Вообще. Два дня продержалась, на третий упала в обморок прямо во время репетиции. А когда ее откачали, у нее случилась истерика. Пришлось вызвать врача, чтобы вколол ей успокоительное. Какой уж тут конкурс...

На следующий день Таня горько сожалела, просилась обратно, но Марианна была тверда как скала. Ужасно жалко девчонку, тем не менее рисковать репутацией «Мисс Страны» она не может. А что, если такой срыв случится прямо на сцене?

К концу второй недели участниц осталось двадцать три. Еще одну финалистку увезли в больницу с при-

ступом аппендицита. Сделали экстренную операцию, на которой выяснилось, что тревога ложная. Никто так и не понял, что это было – почему девушка так корчилась от боли и потеряла сознание в машине «скорой». Но по пансионату ходили сплетни о каких-то таблетках, которые подсыпали ей в компот соседки по комнате, желая устранить конкурентку.

Были и мелкие неприятности, куда уж без них. Кто-то из девчонок раздобыл несколько бутылок вина (видимо, случилось это во время общей экскурсии по Москве). Устроили вечеринку в одном из номеров, и на следующее утро нескольких участниц шатало от похмелья, а одну вырвало в столовой за завтраком.

Ну и ссоры, конечно. Маленькие ссоры и большие скандалы. От этого тоже никак нельзя было уберечься, Марианна знала по опыту. Мир профессиональной красоты – гадючник. Кому как не ей об этом знать.

День конкурса приближался, обстановка накалялась. Девушки внимательнее присматривались друг к другу, гадая, кто может войти в число пяти финалистов. Пытались выбить друг друга из колеи. Поддевали, зло шутили, откровенно оскорбляли. Кто поумнее, не обращал на подколки внимания, справедливо считая их необходимой частью сюжета. Кто послабее, искренне расстраивался.

В конце второй недели Марианне позвонил Вертин-

ский.

– Душа моя, хочу к вам заехать! С красавицами пообщаться. На Наташку мою посмотреть, а то уже начал забывать ее лицо.

«И слава создателю», – подумала Марианна.

– Ты можешь это сделать в любой момент, в любой вечер. Какой формат тебя интересует? Хочешь, организую большое чаепитие со всеми девушками? Выступишь перед ними как главный спонсор, заодно и познакомитесь.

– Ну зачем мне все девушки? У нас же будет, как обычно, большая вечеринка на яхте Птичкина. Там и увижу всех. А сейчас... Помнишь ту девчонку, которая меня зацепила? Имя у нее дурацкое какое-то...

– Сандугаш, – радостно подсказала Марианна. – Ты хочешь пообщаться только с ней? Прямо в пансионате?

– Почему бы и нет? К Наташе заеду, а потом и с этой красавицей познакомлюсь.

– А Наташа не сожрет тебя? – засомневалась Марианна. – И самое главное – не сожрет ли она потом Сандугаш?

– Мы ей ничего не скажем! – развеселился Вертинский. – Наташа у меня такая горячая девушка!

– Даже слишком. А хочешь, я Сандугаш к тебе отдельно пошлю? В город. Поужинаете где-нибудь.

– Не знаю, душа моя. А вдруг девочка никакая? Жаль будет потратить целый вечер, а выпроводить ее сразу я, как джентльмен, не смогу. Давай я приеду завтра на часок. У тебя ведь тоже есть там номер, так?

– Естественно, мой люкс.

– Ну вот и славно. Тогда я сначала с Наташей общаюсь, а потом в твоём люксе поговорю с этой...

– Сандугаш, – опять подсказала Марианна.

– Вот именно! Договорились?

– Конечно.

Как будто бы у Марианны был какой-то выбор. И вот теперь ей надо было объяснить этой сельской, не поцарапанной жизнью Сандугаш, почему та должна уединиться в номере люкс с одним из спонсоров, утаив впечатления об этом свидании от своих новых подруг. Самая неприятная часть ее работы – сводничество. Но разве от этого уклонишься?

С каждым днем характер Наташи все больше портился (хотя куда уж больше, казалось бы). Если в самом начале ее просто недолюбливали, то на исходе второй недели другим девушкам выть от нее хотелось. Она грубила, хамила, позволяла себе даже провоцировать драки. Хорошо, что в этом году на «Мисс Стране» подобрался более-менее мирный состав. Одна девушка случайно в коридоре врезалась

в Наташу, и та ее так толкнула, что обидчица упала, заработав синяк на бедре (ничего страшного, но для человека, которому предстоит показаться в купальнике перед публикой – целая маленькая трагедия). В другой раз Наташе показалось, что соседка, Мишель, воспользовалась ее ночным кремом. О, как Наташа орала – как итальянская жена из кинокомедии.

– Ты хоть представляешь, сколько стоил этот крем?! Да тебе за отсос столько бы никогда не заплатили!

– Успокойся, я не брала, – оправдывалась Мишель.

– Не ври! И ты лезла в него своими грязными пальцами! На нем теперь твои бактерии!

– Ты ненормальная, Наташ. Мне на фиг не нужен твой крем.

– Если я еще раз увижу, что ты роешься в моих вещах, я из окна тебя выкину!

– Да пошла ты! И вообще, мне пока не нужен такой дорогой крем, как тебе, ведь я и так молоденькая и свеженькая! Пользуйся сама!

Этого Наташа уже не могла вынести – она в атакующем прыжке бросилась вперед и впиалась сопернице в волосы. Визги, вопли, звук падающего стула. Когда взволнованные соседки ворвались в их номер, они обнаружили девушек катающимися по полу. Еле разняли. В итоге Мишель обзавелась кровоподтеком

на щеке, который ей теперь все время придется замазывать густым тональником. А Наташа едва не лишилась одного из своих виниров. Марианне пришлось строго поговорить с обеими, пригрозив в случае еще одного подобного нарушения разорвать с ними контракт. Мишель краснела и даже всплакнула, Наташа же держалась гордо.

– Никуда вы меня не выкинете, и сами прекрасно это знаете! – нагло улыбалась она. – А вот эту давно пора выгнать. Тем более что она никакая. Страшная. Лицо как жопа.

«Ненавижу Наташу, – думала Марианна, сохраняя спокойствие на лице. – Ненавижу Вертинского. Всех ненавижу!»

На самом деле Наташино поведение было криком о помощи. Она ведь места себе не находила. Ей казалось, что жизнь ее рухнет на глазах. Иногда она просыпалась среди ночи от сильного сердцебиения: «Он мне изменяет! Он сейчас кувыркается с кем-то в койке!»

Вертинский звонил ей, но редко, близость с ним куда-то испарилась. Теперь казалось, что раньше их объединяло всего лишь близкое расстояние. Была Наташа рядом, и он получал удовольствие, пользовался ее энергией, как гурман. А нет Наташи – пошел

искать точно такое же удовольствие в чужих постелях. Может быть, нашел уже для себя новую королеву.

Ох, как же некстати этот конкурс! Еще бы пару месяцев рядом с Вертинским, и Наташа точно выжала бы из него предложение руки и сердца. Они так быстро сблизились, и дальше их отношения развивались бы столь же стремительно. А теперь она торчит, как дура, в каком-то заштатном пансионате среди тупых куриц, мечтающих о короне, которая по праву принадлежит только ей одной. Ей, Наташе, и больше никому. И Леопольд Вертинский тоже принадлежит только ей.

Когда Вертинский звонил, Наташа старалась оставаться той легкомысленной девушкой, к которой он привык. Шутила, смеялась, осторожно планировала общее будущее.

«А вот после конкурса мы же поедem с тобой в Монако?»

«А летом ты познакомишь меня со своими детьми? Мне так интересно увидеть твое продолжение, это ведь настоящая магия».

И так далее.

И Вертинский вроде бы со всем соглашался – да, поедem, да, познакомлю. Тем не менее между ними появилась дистанция – незримая, но осязаемая пропасть. Он стал каким-то... более формальным, что ли.

И Наташу напрягало, что он ни разу не выразил же-

вание ее навестить.

– Я просто устаю страшно. У меня несколько важных сделок, иногда переговоры затягиваются до трех ночи. Бешеное время!

– А хочешь, я отпрошусь у Марианны и сама приеду к тебе?

– Не стоит. Занимайся конкурсом, это сейчас для тебя самое важное. Это же твое будущее!

«Нет, нет, нет, это ты – мое будущее!» – хотелось возопить Наташе, и она собирала всю волю в кулак, чтобы со смешком ответить ему:

– Да, конечно! Просто я очень, очень соскучилась!

И вот наконец настал тот день, когда Леопольд Вертинский появился в пансионате. Наташа его из окна увидела – и сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она даже сама удивилась такой яркой реакции тела. Может быть, это и есть любовь? Раньше Наташа думала, что никогда не сможет полюбить мужчину. Она была слишком разочарована, потому что видела мужчин настоящими – такими, какими они никогда не показываются большинству женщин. Она видела мужчин, которые заплатили за свой досуг и считали себя вправе не притворяться, быть самими собой. Проституция – верный путь к мужененавистничеству, но появление Вертинского изменило все. Он был другим. Заботил-

ся о ней. Не играл в заботливого папочку, а действительно волновался – тепло ли ей, сыто ли, удобно? Наташе сначала не верилось, она искала подвох. А потом растаяла.

Даже не вспомнив о том, что надо бы сохранять достоинство перед другими девушками, Наташа бросилась любовнику навстречу и с визгом повисла у него на шее. Остальные наблюдали с кривыми усмешками. В глазах каждой ее личный шанс на корону в этот момент таял, как сосулька на мартовском солнце. Одно дело – слышать сплетни о том, что у главного спонсора есть наглая любовница, и совсем другое – воочию наблюдать их проявления нежности друг к другу.

Хотя нельзя сказать, что Вертинский разделял Наташин восторг. Он едва обнял ее и тут же мягко отстранил.

Вертинскому показалось, что за две недели разлуки Наташа как-то подурнела. Он рассматривал любовницу и на прекрасном веселом лице вдруг начал замечать злые глаза, под которыми наметились тонкие морщинки, услышал визгливые нотки в ее голосе. Когда он ехал в пансионат, у него был коварный план: сначала уединиться в комнате с Наташей, насладиться ее телом и привычным обществом, а уже потом, расслабленным и сытым, познакомиться с девушкой со странным именем Сандугаш, чья внешность так за-

пала ему в душу.

Но, увидев Наташу, он почему-то передумал.

К тому же Вертинский не был голоден. После расставания с Наташей он не отказывал себе в плотских наслаждениях. Всего две недели прошло, а у него за это время и роман с известной попсовой певичкой приключился, короткий, как вспышка падающей звезды, и несколько мимолетных, но сладостных связей с моделями разной степени известности. А он все-таки был уже не так молод.

– Рыбка моя, ты выглядишь такой усталой!

– Мне просто грустно от того, что тебя нет рядом! Я так хочу, чтобы этот дурацкий конкурс скорее закончился. И чтобы все было как раньше.

Вертинский ничего не сказал, но его покорило это заявление. Он ведь считал, что сделал Наташе царский подарок: забрал девчонку из борделя и открыл ей дверь в новый мир, исполненный таких перспектив! А она нос воротит.

– Неудобно при всех, милая.

– Ну да, ну да, – надула губки Наташа.

– На нас девчонки смотрят.

– Знал бы ты, как я их всех ненавижу!

– Ну, не будь такой злокой. Смотри, что я для тебя привез! Подарок! – Вертинский извлек из внутреннего кармана пиджака бархатный футляр.

Колье. Тончайшая ювелирная работа – кленовый лист из белого золота, усыпанный разноцветными сапфирами.

– Как красиво! – с фальшивой радостью воскликнула она.

Наташу трясло, звериное чутье подсказывало: он уходит, отдаляется, это почти финал.

– Представь, как камушки будут переливаться в свете прожекторов! На конкурсе будешь самая красивая!

– Но корона же и так достанется мне, да?

– Наташенька... Давай не будем сейчас об этом. Как-то неприлично. Нельзя обсуждать такие вещи здесь. – Его голос стал жестким. До того он никогда не позволял себе такую интонацию в диалогах с ней.

– Хорошо. Может быть, пойдем ко мне в номер? Я попрошу соседку прогуляться!

– Рыбка моя, не стоит! Мы не можем делать это при всех! Ну потерпи еще две недели. А сейчас мне надо поговорить с Марианной. Я сюда приехал с официальным визитом.

Отделавшись от любовницы, Вертинский почувствовал облегчение. Наташа же ушла рыдать в свой номер – на радость другим девушкам, на глазах которых разыгралась эта сцена. Никто толком не слышал,

о чем они разговаривали, но все уловили общую интонацию, атмосферу. И все радовались, что эту выскочку и хамку Наташу наконец обломали.

Марианна заварила для Вертинского китайский улун, открыла коробочку «Моцарта». От ее въедливого взгляда тоже не укрылось произошедшее, и сердце ее пело. Теперь главное, чтобы Сандугаш не подкачала. Тогда, может быть, эта наглая Наташа и до финала не дотянет, сорвется, попадет в опалу. И ее можно будет с чистой совестью уволить, забыть о ней, как о ночном кошмаре.

– Ну, как идет подготовка?

– В целом все по плану. Хотя в этом году у меня много новичков. Девочки все красавицы, но на сцене некоторые еще пока совсем деревянные, – доверительно пожаловалась она.

– Ладно тебе, это же не Elite Model Look. Даже трогательно... А как моя девочка?

– Ты кого имеешь в виду? – рассмеялась Марианна.

– Ну-ну, подловила старика. Наташу я уже видел. Я имею в виду ту, другую.

– Ох, она абсолютная звезда. Честно говоря, я считаю ее достойной короны. Девочка красива, свежа, интеллигентна, ни в каких съемках не засвечена. Это будет наше открытие.

– Так ты ее сюда пригласишь? Ты ей уже рассказа-

ла обо мне?

Марианна, конечно, рассказала. Это было трудно – говорить о спонсорском чаепитии с таким наивным воробушком, как Сандугаш. Но Марианна придумала такую версию: главный спонсор хочет лично пообщаться с несколькими девушками, в которых он видит будущую победительницу. Убедиться, что у них хорошо поставлена речь и что они в дальнейшем не опозорят честь конкурса. Говорить об этом другим участницам ни в коем случае нельзя, чтобы не спровоцировать пересуды и склоки.

Сандугаш эту версию «съела». Марианна сама пошла ей собраться для свидания с Леопольдом. Даже подобрала ей платье – простое, черное, очень дорогое, идеально подчеркивающее безупречную фигуру девушки. Попросила смыть тушь с ресниц – вот чего Сандугаш не умела категорически, так это краситься. Но ее лицо и не нуждалось в косметике. Сама юность, сама свежесть, сама красота.

Наедине Сандугаш и Вертинский провели не более получаса. Все это время Марианна ждала за дверью и жутко нервничала. Не выкинула бы чего девчонка. Она производит впечатление такой рассудительной и спокойной, но мало ли... А вдруг Вертинский не выдержит и попробует сократить дистанцию? Это может

возмутить Сандугаш, она к такому обращению явно не привыкла. Ее к этому надо мягко готовить...

Но все прошло на ура. Сандугаш вышла из номера веселая и даже какая-то одухотворенная. Вертинский умел производить впечатление. Марианна много раз слышала от разных его любовниц, что он вдохновляет, прививает жажду жизни. Он – энергетический донор. Пообщаешься с таким, и какое-то время кажется, что жизнь прекрасна.

– Слушай, ну ты права, – сказал Вертинский, когда они с Марианной остались вдвоем. – Девочка – звезда. Далеко пойдет.

– А когда я тебе врала? – Марианна впервые за эти недели задышала полной грудью. Кажется, репутация конкурса спасена! Не будет скандальной финалистки! Ненавистная всем Наташа останется ни с чем!

– Только она еще совсем ребенок. Я пригласил ее в гости посмотреть на мою коллекцию антиквариата, а она начала всерьез расспрашивать о столах и комодах, ты представляешь?

– Да уж... Ты с ней помягче только.

– А то я сам не вижу! Не обижай старика, я – мастер игры.

Глава 5

Обязательная программа перед конкурсом – так называемая спонсорская вечеринка. Леопольд Вертинский, Федор Птичкин и несколько денежных мешков помельче уединялись со всеми участницами на яхте, принадлежавшей Федору. Джаз, шампанское рекой, тарталетки с икрой осетра, фрукты, атмосфера «золотого Голливуда».

Что только ни происходило на таких вечеринках! Все-таки подобные конкурсы постоянно финансировали, как правило, ценители женской красоты. Им нравилось чувствовать себя хозяевами жизни в окружении длинноногих девчонок. Нравилось наблюдать за ними, провоцировать их.

Несмотря на то что каждый год перед этим мероприятием Марианна собирала девушек и предупреждала их – мол, это психологический тест, испытание вниманием очень богатых мужчин, вы должны не уронить себя, держаться достойно, – случалось всякое. Некоторые девушки «плыли» в лучах внимания, путали минутный интерес с влюбленностью, надумывали себе всякое, купались в созданных ими же самими сладких иллюзиях. В этом был определенный смысл – Марианна пристально наблюдала за каждой,

делала выводы. Ведь на Мисс Страну обрушится целый звездопад интереса богатых и заметных мужчин. Она должна уметь не терять в такой обстановке голову, не вестись на провокации, сохранять чувство собственного достоинства. Она ведь королева.

Девушки пребывали в радостном возбуждении. Их можно было понять: недели почти военной муштры, и вдруг им выдают прекрасные платья, к ним приезжают парикмахеры и визажисты, их готовят, как гаремных наложниц.

Платья распределяла Марианна. Некоторые девушки были недовольны, Наташа, например, хотя она в последние дни вообще вышла из строя и вела себя как кокаиновая наркоманка в ломке. На этот раз ей показалось, что декольте у платья недостаточно глубокое.

Почему-то очень разнервничалась Аля, соседка Сандугаш.

– А вдруг я им не понравлюсь? Я же хорошо выгляжу, да? У меня не слишком маленькая грудь? Может быть, опять положим мне в лифчик колготки, как тогда?

– Да почему ты так суетишься? – удивлялась Сандугаш. – Это всего лишь какая-то дурацкая вечеринка. До конкурса еще неделя, тогда все и будем волноваться!

– Завидую я твоей наивности, Сандугаш, – вздохнула Аля. – А кто, ты думаешь, будет через неделю сидеть в жюри? Эти самые мужики и будут! Их слова определяющие. Очень важно им понравиться!

– Мне кажется, от нас уже мало что зависит. И не переживай, выглядишь ты чудесно!

– Правда? – просияла Аля. – Ты тоже! А может, еще сильнее глаза подвести?

– Ну и будешь как панда. Успокойся уже, пойдем, автобус ждет!

Поднявшись на яхту, девушки замерли от общего ощущения оглушающей роскоши. Для некоторых стало сюрпризом, что на яхте принято находиться босиком. Легко казаться длинноногой, когда на тебе туфли с каблуками пятнадцать сантиметров. Босая же модель безоружна. Девушки пониже ростом как-то ступшевались, поникли. Одна Влада цвела – с ее 190 сантиметрами можно хоть приседая ходить, все равно ее ноги в этой компании самые длинные.

Сандугаш не любила шумные вечеринки, но ей, конечно, было любопытно. Ей открывался совсем другой, чуждый мир. Мир, в котором заплатить тысячу долларов за бутылку шипучего вина – обычное дело. Мир, где красота – разменная монета. Циничный, притягательный и опасный мир.

Она немного растерялась. Не привыкла сама заводить знакомства и за несколько недель в пансионате так ни с кем, кроме Али, и не подружилась. А вот Аля, едва ступив на яхту, тут же оказалась на диване в окружении каких-то мужчин – на Сандугаш она больше внимания не обращала.

Сама Сандугаш была скорее интровертом и любое общение воспринимала как тяжкий труд. Она просто стояла на палубе и смотрела на воду – в какой-то момент к ней даже Марианна подошла и сказала, что навязываться спонсорам, конечно, некрасиво, но быть такой тихоней – еще более неприлично. Поэтому пришлось взять бокал с шампанским и замешаться в толпу.

Большинство конкурсанток вели себя, как стая волчиц на охоте. Каждая старалась во что бы то ни стало произвести впечатление на присутствующих мужчин. Девушки смеялись, оживленно болтали, что-то рассказывали, принимали соблазнительные позы. Одна нарочно вылила на себя полный стакан воды, чтобы мокрое платье красиво прилипло к груди, а потом картинно смутилась – ой, как же мне теперь, в мокром-то платье...

А мужчины, глядя на все это, откровенно веселились. Они не питали иллюзий по поводу этих девушек, давно привыкли к тому, что в модельном мире боль-

шинство красавиц – циничные, охочие до денег стервы, и вели себя соответственно.

Леопольд Вертинский придумал розыгрыш – он вообще любил странные шутки. Пригласил на яхту своего водителя, нарядил его в свой костюм Brioni, выдал часы за тридцать тысяч долларов, заранее сводил в хороший салон на стрижку. И напутствовал: «Тебе, Володя, все карты в руки. Куча голодных баб – резвись и не стесняйся!» Володя не растерялся – ему приглянулась Мишель. Он все крутился возле нее, на зависть другим девушкам. И в какой-то момент ему удалось увлечь Мишель в каюту. Вышли они оттуда только спустя час, разгоряченные и довольные. Мишель застенчиво смеялась, пила шампанское и не сразу заметила, что ее платье надето задом наперед. В какую ярость она придет через пару дней, когда узнает, как жестоко над ней подшутили! Володя поступит как честный мужчина: будет какое-то время ей звонить, приглашать в кино и в «Шоколадницу», на что-то надеяться, пока доведенная до отчаяния девушка наконец не пошлет его на три буквы, как символ всех своих рухнувших надежд.

Сандугаш заинтересовал один из мужчин. Он был не похож на тех, кого она знала раньше. Ей рассказали, что это второй генеральный спонсор, Федор Птич-

кин, о котором по городу ходят мрачные легенды. Будто бы ему нравится избивать девушек и он за это платит. К нему якобы стоит целая очередь красавиц. Кого-то он порет кожаной плетью, на ком-то оставляет отметины кнутом или таскает по своему дому за волосы. Сплетничают, что он убил свою герлфренд. Но доказать ничего не смогли, тело девушки так и не обнаружили.

Федор Птичкин был невероятно хорош собой. Но дело даже не в гармонии его черт – в нем была мрачная притягательность. Порок, который манит. В его глазах было что-то такое – хотелось упасть в этот взгляд, как в пропасть, и лететь, лететь, раскинув руки, на все на свете наплевав. Сандугаш с удивлением обнаружила, что впервые после знакомства с Костей она залюбовалась другим мужчиной. И даже больше – если бы не было Кости, а этот Федор Птичкин проявил бы к ней интерес, она не раздумывая отправилась бы за ним. Несмотря на страшные сплетни. В нем была манящая сила вампира.

Птичкин как будто прочитал ее мысли. Перехватил ее любопытный взгляд, нехотя поднялся со своего места, стряхнул с колен устроившуюся там девушку – небрежно, как надоедливую кошку, – и медленно подошел к Сандугаш.

– А ты почему одна?

– Не знаю... – Она отвела взгляд. – Наверное, не умею общаться.

– Это плохо. Надо учиться. Ты откуда?

– Вряд ли вам что-то скажет название места, где я родилась... Выдрино. Это небольшое село на берегу Байкала.

– Я так и подумал. Ты похожа на девушку, которая всю жизнь провела у воды. Меня зовут Федор.

– Я, конечно, знаю. О вас тут все говорят. Я – Сандугаш. Это значит «соловей».

– И что же обо мне говорят? – Он ухмыльнулся и пальцем провел по ее плечу. Так же когда-то сделал Костя на их далеком первом свидании.

Что-то внутри Сандугаш замерло, по телу разлилась горячая волна. Она почувствовала, как намокли трусики. Наверное, так на нее подействовало шампанское.

– Ты хочешь меня, да? – бесцеремонно спросил Птичкин. – Можешь не отвечать. Я отчасти экстра-сенс.

– У меня папа – шаман, – зачем-то сказала Сандугаш. Почему-то все, что она говорила, звучало как оправдание. Этот Птичкин мастерски ставил собеседника в неловкую ситуацию.

– Хочешь прямо сейчас или потерпишь пару дней? – откровенно издевался он.

– Не надо так... Зачем вы?..

– Ладно. Не буду, – улыбнулся он. – Ты смешная, Сандугаш.

– Кажется, никто, кроме вас, не запомнил мое имя с первого раза, – улыбнулась она в ответ.

– Я даже запомнил, что это значит «соловей». Так ты хочешь корону? Хочешь стать новой Мисс Страшной?

– Очень. Как и все остальные!

– Это плохо.

– Почему? – удивилась девушка.

– Потому что быть как все остальные – плохо. Надо всегда хотеть чуточку большего. И тогда весь мир будет твоим.

– И папа мой так считает.

– Так, может быть, я тоже шаман?.. Ты ведь не девственница?

– Нет, – покраснела Сандугаш. – А почему вы...

Он улыбнулся. И темные глаза его вдруг посветлели, запереливались жидким серебром. Сандугаш отшатнулась и ахнула.

– Будем считать, что я с тобой познакомился. Через несколько дней приглашу поужинать. – И, не попрощавшись, Птичкин отошел, оставив Сандугаш смущенной и растерявшейся.

А в другом конце зала в это время затеялась очередная игра.

– Кто хочет сразиться со мной в дартс? – провоцировал Вертинский. – За каждый свой проигрыш плачу три тысячи долларов! А девушка за каждый проигрыш снимает одну деталь своего туалета! Ну, кто смелый?

К удивлению Сандугаш, вперед вырвалась Аля.

– Я! Я хочу попробовать!

«Не надо!» – одними губами прошептала ей Сандугаш, но соседка даже не смотрела на нее.

Естественно, она проиграла. Три раза подряд. Сначала пришлось избавиться от газовой, расшитой бисером шали – Аля была еще весела и отбросила ее жестом стриптизерши. Когда пришлось снимать платье, она была уже не такая бодрая и сто раз пожалела, что ввязалась в авантюру. Но уговор есть уговор. На третьем раунде дошла очередь до ее трусиков. И вот она стояла абсолютно голая – пыталась прикрыться, но смотрелось это глупо. Кто-то из мужчин фотографировал ее мобильником, а Марианна осуждающе качала головой.

Вечеринка продолжалась всю ночь. В пансионат девушек доставили к пяти утра, а уже в половине седьмого разбудили – пора было репетировать. И наплевать, что никому не удалось поспать, а некоторые и на ногах с трудом держались. До конкурса остава-

лось слишком мало дней. Нельзя было упускать ни минуты.

Глава 6

Марианна время от времени говорила с кем-нибудь из девушек наедине. Иногда после этих разговоров они выходили радостные, иногда заплаканные или задумчивые, но никто не делился подробностями. Впрочем, Сандугаш уже поняла, что в мире тех, кто мечтает стать профессиональными красавицами или метит в модели, искренняя дружба и доверие редки.

Когда Марианна вызвала ее, она не знала, чего ждать, но предчувствия были скверные.

– Сядь, Сандугаш. Разговор серьезный. Ты одна из претенденток на корону, это уже ясно. Но чтобы корону получить, тебе придется... поработать дополнительно.

– Я готова работать сколько угодно. Что надо сделать?

Сандугаш подняла на Марианну такой прозрачный, чистый взгляд, что та поморщилась и отошла к окну, словно не в силах была смотреть на девушку.

– Я надеюсь, ты уже понимаешь, что в нашем мире просто так ничего получить нельзя. И одной лишь красоты мало, чтобы стать победительницей конкурса. Как бы странно это ни звучало. Твоя победа зависит не от меня и даже не от жюри, а от наших спонсо-

ров. Леопольд Вертинский и Федор Птичкин, ты их видела. Оба положили на тебя глаз. И оба хотят, чтобы ты... проявила снисходительность к их мужским желаниям. Проще говоря, оба хотят заполучить тебя в постель.

– Я не могу! – Сандугаш даже вскочила.

– Я, наверное, нечетко выразилась. Тебе надо будет переспать не с обоими, а сделать выбор. Кого-то одного. Ни один из них не захочет делиться. Оба понимают, что девушка ты особенная. Для каждого из них будет большой радостью, если именно он станет твоим избранником...

– Все равно я не могу! У меня жених, я люблю его, я не могу изменять!

– Забавная ты. Я и не думала, что где-то сохранились такие чистые люди... Жених никак не пострадает, если ты ему ни о чем не скажешь. И это не измена. Это просто необходимое действие на пути к вершине. Нельзя получить корону, не ублажив спонсора, вот и все. Если же ты получишь корону, тебя ждет блестящее будущее. Я подпишу с тобой контракт, сделаю из тебя профессиональную модель. У тебя шансов больше, чем у других фавориток этого конкурса. Думаю, и жених будет доволен.

– Я не знаю... Я думала вернуться домой...

– А зачем ты тогда вообще участвуешь в конкурсе?

– Мне нужен миллион. И все.

Марианна удивилась. Обычно денежный приз был лишь приятным бонусом к победе.

– Ты участвуешь только ради денег? Но тогда тем более тебе следует принять предложение одного из наших спонсоров. Они тебя озолотят. Я бы на твоём месте предпочла Вертинского – он богаче и гораздо добрее Птичкина.

– Я не могу изменять Косте. А деньги мне нужны на его лечение. Костя болен, у него рак. Мне нужно положить его в хорошую клинику.

– Вот как? Надо же... Сколько я устраивала конкурсов – никогда конкурсантка не рвалась к короне, чтобы с помощью приза спасти жениха, – задумчиво произнесла Марианна. – Как-то это даже по-детски. Все ставить на одну карту. На корону.

– Я верила, что её получу. Чувствовала свой путь, и мне казалось, он приведет меня к короне, – прошептала Сандугаш.

– Чувствовала путь?! – Марианна расхохоталась. – Боже мой, девочка, какая же ты... Ну, хорошо. А почему в прошедшем времени? «Верила», «чувствовала». Больше не веришь и не чувствуешь?

– Потому что вы не оставляете мне выбора...

– Да почему же? У тебя на выбор три пути. Первый: ты можешь не насиловать свою природу, не пе-

реступать через принципы, вернуться домой и побыть с женихом, пока он еще жив. Второй: ты можешь стать любовницей Вертинского, победить в конкурсе, получить корону, миллион и еще много подарков, он щедрый любовник. Третий: ты можешь стать любовницей Птичкина, примерно с теми же последствиями... Вероятно, ты слышала, что он скверно обращается с девушками, любит жесткие игры с наручниками и плетью, но тебе опасаться нечего – он понимает, что наши отношения с ним навсегда испортятся, если он будет излишне груб с моей фавориткой и попортит кожу, которой предстоит сиять в свете софитов. Целых три пути. Но выбрать надо сегодня. От меня ждут ответа.

Сандугаш закусила губу.

Вернуться и побыть с Костей... Нет, это невозможно. Это все равно что собственноручно отдать его смерти.

Надо согласиться и отдаться одному из этих мужчин. Страшно, противно, но все так делают, она сможет.

Вертинский похож на огромную жабу, у него соляная кожа, и глаза как будто плавают в жире... Но говорят, он щедрый и добрый.

Птичкин... Другие девушки называли его «каким-то стрёмным», «жутким», «Синей Бородой» и «графом Дракулой». Сандугаш была не из тех, кого прельщает

мрачная романтика, но когда она вспоминала пронзительный взгляд карих глаз Птичкина, которые вдруг засияли расплавленным серебром, волчьим взглядом Белоглазого, и свое острое, постыдное возбуждение... Да, ей становилось страшно. Но вместе с тем он ее притягивал. И если уж у нее только три пути...

– Пусть будет Птичкин. Скажите ему, что я согласна.

– Хорошо. Твой выбор. Ольга подберет тебе наряд.

В воображении Сандугаш мелькнуло что-то типа кожаной сбруи, прикрывающей только самые стратегически важные места, или кожаного корсета на шнуровке... Но оказалось, Птичкин любит, чтобы девушка выглядела свежей, нежной и скромной. Ольга выбрала для Сандугаш – из гардероба Марианны – длинное гладкое платье из серебристого атласа, а на следующее утро привезла из Москвы белье: шелковое, белое, гладкое. И светлые чулки на широкой кружевной резинке. У Сандугаш было ощущение, что она попала в фильм про гарем, где избранницу султана умащивают и наряжают перед тем, как привести в его покои. Ее отдали в руки массажистки, ей сделали очень легкий, почти незаметный макияж, подчеркивающий нежность и экзотичность лица, волосы заплели в косу. Марианна принесла крошечные жемчужные сережки-гвоздики. И больше ничего. Только тонкое стройное тело, облитое белым атласом. Толь-

ко точеные плечи и шея, выступающие из декольте. Только ослепительно-прекрасное лицо, открытое зачесанными назад волосами.

– Твоя красота – сама по себе украшение, в дополнениях не нуждается. Ничего не надо ни прятать, ни подчеркивать, скорее даже убрать все лишнее... Чтобы была просто ты. Во всем простом и светлом. – Марианна откровенно любовалась Сандугаш, приглаживая ей волосы на висках. Любовалась, как произведением искусства. – Еще духи. Понятия не имею, какие предпочтения у Птичкина, но пахнуть от тебя должно чистотой и невинностью, – заявила она, доставая из сумочки прямоугольный флакон «Clair de Musc» Сержа Лютанса. – Запах ирисов, флердоранжа и нежной кожи блондинки. Ты хоть и брюнетка, но это твой аромат. Сама невинность, сама невинность, – замурлыкала Марианна. – Ольга отлично подобрала для тебя платье. Когда-нибудь я сделаю с тобой такую фотосессию. Все в белом, гладком, атласном... Закажу для тебя наряд, у которого вокруг декольте будут пять огромных атласных лепестков, и из них выступают твои плечи, шея и эта изящная головка. Как живой белый цветок. Магнолия. А еще мне хочется одеть тебя в белое свадебное кимоно и сделать фотосессию среди цветущей сакуры. У меня так много планов... Хотя вообще-то такие вещи обычно решает художник, фо-

тограф, но твоя красота меня вдохновляет.

Духи, которыми Марианна щедро оросила декольте и волосы Сандугаш, пахли непривычно: чем-то таким нежным, словно ангельские перышки. И то ли этот запах, то ли полуторачасовой массаж подействовал, то ли Марианна что-то подмешала ей в минералку, но Сандугаш чувствовала себя словно бы в трансе. Словно одна она, наряженная в белое атласное платье, спускается к автомобилю, который должен отвезти ее на свидание с опасным незнакомцем, а другая следит за этим без малейшего страха, даже с некоторым радостным предвкушением.

Марианна не предупредила, как все будет происходить, и Сандугаш почему-то вообразила, что сначала они поужинают в ресторане, немного познакомятся, а потом уже...

Но ее привезли к кованым воротам современного трехэтажного особняка. Навстречу вышла горничная в форменном платье: прямо как в кино про старинную жизнь или в латиноамериканских сериалах, которые Сандугаш смотрела вместе с бабушкой. Горничная оглядела гостью с нескрываемым любопытством и жестом пригласила ее в дом:

– Проходите, пожалуйста.

Сандугаш шагнула через порог и сразу увидела Фе-

дора Птичкина. Он стоял возле лестницы, ведущей на второй этаж, чуть наклонив голову, пристально глядя перед собой, и взгляд его был настолько пугающим, что Сандугаш захотелось развернуться на каблуках и рвануть прочь, даже если автомобиль уже уехал, все равно... Бежать, бежать! Но тело не успело последовать за мыслью, зато Птичкин двигался очень быстро. И очень плавно. Как зверь. Как змей. Как что-то гибкое и текучее. Она даже не отследила его движение – но вот он уже рядом, лицом к лицу, глаза в глаза, она чувствует на губах его дыхание, а его рука сомкнулась на ее запястье, словно тиски.

– Я так долго ждал тебя, – прошептал Федор Птичкин.

Сандугаш удивилась. Ведь только вчера Марианна сообщила, что он ее ждет, и вроде бы она не опоздала, была готова как раз к тому моменту, когда подали автомобиль...

И буквально в тот же миг, почти одновременно с удивлением, пришло осознание, что именно он имеет в виду.

Он... не Федор Птичкин. Не человек. А тот древний, кого она знала когда-то, когда была шаманкой на берегу Байкала... Тот древний, страшный и не имеющий имени... Он долго ждал ее. Очень долго.

Сандугаш отшатнулась, оглянулась на горничную,

но та смотрела с тупым испуганным удивлением, а встретив молящий взгляд девушки, развернулась и быстро ушла.

Федор тихо рассмеялся.

– Никто тебе не поможет, бедная пташка. Здесь все подчиняются моим желаниям. А мое желание сейчас – ты.

Он привлек ее к себе, прижался жесткими губами к шее, куснул за плечо. Сандугаш вскрикнула. А Федор стиснул ее в объятиях и зарылся лицом в волосы.

– Ненавижу запах духов. Хочу твой собственный запах. Я знаю, как ты должна пахнуть. Как должны пахнуть твои косы. И твоя кожа. Ничего, ты еще сегодня запахнешь как надо. От этих духов и следа не останется.

Федор подхватил ее на руки, понес по лестнице вверх, и Сандугаш, застывшая от ужаса, от одновременного непонимания происходящего и осознания глубинного смысла, вспомнила, как ей нравилась эта сцена из «Унесенных ветром», когда Ретт несет Скарлетт по лестнице вверх, и как ей всегда мечталось, чтобы кто-нибудь носил ее на руках, но не Федор и не так, ей все еще хотелось убежать... Или улететь...

Она вспомнила плеск Байкала и старое его название – Байгал-море. Она вспомнила тревожную песню соловья и волчий вой. А когда Федор поставил ее по-

среди спальни и спустил с ее плеч платье, так, что оно соскользнуло и легло лужицей сияющего атласа возле ее туфель, она вспомнила, как сбрасывала на траву собственноручно вышитое «невестино одеяло» и как холодный ветер коснулся ее обнаженной кожи.

В спальне было тепло, но тело Сандугаш покрылось зябкими пупырышками.

– Сними с себя все это. И расплети волосы. Хочу видеть тебя как есть.

Она переступила через платье, сбросила туфли. Расстегнула и уронила на пол лифчик. Сняла один за другим чулки. Подсунула пальцы под кружево трусиков на бедрах, слегка оттянула – и вышагнула из них. Потом расплела косу, растрепала; волосы теплым потоком хлынули на спину. Взглянула выжидающе на Федора.

Он не раздевался. Смотрел на нее с жадностью.

– Ложись.

Сандугаш подошла к кровати и легла.

Где-то в глубине души плеснула волна возмущения: почему он считает себя вправе вот так унизительно командовать, почему она подчиняется, почему с ней все это должно случиться?

Но когда он, не раздеваясь, лег рядом и коснулся пальцем ее губ, она замерла, растеряв сразу все мысли.

Сначала он просто водил пальцами по ее лицу, обрисовывая линии губ, скул, нижней челюсти, приглаживал брови, касался дрожащих век. Потом спустился ниже, погладил шею, стиснул, будто желая придушить, – и тут же отпустил, принялся гладить грудь, живот, бедра, ноги. Он ощупывал ее, словно слепой, словно на ощупь пытался узнать, угадать то, что не позволяли видеть глаза. Потом он разделся – быстро, рывками, швыряя одежду на ковер, и лег на Сандугаш, вжал ее в постель горячим мускулистым телом. Сандугаш покорно раздвинула бедра – она не была готова, но чувствовала, насколько готов он, – и он вошел так резко, что она не сдержала стон: это было почти больно... Но не так больно, как когда-то.

Нет, не в первый раз с Костей.

В первый раз с ним...

В той, другой жизни...

Федор двигался над ней, запрокинув голову, стиснув зубы, а у нее перед глазами проносились видения всего, что иногда являлось ей в снах, но в снах было таким нечетким...

Она вдруг вспомнила, как любила своих родителей в прошлой жизни, когда ее звали Алтан. Она теперь ясно видела лица своих родителей – тех, из другого ее бытия – и любила их, совсем не так, как своих нынешних, настоящих родителей. Сейчас отца она любила

робкой любовью, преклонялась перед ним, чтילה его: пожалуй, большинство сверстников даже и не поняли бы ее чувство к отцу, если бы Сандугаш попыталась объяснить. А к матери она относилась с нежностью, ощущая кровное родство, но без чувства родства духовного. А тогда, в той жизни, в жизни Алтан, она любила обоих родителей доверчиво и горячо. Так, как в этой жизни любила только бабушку. Она улыбнулась сквозь слезы им, давно уже ушедшим из этого мира...

И увидела своего Соловья. Во сне он иногда являлся Сандугаш так ярко, но когда она просыпалась, его то помнила хуже всего. Словно на грани между сном и бодрствованием кто-то мягко проводил по ее сознанию – как влажной тряпкой по доске – и стирал, но выборочно, только то, что было связано с Соловьем. Она лишь помнила, что был дух Соловья. И что это было нечто прекрасное, яркое, ошеломляющее для той девушки, которой она видела себя в снах... Сейчас Соловей предстал ей таким, каким видела его Алтан. И Сандугаш вспомнила его нежность и свою любовь к нему.

Она увидела Сергея. Не Белоглазого – Белоглазый сейчас был с ней, на ней, в ней, только носил иную наружность и иное имя, – она вспомнила Сергея, которого знала так мало, которого успела узнать только в миг своей смерти, когда спасла его душу из плена.

Она увидела свою смерть и захлебнулась кровью, и закричала, а Федор впился железными пальцами ей в бедра и зарычал в ответ, и глаза его были не темными, а белыми, белыми, белыми! И в миг, когда он, содрогаясь, изливался в нее, Сандугаш потеряла сознание.

Беспамятство длилось недолго, но когда Сандугаш пришла в себя, она ощутила такую невыносимую усталость, что немедленно провалилась в сон, даже не подумав о том, что засыпает в чужом доме, рядом с чужим, непонятным, опасным человеком. Ей просто необходимо было спать...

Ее словно звал в путешествие сон.

Так давно она не видела этих ужасных вещей снов!

А теперь сон обрел новую яркость.

И на этот раз она видела мир не глазами жертвы.

Она видела мир глазами убийц.

...Он притаился в лесопарке, неподалеку от тропы, по которой иногда проносились, хрипло дыша и стуча кроссовками, любители здорового образа жизни. Ему самому для того, чтобы быть здоровым, сильным, ловким и быстрым, никакой фитнес не требовался. Он вырос в деревне, и его тело было от природы упругим, румянец – ярким, взгляд – ясным. Эти горожане, с их жидкими те-

лами, бледной кожей, одутловатыми – даже у худых! – лицами, сухими и красными глазами, тяжелым и несвежим дыханием, вызывали у него презрение, брезгливость и хищную злобу. Иногда злоба достигала такой степени накала, что требовалась разрядка. И тогда он ехал на окраину города и углублялся в лесопарковую зону. Все равно в какую. У него не было определенных охотничьих угодий.

Сегодня он охотился в Битцевском парке. Здесь было слишкомлюдно, и потому охота была опасной. Но тем больше адреналина, тем больше ликования в случае успеха... Он забирался поглубже, затаивался и ждал. Бывало, что много часов. Он пропускал тех, кто бегал не в одиночку. И тех, кто по какой-либо причине не вызывал у него приступа острой злобы. Он знал, что рано или поздно мимо него пробежит тот или та, кто вызовет в его душе всплеск мгновенной ярости. И тогда он выпрыгнет, собьет с ног, оглушит, оттащит в сторону, подальше, поглубже в лес, и там просто забьет насмерть, ломая ребра, пальцы, топчась по животу... Присыплет землей и уйдет. До следующего приступа злобы.

Он не знал, зачем ему это нужно. Просто нужно – и все. Некоторое время после убийства он мог

жить спокойно и радостно. У него были прекрасный аппетит, крепкий сон, высокая работоспособность. А потом опять начинала нарастать злоба, и он понимал, что скоро придется отправиться в парк...

Он убил уже пятерых. Нашли двоих.

Его ничто не связывало с жертвами, он не совершал никаких сексуальных действий и никакого особенного надругательства, поэтому его еще очень долго не вычислят. А скорее всего, никогда.

Но даже если бы ему сказали, что сегодняшняя охота будет последней, он все равно не ушел бы со своего поста. Ему было надо. Просто надо – и все.

На этот раз его добычей стала какая-то тетка лет сорока в сером спортивном костюме. Она бежала трусцой, слушала музыку через наушники, и лицо у нее было такое беспечно-счастливое, что он просто не мог ее пропустить. Вспышка злобы, прыжок, удар... Из наушников завывали какие-то кельты, когда он тащил тетку под деревья, в овражек, где так удобно будет превратить ее в месиво раздробленных костей и лопнувших органов.

...Она пришла в роддом под видом посетительницы. В приемные часы. В туалете переоделась:

халат, шапочка, бахилы, маска. Поднялась в детскую реанимацию. Никто не обращал на нее внимания.

Роддом № 7 города Воронежа хоть и имел платное отделение, но по сути был обыкновенной, в советские времена еще построенной больницей, и двери в нем были обыкновенные, никаких магнитных карточек, словно никто не предполагал, что кто-то может пожелать проникнуть сюда с преступным намерением.

Над одной из кроваток-кюветов нависала медсестра, что-то делала со слабо погукивающим младенцем. А ей нужно было найти его ребенка, пока малыша еще не отдали матери, тогда будет сложно, почти невозможно...

Ей повезло, что роды были трудные и мальчишка решили положить под наблюдение врачей. Это было как подарок. Словно кто-то свыше указывал на возможность отомстить. Наиболее жестоким и вместе с тем справедливым способом.

Ее мужчина. Ее любимый мужчина. Тот, кого она называла своим мужем, уверенная, что рано или поздно они узаконят отношения. Он практически вынудил ее сделать аборт, твердил, что они могут быть счастливы только вдвоем, что даже ребенок помешает идеальной гармонии их отноше-

ний, а она так боялась его потерять... И вот два года спустя он нашел себе девятнадцатилетнюю девочку, и женился, едва она забеременела, и ждал ребенка, будто ни о чем другом не мечтал так, как о радости отцовства!

Младенец Антонов... Где же он? А, вот.

Она достала из кармана сложенную вчетверо мокрую махровую салфетку, наклонилась над кроватью и прижала салфетку к носу и рту ребенка. Он принялся извиваться, как червячок, и когда она уже подумала, что все, больше она не может, – дернулся и затих. Беззвучно, совершенно беззвучно.

Она сунула мокрую салфетку в карман и вышла.

Медсестра, закончившая свои манипуляции, проводила ее рассеянным взглядом.

Может, поняла, что никогда ее не видела среди сотрудников...

Ей было все равно, поймают ее или нет. Главное – она отомстила. И ему, и его девке. Отомстила так, что они никогда уже не оправятся от ее мести. Так же, как ей не удалось оправиться от его предательства.

...Он давно приглядывался к этой девочке. Явно заброшенный ребенок. Явно из неблагополуч-

ной семьи. Скверно одетая. Волосы вечно грязные. К вечеру лицо тоже становилось чумазым, но никого это не волновало. Вообще никого не волновала эта девочка, проводившая во дворе целые дни, летом – до темноты. Дети не слишком ее жаловали, не принимали в свои игры, так что она сама в одиночестве копалась в песке, выкладывала узоры из камушков и осколков стекла, качалась на качелях и на скрипящей старой карусели, прыгала в классики, а если кто-нибудь из более счастливых сверстников оставлял без присмотра мелки – с упоением рисовала на асфальте. Он никогда не видел, чтобы эту девочку кто-то забирал с улицы. Она в конце концов просто уходила сама, ныряла в темноту подъезда. Идеальная добыча.

Один раз он рискнул и угостил ее шоколадкой. Она взяла и съела жадно – явно была голодна.

В другой раз он поманил ее, скрываясь в густой зелени кустов, и протянул пакет из Макдоналдса: большой стакан колы, бигмак, порция картофеля фри.

– Тссс, тихо. Я знаю, что хорошим девочкам не разрешают брать угощение от незнакомцев. И твои родители наверняка против того, чтобы ты ела бигмаки. Но я сам их люблю и решил тебя угостить.

Она не спросила, чем вызвана такая щедрость. Торопливо разорвала пакет и принялась есть.

Завтра, когда стемнеет, он увезет ее отсюда. Сначала отмоет и накормит, потом оденет в красивое платье, чтобы она походила на куколку, и будет играть с ней, долго играть... Ему не хотелось сейчас думать о том, что будет, когда и эта куколка тоже сломается и придется искать себе новую. Он не получал удовольствия от выслеживания и приманивания. Только от обладания.

Охотиться он ездил на окраину или в спальные районы. Девяткино, Старая Деревня, Озерки, Купчино. А с добычей возвращался к себе, в старинную большую квартиру на Московском проспекте.

У него была отдельная комната с коллекцией кукол, несколькими наборами кукольной посуды и ворохом платьев разных размеров, ярких, с пышной юбкой и рукавами-фонариками. Были даже парички с локонами: теперь девочек часто стригли, а ему не нравились девочки, похожие на мальчиков... Если все проходило идеально, то живая куколка играла с прекрасными фарфоровыми куклами, пила чай из кукольного сервиза и вместе с ним наслаждалась миниатюрными пирожными из «Невской кондитерской». Если все проходило неидеально, то... в общем, девочка делала все то

же самое, только с гримасой ужаса и икая от слез. Так или иначе, он всегда получал свое удовольствие.

Он уже отработал утилизацию отходов. А платья стирал, сушил, гладил и вешал в шкаф.

До следующей куклы.

Он смотрел на девочку и представлял, как поведет ее в свой подъезд – «Не споткнись, милая», – по сбитым ступеням, вдоль кованых, когда-то красивых, а сейчас полуразвалившихся перил – «Устала, маленькая? Еще немного, на третий этаж...» – мимо овальных ниш, в которых до революции стояли статуи или вазоны. И девочка будет удивляться красоте выщербленной плитки под ногами, а когда войдет в квартиру – застесняется, она же никогда не была в таком просторном и красивом жилье.

Он очень любил антиквариат.

Он очень любил все старинное. Меняя дверь на металлическую, попросил переместить на нее слегка побитый фарфоровый овал с номером квартиры, который, наверное, висел на двери еще с дореволюционных времен.

И девочек он тоже любил старинных. С тех пор как в возрасте восьми лет прочел «Детство Никиты» «красного графа» Толстого и влюбился в Ли-

лю Бабкину. Он наизусть выучил их первую встречу и даже теперь мог читать на память, как стихи:

«Лиля была одета в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки. Никита, подойдя к ней, покраснел и шаркнул ногой. Лилия повернулась на стуле, протянула руку и сказала очень серьезно:

– Здравствуйте, мальчик.

Когда она говорила это, верхняя губа ее поднялась.

Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошенькая, в особенности глаза – сияние и ярче ленты, а длинные ресницы – как шелковые».

Он с тех пор мечтал познакомиться с такой девочкой, верил, что рано или поздно такую встретит, и не важно, что до сих пор не встретил, что в детском саду и в школе девочки были совсем другие... Он верил.

И даже когда разуверился, все равно не отказался от своей мечты. Просто, повзрослев, он понял, что мечту надо создавать самому, из подручного материала. Из любой полуголодной девочки-замарашки, лишь бы она не была наглой и не руга-

лась матом. Из пышного платья с бантом на поясе. Из паричка с локонами. Получалась почти что Лиля.

Еще он понял, что на самом деле хотел не дружить с Лилей, а любить ее, как взрослые любят. Но при этом ей должно быть не больше десяти лет. Одиннадцать – уже перебор.

Из этой голодной тихони получится замечательная Лиля...

«Проснись, Сандугаш, проснись! Это просто кошмарный сон... Ну-ка, перестала орать и проснулась!» – ворвался в мутное марево мужской голос.

И Сандугаш действительно проснулась.

Со стоном открыла глаза. Посмотрела на темноволосого мужчину, нависавшего над ней в постели. Не сразу узнала его.

Дико болела голова. Хотелось пить.

Он, кажется, догадался. Помог ей сесть, дал стакан с водой. И только когда она напилась, спросил:

– Что это было? Вот сейчас? Ты кричала, хрипела, бормотала, плакала... Ты даже садилась на кровати и падала обратно. Я такого никогда не видел, разве что в кино про одержимых бесом. Ты всегда так спишь?

– Нет. Только когда у меня ночные кошмары. Извините. Их давно не было. И... и я не знала, что я так

себя веду. На самом деле, их не было, когда я спала рядом с... Рядом с кем-то.

– Еще воды хочешь?

– Хочу. И можно мне таблетку? От головы?

– От головной боли. Таблеток от головы еще не придумали, – хохотнул Федор.

Он ушел в ванную и принес ей два стакана: в одном вода, в другом мутная жидкость с лимонным запахом.

– Это вот лекарство. Очень быстро действует.

– Спасибо.

Федор с каким-то странным любопытством смотрел, как Сандугаш пьет лекарство, потом воду.

– А знаешь, я же со своими бабами никогда не сплю. У меня вообще для баб в подвале все обустроено.

– Что значит – в подвале обустроено?

– Хочешь посмотреть?

– Не очень...

– Да я бы тебе просто показал. Я бы тебя не тронул. Марианне обещал, что внешность тебе не попорчу. Тебе ведь в купальнике по подиуму ходить, так что даже не отшлепаешь как следует... И потом, мне тебя не хочется шлепать. Даже сам не знаю почему. Я, с тех пор как открыл для себя Тему, вообще считал, что ванильный секс – это как промокашку жевать вместо бифштекса.

– Тему? Какую тему?

– Ах, ну да, ты же провинциалка, к тому же несовершенно целомудренная. «Тема» – так называют БДСМ. «Ванильный секс» – это просто секс. Хотя, наверное, то, что у нас с тобой было, нельзя назвать ванильным сексом... Но на БДСМ тоже ведь не тянет. Так что же тебе такое приснилось?

– Убийства, – прошептала Сандугаш. – Мне снились убийства. Мне с пятнадцати лет снятся убийства. Настоящие. Реальные. Только раньше мне снилось, что я – жертва. А теперь я увидела себя убийцей... И это оказалось гораздо, гораздо хуже.

– Что значит – реальные убийства? Правдоподобные сны?

– Очень правдоподобные. Но дело не в этом, а в том, что я вроде как... ну... ясновидящая. Понимаете, я дочь шамана. У меня есть дар, хоть и не развитый. И я вижу настоящих жертв. Настоящих убийц.

Сандугаш сама не знала, почему она решила поделиться всем этим с совершенно незнакомым человеком, случайным любовником, спонсором конкурса, который потребовал от нее сексуальных услуг и вполне мог исключить ее из состава конкурсанток, усомнившись в здоровой психике. Наверное, потому, что видела в нем Белоглазого, существо из иного мира. Пусть даже сейчас она говорила не с Белоглазым, а с Федором, все равно Белоглазый прятался где-то внутри

него. И значит, Федор мог, должен был понимать, что мир сложнее, чем кажется. Что вещи, которые большинство воспринимает как чудеса и небывальщину, для кого-то могут быть обыденностью. Тягостной обыденностью.

Она рассказала ему все. И про свой разговор с отцом тоже.

– Я бы хотела сделать что-то, чтобы их остановить... Или хотя бы поспособствовать аресту. Но я понимаю, что не могу сделать ничего. Папа прав.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но получается, что раньше твои сны были ясными, яркими, но ты могла только приблизительно догадываться, где происходят события, так? А сегодня ты увидела преступления с четкой, можно сказать, ориентировкой на местности. Москва, Воронеж, Петербург.

– Да.

– Но имен преступников ты не знаешь?

– Нет. Они там... в своих мыслях... никак себя не называли.

– А хоть как-то мы можем выйти... ну, хоть на одного из них? Что-нибудь ты видела, что могло бы дать подсказку, где искать?

– У того, который похищает девочек, квартира на Московском проспекте.

– Московский проспект большой.

– Я дом помню... Но описать не смогу. Там книжный магазин внизу. «Школьный мир». Вход в подъезд – под арку направо. Подъезд такой странный, как будто в землю утопленный.

– В Петербурге в старых домах это обычное дело.

– Третий этаж. Квартира... Я видела номер, но не помню его. Зато помню, что номер написан такими тонкими старинными цифрами на фарфоровом овале с отбитым краем. А дверь металлическая.

– Вот это уже здорово. Можно попробовать найти. У меня есть людишки в северной столице, попрошу съездить и пошарить по подъездам. Если на третьем этаже найдут металлическую дверь вот с такой номерной дощечкой, то и в квартирку заглянуть не грех.

– И... что тогда?

– Если там есть комната с куклами и платьями, как ты описала, можно дождаться хозяина.

– Я даже не знаю, куда он деваает тела.

– А не важно. Если тебе очень любопытно, сделаем так, что он сам расскажет. Но можно просто и тихо свернуть ему шею, чтобы больше не приводил к себе девочек. А потом и остальными заняться. С теткой из Воронежа легко – ее можно даже и полиции сдать. Просто подсказать, в каком направлении искать злоумышленника. Ее слегка тряхнут, медсестре на очной ставке покажут, и она сама расколется. Ей же захочет-

ся, чтобы изменник знал, за что она его так наказала. Труднее всего с этим странным чуваком, который в парках на бегунов охотится. Но не всё сразу.

– Так что же... Вы правда хотите этим заняться? Искать людей из моих снов? – Сандугаш просто не могла в это поверить.

– Конечно. Со мной давно не случилось ничего такого интересного. Я и сам кровушку свежую люблю. Хотя степень моего людоедства несколько преувеличена. Но поохотиться на других хищников... Это интересно, понимаешь? Это азарт и адреналин. Я начну с любителя кукол. На него самая четкая наводка. Если окажется, что сон – это не просто сон...

– Это не просто сон!

– ...то ты после пробуждения будешь записывать свои сны в подробностях. А потом пересказывать мне. Сандугаш помолчала. И решила признаться:

– Их очень давно не было. Этих снов. Почти год. С тех пор как у меня появился мужчина... Отец сказал – как только я стану женщиной, перестану видеть эти сны. Я стала женщиной и перестала их видеть. Сегодня – впервые за долгое время. Сразу три. И такие яркие...

– Сомневаюсь, что я вернул тебе девственность. Может, ты просто спала не с тем мужчиной? Может, чтобы видеть сны, тебе надо спать со мной?

Сандугаш вздохнула и ничего не ответила. Что она могла ему сказать? Рассказать про Костю? Про свою красивую и горькую любовь к нему? Обидится еще. А от него, от Федора Птичкина, зависит, получит ли Сандугаш корону. И миллион. Миллион, который может спасти Костю.

Глава 7

И вот наконец настал тот день, которого все они ждали последние месяцы. Конкурс «Мисс Страна». Ранним утром девушек – не спавших от волнения всю ночь, без косметики, но в радостном возбуждении, – посадили в автобус и повезли в концертный зал. Ссоры забылись, и теперь все они держались как одна команда, готовая к большому приключению. Даже Наташа немного повеселела и раздобрилась до того, что предложила остальным воспользоваться ее пудрой.

– Самая лучшая пудра, в ЦУМе за десять тысяч купила! Мельчайший помол, это просто фотошоп для лица! – хвасталась она.

До конкурса был еще почти целый день, а за кулисами уже началась суета. Привезли платья и купальники – к каждому была приколота записка с именем участницы. Платья предоставил известный модельер – для него это была хорошая реклама. Финальные репетиции – несколько прогонов.

За два часа до конкурса Марианна заставила девушек плотно поесть, специально заказала лотки с горячей едой из хорошего ресторана. Ни у кого не было аппетита, но Марианна следила, чтобы ели через силу – голодные обмороки на сцене ей не нужны.

И вот наконец – начало. В зале – толпа. И жюри, и гости, и зрители, которые специально купили билеты, и фотографы, и пресса.

«Ни на кого не обращайтесь внимание! – напутствовала Марианна. – Помните, что каждая из вас – королева! У каждой есть шанс!»

Но за несколько минут до первого выхода все-таки случилась беда. Одна из девушек вдруг упала на пол, закрывая руками лицо.

– Что с ней, что с ней? – запаниковала Марианна.

– Я не знаю! – рыдала красавица. – Лицо горит!

Она распахнула ладони, и все ахнули – верхний слой кожи как будто был обожжен. Все лицо покраснело, покрылось волдырями.

– Что ты съела? У тебя что, аллергия?

– Нет у меня никаких аллергий! – заходила в рыданиях она. – Я просто взяла ее пудру! Наташину! Она всем предлагала, рекламировала! Никто не взял, а я, дура, взяла!

Марианна обернулась к Наташе, но та лишь высокомерно передернула плечами:

– А при чем тут я? Я сама этой пудрой пользовалась. Как видите, все хорошо. Она врет! Оскалдить меня хочет.

– Это неправда! – рыдала несчастная. – Она нарочно все подстроила! Хотела выключить нас всех из иг-

ры!

– Ладно, дайте мне эту пудру. Я посмотрю. – Голос Марианны не предвещал ничего хорошего.

Но выяснилось, что пудреница уже куда-то потерялась.

– Наверное, кто-то из девчонок спёр. – Вид у Наташи был довольный. – А что с них, нищесбродок, возьмишь!

Времени на выяснение отношений не было – первый выход и так задерживался. Для пострадавшей девушки вызвали «скорую». И теперь в конкурсе осталось всего двадцать две участницы.

Время как будто ускорилося. На репетициях казалось, что каждый выход – это событие. А в реальности – пять минут, и снова ожидание за сценой. Дефиле в вечерних платьях. Представление каждой участницы, короткий ролик о ней. Диалог с ведущим. Каждая старалась казаться остроумной – получалось не очень хорошо. Но зрители вроде бы были довольны. Да и Марианна оттаяла. Даже постыдная история с пудреницей отошла на второй план. Все шло своим чередом. Все шло идеально. Ее очередной идеальный конкурс, ее дитя.

Выход в купальниках. Одна из девушек поскользнулась на высоких каблуках и упала навзничь. Заплака-

ла прямо на сцене, держась за щиколотку – видимо, порвала связки. Но все шли мимо, улыбаясь, никто не хотел упускать свой шанс на победу. Марианна заметила сочувственный взгляд Сандугаш и толкнула ее в спину: «Иди! Это твоя победа, сделай вид, что ничего не происходит, улыбайся и иди!» И Сандугаш пошла. Но проходя мимо упавшей, встретилась с ее беспомощным взглядом. Представила, каково это – отползать в купальнике на глазах у толпы. Остановилась и помогла девушке подняться, проводила ее за сцену. Та опиралась на плечо Сандугаш и шептала ей в ухо: «Спасибо, спасибо...» Свой выход Сандугаш пропустила.

И вот осталось только пять финалисток. Сандугаш была расстроена – казалось, ее шанс упущен. Она променяла корону и спасение Кости на минутный порыв души, помощь той, которая никогда не была и не станет ей подругой. Но как ни странно, ее имя прозвучало в числе финалисток.

Сандугаш, Наташа, Влада, Аля и еще одна девушка, из Санкт-Петербурга, больше похожая на балерину, а не на модель.

Ведущий опрашивает каждую из пяти, это уже более подробное интервью.

Наконец та священная минута, ради которой они здесь и собрались.

Объявляют вторую вице-мисс. Титул достался балерине – та не верила своему счастью, поскольку вообще на победу не рассчитывала. Думала, что все куплено, все по блату – и вдруг такое. Не главная корона, конечно, но все равно – и фотовспышки, и огромные букеты цветов, и подаренная спонсорами белоснежная норковая шуба до пола.

Первая вице-мисс. Ведущий торжественно объявляет Наташу. Но та не идет вперед, в ее глазах злые слезы. Губы сжаты, и она даже больше не кажется красивой. Марианна выходит на сцену, берет инициативу в свои руки, подталкивает девушку: «Все сантименты потом! Иди! А ну пошла!»

И наконец – королева. Новая Мисс Страна!

Сандугаш слышит свое имя и не верит. Как молотком по темечку. Она столько об этом мечтала, так долго к этому шла, и вот это произошло – а ноги ватные, а в сердце ни восторга, ни удовлетворения. Вообще ничего.

Как в тумане Сандугаш выступила вперед. Перед глазами стояла пелена. Как будто бы все не с ней происходило. Она как будто видела себя со стороны. Присела в реверансе перед девушкой, которая надела на ее голову тяжеленную корону, – это была приехавшая на награждение прошлогодняя Мисс Страна.

Громкая музыка, обступившая Сандугаш толпа. Она – звезда, она – в центре внимания. Все хотят прикоснуться к новой королеве, сфотографироваться с ней.

Марианна так сжимает ее в объятиях, что еще чуть-чуть – и задушит.

Вертинский целует ей руку, и его глаза говорят: а ведь жаль, что все вышло так. Вертинскому еще предстоит грандиозный скандал с Наташей. За сценой она будет молотить его букетом, не стесняясь, при всех, с искаженным от ярости лицом – пока ее не оттащит охрана.

Федор Птичкин целует Сандугаш в щеку и шепчет в ухо: «Любитель кукол с Московского проспекта больше не будет похищать девочек».

У Сандугаш кружится голова, она едва стоит на ногах.

Наконец все девушки уходят за кулисы, на сцене – финальный небольшой концерт от поп-звезд. Сандугаш еле жива – ей кажется, в этот день она пересекла Стикс. Переступила важную черту. Старая жизнь закончилась. И началась совсем другая.

Теперь она – не просто безвестная девочка из деревни Выдрино.

Она – королева.

Она – новая Мисс Страна.

...Федор еще раз успел перехватить ее этим вече-

ром. Приобнял и шепнул:

– Последнюю игрушку петербургского нашли живой и даже нетронутой. Благодаря твоим снам. И моим охотничьим псам. Приходи снова ко мне спать, Сандугаш...

Но она сейчас могла думать только об одном.

Получить миллион.

Вылечить Костю.

Глава 8

Марианна подписала с Сандугаш контракт.

– Я сделаю из тебя профессиональную модель. Только слушайся. Года через три будешь знаменита. Если, конечно, не выскочишь замуж за миллионера...

– Марианна Николаевна, вы же знаете, что у меня жених, что я все это делаю ради Кости...

Марианна усмехнулась. Она не сомневалась, что после всего того блеска, который Сандугаш видела в Москве, после тех мужчин, с которыми она познакомилась, после встреч с Федором Птичкиным, который отнесся к ней на редкость мягко, девочка разочаруется в выдринском возлюбленном. Впрочем... Она была такая странная, эта девочка, настолько не от мира сего. И Птичкина как-то сумела укротить. И даже ее, Марианну... Вызвала в ней материнские чувства, о наличии которых у себя Марианна и не подозревала! Впрочем, Марианне было удобнее думать, что она все делает по расчету. Ведь красота Сандугаш – это теперь ее сокровище, ее золото, которое она пустит в оборот и получит прибыль... А для этого нужно постараться, чтобы девочка была спокойна и довольна. С другими своими манекенщицами Марианна так не возилась. Но Сандугаш была особенная, во всех от-

ношениях.

Марианна отвезла Сандугаш в Онкоцентр на Каширке – целый медицинский город!

Там девушке подробно объяснили, какой минимум документов необходим, чтобы Костю как можно быстрее госпитализировали на платной основе, чтобы быстрее, быстрее, быстрее... Удобнее всего ему будет добраться до Москвы не поездом, а самолетом, на который у нее когда-то не хватило денег. Теперь Сандугаш могла обеспечить ему все.

Да, миллиона на хорошее лечение мало, это такая детская мечта – миллион. Но если ей удастся сделать карьеру, о которой твердят ей все, она сможет обеспечивать жизнь Кости так долго, как это возможно, а главное – болеть он будет с комфортом и уж точно без мучений.

Только вот дозвониться Косте она никак не могла... Звонок срывался. Все время срывался.

Родителям дозвонилась легко. И бабушке. И Ритке. Бабушка плакала от счастья за нее, Ритка визжала от радости, голос отца был, как всегда, ровным и слегка безразличным, зато мама говорила с ней теплее, чем прежде, – видимо, тоже гордилась за нее, и малыши рвались «поговорить», хотя говорить-то еще и не умели.

Но все, у кого Сандугаш спрашивала, как дела у Ко-

сти, как-то странно, нарочито сдержанно отвечали: «У него все в порядке».

Сандугаш паниковала. Неужели он умирает, а они скрывают от нее? Неужели это могло произойти так быстро? Или, скорее, он все еще скрывает от всех свою болезнь... А таким тоном они говорят, потому что считают, что Костя теперь ей не пара.

Надо было ехать в Выдрино, во всем разобраться самой. И родных навестить... Собственно, это было официальным поводом для поездки.

Марианна заявила, что Сандугаш будет сопровождать телохранительница, которую она лично наймет. Не телохранитель, чтобы «в этой вашей деревне Крысино не подумали, что это твой жених», а именно телохранительница.

– Я не настолько знаменита, чтобы мне нужен был телохранитель или телохранительница.

– Пока нет. Но твоя красота – это уже ценное имущество. Так что я приставлю к тебе сторожевую собаку.

Телохранительница оказалась армянкой двухметрового роста. Довольно красивой, несмотря на рельефные мускулы и традиционно выдающийся нос. Звали ее Лола, была она неразговорчива, но видимо, привыкла отвечать на вопрос нанимателей, почему девушка занялась восточными единоборствами, на-

училась стрелять, драться и выбрала в конце концов профессию телохранителя.

Лола рассказала, что родилась в Сумгаите за год до армянских погромов. Юную мать с малышкой Лолой спрятала у себя русская соседка, но остальных членов семьи убили, и особенно жестоко глумились над женщинами – над бабушкой и тетей. Их обнаженные тела долго лежали во дворе, мать увидела их из окна шестого этажа прежде, чем соседка оттащила ее в глубь комнаты. Мать увезла Лолу подальше от Сумгаита и Нагорного Карабаха, в Подмоскowie, где тяжело работала, чтобы дать девочке образование, но не могла удержаться, рассказывала ей обо всем, что пришлось пережить, и Лола с детства решила: она станет бойцом, и если умрет, то в бою. К счастью, физически она была здоровой, ростом удалась в покойного отца, который был настоящим богатырем, и вот теперь в возрасте двадцати восьми лет работала телохранителем. Нанимали ее обычно для юных и прекрасных жен бизнесменов, и больше не для защиты от возможной опасности, а для того, чтобы эти юные и прекрасные не имели шансов наставить бизнесменам развесистые рога. Но если что, защитить она тоже могла, в ее послужном списке были и серьезные эпизоды. Впрочем, не будь Лола отличным профессионалом, Марианна ее бы не наняла. Она всегда вы-

бирала лучших.

Сандугаш старалась не слишком глазеть на Лолу, но все же исподтишка разглядывала ее: женщина-телохранитель, интересно же! И заметила, что Лола тоже ее разглядывает с любопытством. Перехватив взгляд Сандугаш, Лола пояснила:

– Пытаюсь понять, в чем ваша уникальность. Я не в первый раз работаю на Марианну Николаевну и в этой сфере, среди вас, красавиц, покрутиться успела. Про вас всякое говорят...

– Что именно?

– У господина Птичкина специфическая репутация, но к вам он относится так, словно вы принцесса Монако. Или еще какая-нибудь принцесса. И с вами нельзя, как с другими.

Сандугаш было приятно услышать от постороннего человека, что Федор так к ней относится. Вообще, все происходящее с ней было так прекрасно и удивительно, что она могла бы от души этим насладиться. Если бы не Костя. Если бы не страх за его жизнь.

Она везла подарки для всех. Нежный синий палантин из чистого шелка – для мамы, ей пойдет. Самый большой флакон «Estee» для бабушки. Все бестселлеры косметики «MAC» для Ритки; хотела купить платье, но побоялась ошибиться с размером и вспомнила, как Ритка когда-то изнывала над статьей про

«МАС», про все их замечательные штучки и сложные оттенки. Сандугаш просто зашла в магазин, показала тоненькой девушке в черной униформе фото Ритки, и та подобрала ей полный макияж, с кистями и всем необходимым. Еще Сандугаш нашла целый игровой уголок для близнецов, яркий, платмассовый, с домиком, в который можно залезать, с пирамидками, кубиками и нанизывающимися кольцами; коробка была такой огромной, что ее отправили в грузовой отсек. Валентину Петровну она тоже не забыла, купила ей огромную теплую павловопосадскую шаль. Труднее всего было с подарком для отца. Галстуки он не носил, алкоголь не пил, парфюмом не пользовался. Сандугаш в конце концов купила ему новый планшет. Он же читает книги и смотрит телевизор... Ну, а технические новинки мужчины вроде бы любят.

Для Кости она везла серый кашемировый свитер. Подарок, который согреет его, когда Сандугаш не будет рядом. Ведь она не сможет в больнице сидеть возле его постели, как планировала когда-то. Ей придется работать, чтобы хватало на лечение и можно было перевезти его в Германию, если что-то сложится не так...

Сандугаш с Лолой являли собой такую странную пару, что на них все оборачивались, стоило им вый-

ти из самолета в Иркутске. Для девушек была заказана машина, мощный вездеход. Лола сидела за рулем; Сандугаш в дороге уснула. Проснулась, почувствовав, что телохранительница деликатно теребит ее за руку, а машина стоит.

– Приехали?

– Да. Выдрино. Только куда сначала вас везти? К родителям или к Константину Еремееву?

– Давайте сразу к Косте, а то у своих я застряну и буду изводиться. Мне надо его увидеть. Надо понять, в каком он состоянии, сказать ему, что деньги на лечение есть и я скоро увезу его в Москву.

Лола непроницаемо на нее посмотрела, газанула и свернула налево.

Когда машина остановилась возле Костиного дома, Сандугаш не сразу справилась с сердцебиением и с дрожью в руках. Она снова попыталась набрать его номер – и снова звонок сорвался. Странно, ведь теперь она не из Москвы звонит, их разделяют не тысячи километров, а всего лишь забор и стена... Сандугаш отстегнула ремень безо пасности, но Лола ее удержала.

– Сначала я.

Лола вышла, осмотрела все вокруг, открыла дверцу перед Сандугаш и пошла рядом с ней. Калитка была не заперта. Если бы не Лола, Сандугаш не сразу

решилась бы нажать на кнопку звонка, но Лола была рядом, и показывать себя нерешительной овцой Сандугаш не хотелось.

К счастью, открыл Костя.

Выглядел он просто прекрасно: загорелый, румяный, глаза сияют... Никаких признаков ослабления организма. Сандугаш даже рассмеялась от счастья – от того, что видит его и что он пока еще в хорошем состоянии, а значит, шанс на выздоровление велик.

– Ух ты. Не ожидал. Я... Не ожидал, правда, – пробормотал Костя, оттесняя Сандугаш и Лолу с верхней ступеньки и закрывая за собой дверь. – Ты же теперь звезда, королева красоты. Не думал, что ты приедешь.

От изумления Сандугаш не сразу нашлась, что ответить.

– Да как же ты мог не ожидать? Я же поехала, чтобы заработать тебе деньги на лечение. Я для этого в конкурсе участвовала. И для этого все сделала, чтобы победить. Костя, я договорилась уже в клинике. Тебе надо ложиться на обследование как можно скорее, у них есть методики прогрессивного лечения...

– Подожди, подожди, не части. Так, а подружка не может пока прогуляться? – Костя покосился на Лолу.

– Я не подружка. Я телохранитель. Я на работе и прогуляться не могу.

– Телохранитель... Круто как. Это потому, что ты – звезда? Или покровитель появился богатый?

– Костя, о чем ты вообще говоришь? Я тебе – про клинику, а ты мне...

Дверь позади Кости приоткрылась, выглянула Марина:

– Ну, с кем ты там завис? – и ойкнула при виде Сандугаш.

– Мариш, уйди. Мы сейчас поговорим, и я вернусь.

Марина открыла рот, хотела что-то сказать, но не решилась. Слишком великолепной выглядела Сандугаш. Слишком блистательной. Даже предположить, что вот эта полубогиня может быть ее соперницей, любовницей Кости, Марина не могла. Потому не могла обругать ее и прогнать. И она отступила в дом, в надежное тепло, в бормотание телевизора, к требовательному «Мама! Мама!» Юлечки.

– Костя, послушай, в твоей ситуации время дорого...

– Нет, Сандугаш. Это ты меня послушай. Я нехорошо с тобой поступил, каюсь. Но я ж мужик. Как говорит тетя Валя, порода моя кобелиная... Сандугаш, нету у меня никакого рака. Соврал я тебе. Я, собственно, хотел просто соскочить, закончить наши отношения как-то по-доброму, ну, красиво, чтобы не просто бросить тебя, а чтобы ты сама ушла, потому что будущего нет,

я болен, все такое. Ну, а потом сказал бы, что все стабилизировалось, вот скриплю пока. Да я даже не думал, что потом буду врать. В тот момент мне хотелось уйти без скандалов и соплей. Не мог я дальше с тобой. Потому что... Ну, жениться на такой, как ты, надо. А мне хотелось с тобой только любиться. Я бы не смог тебе хорошим мужем стать. Я даже для Маринки плохой муж. Но она меня терпит и будет терпеть. Так что ты прости. Но на самом деле для тебя это даже хорошо получилось. Ты теперь королева красоты. Мисс Страна! И миллионерша заодно. Раз миллион получила. Так что ты даже поблагодарить меня можешь. – Костя криво усмехнулся.

– На материальную благодарность намекаешь? – поинтересовалась Лола.

– Не лезла бы ты, а? Охраняешь – вот и охраняй. Молча.

– Не ты мой наниматель. Если она скажет мне молчать – замолчу.

Но Сандугаш ничего не могла сказать. Она сошла с крыльца дома, в котором прожила самый счастливый месяц в своей жизни, и направилась к машине. Лола мгновенно оказалась рядом. Распахнула перед ней дверцу...

Пришибленный вид Сандугаш и ее молчание роди-

телей и бабушку не насторожили: устала девочка, из такой дали приехала. Распаковали подарки, полюбовались еще раз на фотографии Сандугаш в короне, которые Лола помогла найти через Интернет на новом планшете. Поужинали. Сандугаш отказалась от всего, что для нее наготовили, попросила омлет. Потом улеглись спать. Лола настояла на том, чтобы ночевать в предельной близости от Сандугаш, так что произошли перестановки: кровати близнецов перенесли в спальню родителей, а из спальни притащили оленью шкуру, служившую там ковром; на ней телохранительница и уснула.

Сандугаш даже не плакала, настолько опустошенной она себя чувствовала.

Дура. Какая же она дура.

Но Костя... Как он мог? Почему?

Глупый вопрос. Понятно почему. Трахнуть ее хотел, как и все. Только, в отличие от всех, не желал платить за удовольствие. Да и не мог заплатить ничем, кроме женитьбы. И решил не платить. Легко ведь она ему досталась, даже ухаживать не пришлось. Поманил – она и пошла. Любовь с первого взгляда, да...

Девчонка, дура! О любви мечтала, и показалось, что вот он, ее герой...

А герой оказался – кем? Подлецом? Трусом? Нет. Обычным мужиком. Почему бы не взять, если хочется

и взять можно. Вот он и взял.

Вспомнился вдруг «Жестокий романс». Этот фильм очень любила бабушка, и всякий раз, когда его по телевизору показывали, они смотрели.

В памяти возникли широко распахнутые зеленые глаза красавицы Ларисы Гузеевой и ее отчаянное: «Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину. Уж если быть вещью, так одно утешение – быть дорогой, очень дорогой...»

Лариса – забавно, что и героиню, и актрису зовут Ларисой, – хочет отдаться богачу Кнурову, который увезет ее в Париж, на выставку, и даст ей такое содержание, что никто ее не посмеет осудить.

Что ж, Сандугаш может теперь забыть о своей глупенькой девичьей любви, вернуться в Москву и поступить на содержание к Леопольду Вертинскому. Он богат. Он добр. Он положит весь мир к ее ногам. И не будет требовать от нее чего-то особенно неприятного... Ничего, кроме ответной доброты и верности.

Она сделает карьеру, ее лицо появится на обложках «Vogue» и «Harper's Bazaar», она станет пить жизнь полной чашей, и чаша эта будет из чистого золота.

Если бы только не...

Федор. Загадочный, опасный, злой Федор. Человек, в глазах которого она однажды увидела космос, всю непознаваемую глубину Вселенной. Человек, в глазах которого она однажды увидела хищного зверя, спрятавшегося в смертную плоть, древнего и страшного зверя. Человек, в глазах которого она видела душу, искореженную, измученную. И, наконец, только в его глазах она видела свое отражение таким... таким красивым. Сияющим.

Федор. Он без нее... Сандугаш чуть было не произнесла мысленно «пропадет» – и тут же рассмеялась. Это про Костю она думала, что он без нее пропадет. Но Костя не пропал и даже процветает. Федор же не пропадет точно. Нет. Но все же она чувствовала, что нужна ему. Иначе, чем Вертинскому. Не только как красивая женщина. Между ней и Федором было что-то еще. И он тоже был ей нужен... Только Сандугаш не могла понять почему. Вспомнилась песня из «Жестокого романса» про Снегурочку.

Вот, точно. Это про нее. Она – Снегурочка. Федор – огонь. Ничем хорошим это не кончится. Он или попортит ей кожу плеткой, а ведь кожа – это часть ее капитала, или вовсе убьет, заигравшись.

И тут словно кто-то шепнул Сандугаш на ухо: «Не в этот раз. Теперь все должно быть иначе. Ты больше не шаманка. Ты сможешь...»

Что она сможет?

И что это за голоса?

Наверное, она уже спит и ей снится?

Да нет же, не спит, она совершенно точно бодрствует.

«Я помогу тебе поймать его. Это будет даже интересно. Настоящая охота!» – сказал Федор, когда Сандугаш решила рассказать ему о своих снах и тревогах.

И поймал. И сдал полиции.

«Если еще что-нибудь интересное во сне увидишь – говори мне. Я с удовольствием поохочусь снова!»

Да. Должно быть, в этом все дело. Поэтому ее так тянет к Федору.

Или все же – как в той песне? Да, да! Какие верные, какие точные слова! Словно про нее, Сандугаш, писалось. И она чуть слышно замурлыкала песенку в тишине своей спальни.

...Когда Сандугаш уснула, ей приснилась темная московская улица. Молодая женщина шла домой. Она слишком устала, чтобы бояться темноты, тем более в своем районе. Она не знала, что за ней охотится мерзкая тварь, считающая себя мужчиной, но на самом деле утратившая право называться человеком. Это существо планировало напасть, придушить, из-

насиловать и задушить окончательно, когда оно будет внутри у женщины, чтобы последние спазмы умирающего организма подарили ему оргазм: другим способом получить разрядку оно не могло.

Женщина не знала, что за ней охотится тварь. А тварь не знала, что за ней охотятся двое. Мисс Страна в сверкающей короне королевы красоты и огромный белый волк с серебряными глазами. Они были напарниками. Они были любовниками. Возможно, придет миг, когда волк повернется и нападет на свою возлюбленную... Но возможно, ей удастся окончательно приручить его. И совместная охота продолжится.